

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

17 2025
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 17 (568) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Абхиджит Винаяк Банерджи* (1961), американский экономист индийского происхождения.

Абхиджит Банерджи родился в семье индийских ученых-экономистов Дипака и Нирмалы Банерджи. Он учился в Калькутском университете и в Университете Джавахарлара Неру в Нью-Дели, а докторскую степень получил в Гарвардском университете. Банерджи преподавал в Гарварде и Принстоне, работал в Массачусетском технологическом институте, где с 2003 года является международным профессором экономики фонда Форда.

Первоначально научные интересы Банерджи были связаны с экономической теорией информации, которой была посвящена его докторская диссертация. Наибольшее научное признание в этот период получила его статья «Простая модель стадного поведения», где было показано, что при принятии решений рациональные индивиды учитывают тот выбор, который был сделан до них другими индивидами, исходя из предположения о том, что другие индивиды могли располагать лучшей информацией, чем они.

Работая в Массачусетском технологическом институте, Банерджи обратился к проблемам экономического развития и стал в этой области одним из пионеров применения методов рандомизированных контролируемых исследований, привнес в экономическую науку опыт и методику клинических исследований в медицинской практике, где новые лекарственные препараты и методы лечения должны проходить проверку в ходе двойных слепых рандомизированных испытаний. Отказавшись от теоретических построений общего характера, основное внимание он стал уделять микроэкономическому анализу практических проблем, связанных с экономическим развитием.

На этом этапе научной карьеры ученицей, коллегой, основным соавтором публикаций, а затем и супругой Банерджи стала Эстер Дюфло, вместе с которой в 2003 году они основали лабораторию по борьбе с бедностью имени Абдула Латифа Джамии при Массачусетском технологическом институте и стали ее содиректорами. Лаборатория является исследова-

тельской сетью, объединяющей ученых по всему миру. Задача лаборатории состоит в проведении рандомизированных контролируемых исследований для ответа на вопросы, имеющие решающее значение для борьбы с бедностью.

Чтобы определить, каковы барьеры, которые мешают бедным улучшить свое экономическое положение, Банерджи и Дюфло провели множество исследований эффективности конкретных программ помощи, получаемой населением беднейших стран от правительственных агентств, международных организаций и благотворительных фондов.

Для этого проводились полевые эксперименты, в которых результаты регионов, входящих в контрольную выборку, сравнивались с результатами регионов, входящих в выборку, которая подвергалась экспериментальному воздействию. Исследуемые программы помощи отличались масштабом и были нацелены на решение широкого круга проблем бедности — в области образования, здравоохранения, микрокредитования, гендерного неравенства, инфраструктуры, сельского хозяйства и др. Результаты исследований были обобщены в книге «Экономика бедных».

Банерджи являлся почетным советником многих организаций и органов власти, включая Всемирный банк и правительство Индии. В 2011 году журнал *Foreign Policy* назвал его одним из 100 ведущих мировых мыслителей. Генеральный секретарь ООН включил Банерджи в состав группы видных деятелей высокого уровня по вопросам разработки повестки дня в области развития на период после 2015 года. Абхиджит Винаяк Банерджи является почетным доктором Лёвенского католического университета, Высшей нормальной школы Лиона и Пенсильванского университета, а также членом Национальной академии наук США и лауреатом множества премий и наград, включая индийскую премию Infosys и премию по экономике памяти Альфреда Нобеля (2019).

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Агаев Э. А. Правовые последствия некачественно оказанных образовательных услуг: межотраслевой аспект	75	Гавриловский А. С. Генезис и развитие законодательства о чрезвычайном положении	98
Афанасьев Г. М. Историческое развитие института гражданского иска в уголовном судопроизводстве	76	Гайсина А. И. Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 116 Уголовного кодекса Российской Федерации	101
Байрамкулова Х. О., Буртаева Е. С. Социальное обеспечение в Карачаево-Черкесской Республике	78	Герасименко Л. В. Отказ в совершении нотариального действия как способ охраны прав и свобод граждан и юридических лиц.....	103
Баландина Д. Д. Процедура реализации имущества в деле о банкротстве гражданина	79	Гильченко Г. И. Стимулирующие выплаты как элемент заработной платы в трудовом праве	105
Белов М. С. Предупреждение нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: актуальные направления	82	Гиренко А. С., Бузулукова А. Н. Развитие института смягчающих обстоятельств в российском уголовном праве: исторический аспект, современные тенденции и практика применения	108
Бицуева М. М., Кочукова Е. К. Международное право и глобальные вызовы (на примере пандемии COVID-19)	84	Гогуев Р. М. Анализ предмета прокурорского надзора за внешнеэкономической деятельностью	109
Болотский Д. В. Правовая природа договора доверительного управления имуществом	88	Гогуев Р. М. Полномочия и актуальные проблемы прокурорского надзора в сфере внешнеэкономической деятельности	111
Борздая С. В. К вопросу о критериях специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.....	90	Головачев И. С. Противодействие коррупции в государственных и муниципальных организациях	113
Борздая С. В. К вопросу о назначении наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении.....	92	Головкин Г. К. Государственное регулирование оборота электронных денег и криптовалюты в Российской Федерации.....	115
Вазирова Р. М., Мартынова Д. В. Развитие социальной политики в Республике Дагестан	93	Гочияева Х. Х., Ульянова П. С. Особенности рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей	116
Врашев А. Р. Историческое развитие правового регулирования эмиссии и денежно-кредитной политики в России	96	Гриненко В. В. Особенности назначения и исполнения наказания в виде ограничения по военной службе	120

Гужина Я. К. Актуальные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка.....	122
Гузеева Е. К. Отдельные вопросы недействительности завещания	123
Дмитриев А. А. Основания возникновения гражданско- правовой ответственности в процессе банкротства	126
Зуйков А. И. Разграничение компетенций Суда по интеллектуальным правам и иных судов....	128
Иванова А. В. Направления совершенствования судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью	130
Игнатьева М. Н. Электронные носители информации как доказательства в уголовном процессе.....	133
Исаков Д. С. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (статья 205.2 УК РФ): проблемы регламентации и квалификации	135
Искакова Э. Ф., Сарсынбаева К. О. Защита прав работников в условиях цифровизации: новые вызовы и решения.....	136
Кадырова А. А. Наследование лиц, зачатых после смерти наследодателя с использованием суррогатного материнства	138
Козлов Д. В. Корпоративный договор: механизм правового регулирования	140
Колобов И. А., Ерофеев М. Б. Гражданско-правовое регулирование электронных сделок	142
Комлев И. О., Романова К. Е. Использование искусственного интеллекта в налоговых правоотношениях.....	144
Кочаа А. О. Теоретические и правовые основы функций органов прокуратуры Российской Федерации....	146
Кочиева Е. А., Панова У. И., Перминов А. А. Проблемы участия защитника на стадии предварительного расследования	148
Краузова С. К. Проблема идентификации перепланировки и переустройства жилых помещений	150

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовые последствия некачественно оказанных образовательных услуг: межотраслевой аспект

Агаев Эльнур Афлатунович, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует взаимосвязь гражданского и уголовного права при оказании услуг по обучению бизнесу.

Ключевые слова: некачественные услуги, мошенничество, стандарты

Актуальность темы связана с тем, что в последнее время в российском обществе так называемые инфоблогеры начали оказывать образовательные услуги по обучению достижению успеха. Проблема заключается в том, что стандарты качества таких дополнительных образовательных услуг отсутствуют.

Существуют стандарты оказания медицинских услуг, образовательных, в случае если они оказываются теми образовательными организациями, которые имеют соответствующую лицензию. Но когда мы сталкиваемся с так называемыми «тренерами по достижению успеха», то законодателем на сегодняшний день стандарты качества не выработаны. Таким образом, отсутствует реальная возможность оценить качество оказанных услуг.

В случае, если заказчик считает, что его ввели в заблуждение, то он может подать исковое заявление в суд о возврате средств, в этом случае суд либо удовлетворяет требования истца, либо отказывает в их удовлетворении. Но на практике существуют случаи, когда при аналогичных ситуациях заказчик обращался не в суд, а в правоохранительные органы с заявлением о мошенничестве, и тогда возбуждали уголовные дела. И тогда возникает вопрос: в каких случаях гражданско-правовые отношения по оказанию образовательных услуг могут стать основанием для возбуждения уголовного дела?

Важно понимать, что результат достижения целей оказания образовательных услуг очень субъективен. Во многом он зависит не только от исполнителя, но и от заказчика, который получает и воспринимает информацию. Умственные способности у каждого разные, кто-то воспринимает информацию быстро и может ее обработать, а кому-то нужно больше времени для этого. Соответственно, и от самого заказчика зависит результат курсов.

Согласно Определению КЭС ВС РФ от 04.04.2023 г. № 305-ЭС22-24429 по делу № А40-67639/2021, определяя исчерпывающим образом такое существенное условие

договора, как его предмет, федеральный законодатель не включил в понятие предмета договора возмездного оказания услуг достижение результата, ради которого он заключается. Выделение в качестве предмета данного договора совершения определенных действий или осуществления определенной деятельности обусловлено тем, что даже в рамках одного вида услуг результат, ради которого заключается договор, в каждом конкретном случае не всегда достижим, в том числе в силу объективных причин.

Обратимся к законодательству. Согласно пункту 1 статьи 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

В силу пункта 1 статьи 782 ГК РФ заказчик вправе отказать от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. Аналогичное правило содержится в статье 32 Закона о защите прав потребителей.

Верховный суд в «Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей» от 23.10.2024 пояснил, что отказ заказчика от исполнения договора может последовать как до начала оказания услуги, так и в процессе ее оказания. В случае отказа от исполнения договора в процессе оказания услуги заказчик возмещает исполнителю его фактические расходы, которые он понес до этого момента в целях исполнения той части договора, от которой заказчик отказался.

Соответственно, если плата за услугу внесена предварительно, то исполнитель обязан возратить потребителю уплаченную сумму за вычетом оплаты фактически понесенных им расходов. При длительной услуге, если не оказано иное, исполнитель обязан вернуть потребителю плату за не истекший период оказания этой услуги.

Таким образом, законодатель обеспечил потребителя всеми необходимыми правовыми механизмами для защиты его прав как при качественном, так и некачественном оказании ему услуг, включая образовательных.

Для того чтобы выяснить, в каких случаях действия лица подпадают под состав преступления, необходимо также проанализировать уголовное законодательство.

Согласно статье 159 УК РФ мошенничеством признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т. д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

Под хищением в статьях Уголовного кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого иму-

щества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества

Следует обратить внимание на такой признак преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, как безвозмездность изъятия. Безвозмездность является одним из ключевых признаков в понимании хищения и рассматривается как завладение имуществом или правом на имущество без предоставления взамен денежного, имущественного, трудового или иного эквивалента.

Исходя из анализа норм, мы приходим к выводу, что если умысел исполнителя был изначально направлен на обман, то есть с начала оказания исполнителем услуги, она была фиктивна, и не несла под собой никакой основы, и оказывалась с целью лишь извлечь исполнителем имущественную выгоду, то эти действия должны квалифицироваться как мошенничество и подпадают под состав статьи 159 УК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день ввиду того, что услуга, которую мы осветили в нашей статье, неопределенная и неоднозначная, то и качество таких услуг в определенном смысле субъективная категория. Подобный характер услуг и субъективная оценка качества услуг являются проблемой в гражданском праве, одним из препятствий в доказывании и при разрешении правовых споров по соответствующим делам.

Литература:

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М.: Статут, 2002.
2. Санникова Л. В. Услуги в гражданском праве России. — М.: Волтерс Клувер, 2006.
3. Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав. — М.: Статут, 2005.

Историческое развитие института гражданского иска в уголовном судопроизводстве

Афанасьев Глеб Максимович, студент
Тюменский государственный университет

В древнерусском праве процессуальная система формировалась из разрозненных источников, а именно из обычного права, договорных норм, церковных постановлений и указов князей. Разделение на частные и публичные дела отсутствовало, однако процесс в определенной степени напоминал исковую форму.

С изданием «Русской Правды» в 1016 году и усилением княжеской власти кровная месть постепенно утратила свое значение, уступив место денежным штрафам. Подобные штрафы выплачивались в пользу князя, что фактически превращало наказание в государственный сбор. Однако потерпевшая сторона сохраняла право на компенсацию ущерба, например, через выплаты «головщины» и «пагубы» [1].

Во времена реформ Петра I инквизиционный тип судопроизводства окончательно утвердился. Обвинение стало прерогативой государства, а разрешение дела сосредотачивалось в руках судьи. Роль потерпевшего в уголовном процессе значительно изменилась. Он стал выступать в качестве «доносителя», а его процессуальная связь с иском была устранена.

Судебный устав 1864 года впервые закрепил право подачи иска в уголовном производстве. Статьи 6 и 7 этого устава позволяли предъявлять иск за нанесенный фактический ущерб, а также за возможные убытки, например, связанные с выплатами по страховым случаям. Благодаря данному шагу гражданский иск как способ защиты инте-

ресов в уголовном судопроизводстве приблизился к современному пониманию.

В дореволюционной процессуальной системе гражданский истец обладал значительными правами, в том числе возможностью обращаться в гражданский суд, участвовать в судебных прениях и свободно оценивать доказательства. Он сохранял статус самостоятельной процессуальной фигуры в уголовном судопроизводстве.

Ситуация изменилась в период «Хрущевской оттепели». Принятие Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 года [2] и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года [3] восстановило за потерпевшими значительный объем прав, в том числе возможность предъявления гражданского иска в уголовном процессе.

С введением нового законодательства исследование гражданского иска как процессуального инструмента защиты государственных, общественных и личных интересов стало важным направлением для ученых-правоведов [4]. Гражданский истец вновь приобрел статус не просто номинальной, а фактически самостоятельной фигуры в уголовном процессе, принимая участие на стороне обвинения. Данный подход укрепил позиции потерпевших и обеспечил их права в правоприменении.

Следующим этапом в развитии института возмещения ущерба стало Средневековье, которое продолжалось до начала XIV века. Данный период характеризовался отсутствием единой правовой системы, вместо этого существовали разрозненные нормы, относящиеся к обычному праву, церковным установлениям и феодальным законам. Хотя в этих источниках встречались отдельные правила, касающиеся возмещения ущерба, полноценного механизма, аналогичного римской системе, в этот период создать не удалось. В это время формировалось Русское государство, правовая система которого в значительной мере была схожа с правовыми порядками других европейских государств. Институт возмещения ущерба в Руси был основан на обычаях кровной мести, а также на компенсационных платежах, которые позволяли избежать наказания в виде мести или штрафов в пользу князя. Впоследствии эти выплаты также могли быть использованы для компенсации ущерба потерпевшему [5].

Третий этап развития начался с экономического и культурного подъема, который пришелся на эпоху Возрождения, продолжавшийся до конца XIX века. В этот период началась правовая регламентация социальных отношений, что в конечном итоге привело к созданию ряда значимых актов, Кодекса Наполеона 1808 года и судебной реформы 1864 года. В России первые шаги к этому этапу были сделаны в 1497 году, когда был принят Судебник, который свидетельствовал о значительном раз-

витии судебной системы [6]. Он закрепил двухуровневую систему судов, ввел апелляционные инстанции по отдельным категориям дел и регулировал вопросы, связанные с уплатой государственной пошлины и развитием системы сыска. Однако, несмотря на эти достижения, институт возмещения ущерба в России оставался недостаточно развитым до реформы 1864 года [7]. Только с этого момента институт возмещения ущерба стал действовать полноценно, и его применение стало систематическим и практическим.

Четвертый этап развития российской правовой системы, связанный с компенсацией ущерба потерпевшим от преступлений, пришелся на советский период. Данный этап во многом основывался на положениях судебной реформы Александра II, которые были дополнены в соответствии с изменившимися социальными и политическими реалиями [8]. Однако на практике до середины XX века многие нормы уголовно-процессуального законодательства применялись непоследовательно, ввиду чего защита прав потерпевших носила неполноценный характер.

Ситуация изменилась ввиду издания Основ уголовного судопроизводства СССР в 1958 году [2] и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года [3]. Перечисленные нормативные акты ввели важные положения, обеспечивающие гарантии защиты прав и свобод потерпевших. Привнесенные изменения стали значительным шагом вперед в создании правовой базы для восстановления нарушенных прав и интересов пострадавших.

Подытоживая, отметим, что история института гражданского иска в уголовном процессе прошла несколько этапов развития, отражающих изменения правовых систем и общественных отношений. Первый этап восходит к Древней Месопотамии (около 1800 г. до н. э.), где законы Хаммурапи впервые закрепили нормы возмещения ущерба как меры справедливости. Второй этап связан с Древним Римом, где Законы XII таблиц ввели возмещение ущерба как часть публичного судопроизводства, а нормы римского права стали основой для правовых систем многих стран. В Древней Руси институт возмещения ущерба прошел через практику кровной мести и компенсационных выплат, постепенно эволюционируя с принятием «Русской Правды» (1016 г.) и реформ XV–XIX веков, которые систематизировали и расширили применение гражданского иска. В свою очередь, в советский период институт реформировался применительно к новой системе, а УПК РСФСР 1960 года восстановил значимость возмещения ущерба потерпевшим. Таким образом, современный этап характеризуется внедрением гражданского иска в уголовное судопроизводство с учетом защиты прав пострадавших и компенсации их убытков.

Литература:

1. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. – С. 320.

2. Основы уголовного судопроизводства СССР: утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. № 255-III // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1959. — № 1. — Ст. 15.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. № 132 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.
4. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса: учебник для вузов. — М.: Статут, 2020. — С. 202.
5. Акатов, М. А. Вопросы развития законодательства России в сфере регулирования гражданского иска / М. А. Акатов // Аспирант. — 2022. — № 2(70). — С. 29–33.
6. Судебник 1497 года // Памятники русского права. Вып. 3 / под ред. В.И. Сергеевича. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1880. — С. 24–35.
7. Амичба Л. Р., Казакова Е. И., Стрелкова П. А. Гражданский иск и проблемы его разрешения в уголовном судопроизводстве // Моя профессиональная карьера. — 2021. — Т. 1. № 30. — С. 295.
8. Соколов, Е. С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: сравнительно-правовой и исторический анализ / Е. С. Соколов, М. В. Макаровский // Синергия Наук. — 2017. — № 18. — С. 1647–1651.

Социальное обеспечение в Карачаево-Черкесской Республике

Байрамкулова Халимат Османовна, студент;

Буртаева Екатерина Сергеевна, студент

Научный руководитель: Изварина Юлия Юрьевна, старший преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

Законодательство в Российской Федерации направлено на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это обусловлено тем, что статья 7 Конституции РФ [1] провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, а следовательно, это одно из основных направлений государственной деятельности.

Ключевые слова: социальное обеспечение, Карачаево-Черкесская Республика, трудная жизненная ситуация.

В жизни каждого человека может произойти непредвиденный случай, способный нанести вред его здоровью и привести к утрате трудоспособности. Подобные обстоятельства могут привести к утрате основного источника средств к существованию, будь то заработок, или доходы от предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности.

Учитывая данные обстоятельства, государство на федеральном и региональных уровнях правового регулирования предусматривает определенные формы социального обеспечения.

Социальное обеспечение в Карачаево-Черкесской Республике (далее-КЧР) представляет собой комплексную систему мер государственной поддержки граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. Данная система включает в себя различные виды социальной помощи, пенсионные выплаты и льготы для отдельных категорий граждан.

Социальное обеспечение в КЧР осуществляется Министерством труда и социального развития Карачаево-Черкесской Республики (далее-Минтрудсоцразвития КЧР). Стоит упомянуть, что лица, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, могут обратиться непосредственно в подведомственные учреждения Минтрудсоцразвития КЧР вблизи своего населенного пункта, либо позвонить на горячую линию, либо ознакомиться с необходимой информацией на сайте Минтрудсоцразвития КЧР: <https://www.mintrudkchr.ru/> [2].

В республике действуют следующие основные формы социального обеспечения:

— Пенсионное обеспечение — включает трудовые пенсии, пенсии по инвалидности, потери кормильца и социальные пенсии.

— Социальные выплаты — пособия по безработице, пособия на детей, единовременные выплаты при рождении ребенка.

— Компенсационные выплаты — компенсации для ветеранов труда, тружеников тыла, реабилитированных лиц.

— Адресная помощь — поддержка малоимущих семей и граждан.

— Льготы — предоставление бесплатного проезда, лекарств, коммунальных услуг отдельным категориям граждан.

Помимо этого, в КЧР активно реализуются социальные программы для поддержки населения, такие как «Старшее поколение», «Семья и дети», «Доступная среда», «Содействие занятости населения» и т. д.

Особенностями социального обеспечения в КЧР являются национальные особенности региона, климатические условия и географическое положение, демографическая ситуация.

На основе Стратегии социально-экономического развития Карачаево-Черкесской Республики до 2025 года Система социальной защиты в долгосрочной перспективе должна обеспечить реализацию мер, способству-

ющих компенсации, ослаблению и устранению факторов и предпосылок, негативно влияющих на качество жизни отдельных социальных групп и граждан, социальной адаптации и интеграции граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Основной целью развития системы социальной защиты населения до 2025 года является достижение необходимого и достаточного уровня доступности для граждан в трудной жизненной ситуации эффективного предоставления социальной поддержки и социального обслуживания на основе модернизации всевозможных механизмов.

Развитие социальной защиты населения должно быть направлено на предупреждение различных социальных рисков путем предоставления государственных услуг, отвечающих мировым стандартам качества и доступных вне зависимости от места проживания, и адресной социальной поддержки, оказываемой тем, кто не в состоянии обеспечить для себя минимальные жизненные стандарты собственными силами. Необходимо обеспечить формирование системы социальной защиты, отвечающей потреб-

ностям современного общества, реализующей, помимо социальной защиты, функции социального развития и создающей доступные механизмы «социального лифта» для всех категорий населения [3].

Основные направления совершенствования системы социального обеспечения:

- Цифровизация социальных услуг
- Расширение мер поддержки семей с детьми
- Развитие системы долговременного ухода
- Повышение эффективности адресной социальной помощи
- Внедрение новых форм социального обслуживания

Таким образом, социальное обеспечение в Карачаево-Черкесской Республике постоянно совершенствуется с учетом потребностей населения и возможностей регионального бюджета. Особое внимание уделяется поддержке наиболее уязвимых категорий граждан, включая пенсионеров, инвалидов, многодетные семьи и малоимущие слои населения. Дальнейшее развитие системы направлено на повышение качества и доступности социальных услуг для всех категорий граждан.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/6e9322b9a111e965ab5650f7f01bf0039d6a29c6/
2. Лайпанов А. М. Ведущие направления развития системы социальной защиты Карачаево-Черкесской Республики // Экономика и социум. 2020. №1 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veduschie-napravleniya-razvitiya-sistemy-sotsialnoy-zaschity-karachaevo-cherkesskoy-respubliki> (дата обращения: 23.04.2025).

Процедура реализации имущества в деле о банкротстве гражданина

Баландина Диана Дмитриевна, студент
Челябинский государственный университет

Одним из часто применяемых в последние годы способов уйти от кредитных обязательств является у физлиц возможность объявления банкротства. При признании судом финансовой несостоятельности должника (то есть неспособности выплачивать по кредитам), начинается процедура исполнительного производства по реализации имеющегося у него имущества (конкурсной массы) в счет погашения задолженности. Однако, несмотря на достаточно устоявшуюся практику такой процедуры, до настоящего времени остается ряд нерешенных вопросов и пробелов в законодательстве, отдельным аспектам которых посвящена данная статья.

Ключевые слова: банкротство, физлица, конкурсная масса, процедура реализации имущества, совместное имущество супругов, продажа на торгах.

Продажа имущества при банкротстве граждан не оставляет должников без средств к существованию. ФЗ № 127 [2] защищает интересы граждан, позволяя сохранить за ними право на владение жизненно важным имуществом, которое гарантированно остается у них при исполнительном производстве.

Под реализацией (продажей) имущества при процедуре банкротства понимается принудительное его изъятие

у должника с целью его продажи на аукционе. Полученные средства делятся между кредиторами и используются для покрытия расходов, связанных с процессом признания гражданина банкротом и списанием его долгов [7].

Кроме принудительного изъятия, возможны и варианты мирового соглашения, а также реструктуризации задолженности. Однако к ним прибегают реже, так как они невыгодны должникам и сложно реализуемы для заем-

щиков. Так как в этих вариантах не предполагается полного обнуления долгов, а предлагается лишь более гибкие условия по расчетам с заемщиками.

Минимальный период для реализации имущества в процессе банкротства граждан — полгода. В некоторых случаях, когда имущество не было успешно продано или расчеты с банками и другими кредиторами еще не завершены, суд имеет право продлить этот срок. Также суд может продлить процесс, если на этапе реализации имущества выявляются сделки, которые могут быть оспорены. Такие ситуации возникают, когда граждане стремятся быстро распродать свое имущество, чтобы оно не отошло кредиторам.

После распродажи имущества управляющий финансами производит расчеты с кредиторами и отчитывается перед арбитражным судом, который завершает процедуру банкротства. Именно после этого заемщик становится свободным от дальнейших обязательств по своим долгам.

Что касается имущества, подлежащего продаже при банкротстве физического лица, закон позволяет изымать и реализовывать любое имущество должника, за исключением того, что нельзя взыскать законным образом. Под действие взыскания попадают не только недвижимость, транспортные средства или предметы роскоши, но и доходы должника.

Тем не менее, гражданин может обратиться в суд с просьбой об исключении из конкурсной массы имущества, стоимость которого составляет до 10 тысяч рублей. Для исключения более дорогого имущества необходимо предоставить убедительное обоснование (например, жизненно необходимые средства восстановления здоровья и т. п.).

Например, гражданин является инвалидом II группы, которому требуются определенные лекарства, прописанные врачом, для поддержания здоровья. При наличии такого обоснования Арбитражный суд может исключить из конкурсной массы сумму, необходимую инвалиду ежемесячно для покупки этих лекарств.

Помимо личного имущества, суд вправе взыскать то, что принадлежит должнику на правах долевой собственности. К примеру, он владеет 1/2 частью нежилого встроенного помещения. Эта доля может быть изъята по суду и продана на торгах для погашения имеющейся задолженности. Семейный кодекс России позволяет также обратиться взыскание на общее имущество супружеской пары. Однако в этом случае рассматриваются и условия проживания семьи. Например, гражданин, имея суммарную задолженность перед несколькими банками в размере 2,8 млн. руб., владеет на равных правах с женой домом, в котором также с ними проживает несколько малолетних детей, и автомобилем. В данном случае при введении процедуры реализации имущества дом будет оставлен должнику и его семье, если его стоимость не будет выходить за рамки «единственно пригодного для постоянного проживания помещения» — так называемый «имущественный иммунитет» (см. п.3 ст.213.25 ФЗ № 127, абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК [1] и Постановления Конституционного Суда РФ от

26.04.2021 № 15-П [5]), или не будет признано судом нецелесообразным его изъятие и замена на более дешевое (например, при сумме задолженности, в разы превышающей стоимость этого жилья).

А имеющийся у них в совместной собственности, например, автомобиль — как показывает судебная практика — будет продан в счет долга, но половина его стоимости финансирующим будет возвращена супруге.

В указанном выше постановлении Конституционного суда нет однозначного решения вопроса о том, какое жилье считать «единственно пригодным...» (другими словами — «роскошным» или превышающим минимальные требования для адекватного проживания. При отсутствии других критериев суды часто ориентируются на «норму площади».

Также не допускается продажа единственного жилья и замена его на альтернативное более дешевое в другом населенном пункте, где стоимость квадратного метра недвижимости ниже (например, не допускается продажа единственного жилья в Москве с заменой его на более дешевое в Череповце). Однако встречаются и примеры, когда суд в индивидуальном порядке принимает решение о включении недвижимости в конкурсную массу должника, даже если она не покрывает всей суммы задолженности и является его единственным жильем. Показательно в этом отношении дело № А40–291728/2018 [6], по которому в 2022 году арбитражным судом Москвы была изъята квартира должника, одним из оснований чего выступило то, что он в ней фактически не проживает (постоянно находится за границей). В другом же аналогичном случае в том же году квартира должника была исключена из конкурсной массы, так как иначе все это бы привело к затягиванию и удорожанию процедуры банкротства, а в итоге — к оставшейся сумме, заведомо более низкой, чем сумма долга заемщика кредиторам.

Таким образом, участие единственного жилья в процедуре банкротства до конца не урегулировано законодательством, и суды принимают решения на свое усмотрение, ориентируясь каждый раз на собственно установленные критерии оценки и исходя из «принципа справедливого баланса между должником и кредиторами» (п.39 Пленума ВС [4]).

В отношении другого имущества должника, исключаемого из конкурсной массы при процедуре банкротства, указанного также в ст. 446 ГПК, ситуация более однозначная.

Далее рассмотрим сопутствующие банкротству граждан вопросы реализации имущества, находящегося в залоге.

Залоговое имущество, подлежащее продаже, — это любое имущество должника, переданное кредитной организации по договору залога или ипотеки в качестве гарантии выполнения обязательств по возврату кредита. Распределение средств, полученных от продажи такого имущества, осуществляется в следующем порядке:

80 % — направляется для расчетов с кредитором-залогодержателем;

10 % — направляется для расчетов с кредиторами первой и второй очереди;

10 % — направляется на погашение судебных расходов и оплату услуг финансового управляющего.

Если кредитор-залогодержатель вошёл в реестр требований, заложенное имущество — будь то недвижимость или транспортные средства — изымается, включается в конкурсную массу и выставляется на продажу на торгах.

Отдельно стоит отметить специфику реализации имущества, находящегося в ипотеке.

Ипотечный кредит создает сложные правовые вопросы в процессе банкротства физических лиц. Зачастую заложенное имущество является единственным местом проживания как должника, так и его семьи. В таких ситуациях арбитражный суд, рассматривающий дела о финансовой несостоятельности, руководствуется положениями ФЗ № 102 [3]. Ипотечное жильё (даже если оно единственное) может быть изъято у должника, так как до полной оплаты кредита оно считается залоговым.

Однако бывают исключения, связанные с неподачей или несвоевременной подачей организации, выдавшей ипотеку должнику, требования о включении его в реестр кредиторов, то оно не будет являться частью конкурсной массы. И с момента признания должника банкротом, право залога на него заканчивается.

Поэтому заемщику целесообразно заранее (до процедуры банкротства) выкупить ипотечную недвижимость, превратив ее тем самым в единственное доступное жильё с высокой вероятностью которое не будет изъято по суду (см. рассмотренные выше абз. 2 ч. ст. 446 ГПК и Постановление № 15-П).

Процесс реализации имущества в рамках банкротства физических лиц включает несколько этапов [8]:

1. Формирование конкурсной массы. Суд назначает финансового управляющего, который выявляет активы должника. Для этого он запрашивает данные из различных государственных и коммерческих источников, таких как Росреестр, банки, ГАИ и других. Финансовый управляющий также проводит опись личного имущества должника.

2. Корректировка списка активов. На данном этапе должник вправе оспорить состав активов и исключить определённые вещи. Из списка убираются активы стоимостью ниже 30 тыс. руб. или те, что являются средствами заработка (например, участок земли для фермера).

3. Оценка имущества. Финансовый управляющий назначает независимого оценщика, который определяет рыночную стоимость активов для их последующей продажи.

4. Ходатайство в суд о начале торгов. После завершения оценки управляющий подаёт в суд заявку на организацию торгов, в которой указывается полный список имущества, подлежащего продаже.

5. Объявление о торгах. После судебного решения финансовый управляющий размещает объявления о начале торгов на Федеральном ресурсе и на сайте ГИС Торги.

6. Проведение торгов. В установленный день проводятся открытые электронные аукционы или публичные торги, участие в которых принимают лица, подавшие заявки заранее. Срок подачи заявок — 2 месяца.

Торги проводятся в три этапа:

Аукцион. Основой служит рыночная стоимость имущества, при этом устанавливается шаг в 5–10 %. Участник, предложивший наивысшую цену, побеждает.

Повторный аукцион. Если заявки отсутствуют, торги признаются несостоявшимися, и имущество выставляется повторно со скидкой в 10 % от рыночной стоимости.

Торги через публичное предложение. Этот этап касается неликвидного имущества, которое не было продано на предыдущих этапах.

Если по завершении торгов остаются нереализованные активы, финансовый управляющий предложит их кредиторам в натуре. В случае отказа имущество будет возвращено его собственнику.

7. Проведение расчетов по финансовым требованиям кредиторов. После продажи имущества вычитаются средства на оплату услуг финансового управляющего, судебные расходы, а также обязательства, подлежащие погашению в первую и вторую очередь. Оставшиеся средства затем распределяются среди кредиторов, при этом банки-залогодержатели имеют преимущество. Они получают 80 % от суммы, вырученной от реализации залогового имущества. Остальные долги арбитражный суд имеет право признать погашенными, даже если после расчетов с кредиторами первой очереди средств не осталось.

8. Подготовка отчета для кредиторов и Арбитражного суда. По результатам торгов арбитражный управляющий составляет отчет для кредиторов и суда, к которому прикладываются документы, подтверждающие данные о проданных активах и размер выручки. Процедура реализации обычно завершается в течение шести месяцев, хотя в редких случаях может затянуться до 10–12 месяцев. Закон также позволяет продлить срок реализации имущества в случае объективной необходимости при банкротстве физических лиц. Арбитражный суд может принимать решение о продлении процедуры неограниченное количество раз. На продолжительность этого процесса влияют ликвидность активов, согласование с кредиторами и совладельцами, состояние рынка и покупательская способность, объемы имущества и уровни задолженности. Если имущество не было реализовано за полгода и вырученные средства не покрыли долги, суд вправе продлить сроки.

Следует отметить, что арбитражный суд может признать гражданина банкротом даже при отсутствии имущества, которое можно было бы продать. В отсутствие активов торги не проводятся, а отсутствие регулярного дохода и имущественных сделок за последние три года лишь ускоряет процесс достижения финансовой свободы. Если в течение шести месяцев финансовый управляющий не обнаружит у должника ликвидного имущества и не выявит сомнительных сделок, арбитражный суд сможет законно списать долги. Однако, если суд заметит признаки преднамеренного или фиктивного банкротства, или недобросовестности со стороны должника, он вправе отказать в списании долгов, даже если отсутствуют доходы или имущество для формирования конкурсной массы.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 12.06.2024) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, декабрь, 2015.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // СЗ РФ. 2021. № 19. Ст. 3290.
6. Постановление от 18 июля 2023 г. по делу № А40–291728/2018. Арбитражный суд Московского округа (ФАС МО) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/abjamXztCOQ4/> <https://www.vbr.ru/bankrotstvo/help/poterya-imyestva-pri-bankrotstve-fiziceskih-lic/> (дата обращения: 22.04.2025).
7. Касьянова, О. Потеря имущества при банкротстве физических лиц // Выберу.ру. URL: <https://www.vbr.ru/bankrotstvo/help/poterya-imyestva-pri-bankrotstve-fiziceskih-lic/> (дата обращения: 22.04.2025).
8. Кулешина, М. Реализация имущества должника-физического лица при банкротстве / М. Кулешина // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/05/realizaciya_imuschestva_dolzhnika-fizicheskogo_lica_pri_bankrotstve_96936 (дата обращения: 22.04.2025).

Предупреждение нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: актуальные направления

Белов Михаил Сергеевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Куликова Олеся Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Смоленский государственный университет

В статье анализируются актуальные направления предупреждения преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Целью работы является установление наиболее важных направлений деятельности Российской Федерации в области мероприятий и мер, способных предупредить нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспорта.

Ключевые слова: предупреждение, правила дорожного движения, эксплуатация транспорта, уголовная ответственность.

Prevention of violations of traffic rules and vehicle operation: current directions

Belov Mikhail Sergeevich, student master's degree
Scientific advisor: Kulikova Olesya Nikolayevna, candidate of law sciences, associate professor
Smolensk State University

The article analyzes current trends in the prevention of criminal violations of traffic rules and the operation of vehicles. The purpose of the work is to identify the most important areas of activity of the Russian Federation in the field of measures and measures that can prevent violations of traffic rules and the operation of transport.

Keywords: warning, traffic rules, vehicle operation, criminal liability.

Современные показатели состояния преступного поведения на дороге остаются высокими и достаточно стабильными [2, с. 6]. Это обусловлено увеличением

транспорта и потоков его движения, несоответствие транспортной инфраструктуры дорожной нагрузке. В 2021 году по ст. 264 УК России осуждено 8074 человек, в 2022 году —

8370 лиц, а в 2023–8118 граждан [4]. Данные указывают, что количество рассматриваемых преступлений не имеет тенденции положительной динамики снижения. Она незначительна. Именно сложившаяся тенденция распространения преступлений в рассматриваемой сфере, реальная ситуация, возникающая на дорогах, как правило настойчиво требует от государства социально-правовых и экономических мер, способных на государственном и муниципальном уровнях своевременно реагировать, а наиболее эффективно — предупреждать развитие нарушений в области управления транспортом и при его эксплуатации.

Во-первых, предупреждение нарушений позволяет снизить количество ДТП и связанных с ними травм и смертей. Статистика показывает, что большая часть аварий происходит из-за невнимательности или игнорирования правил. Если водители будут осведомлены о возможных последствиях своих действий, увидят предупреждения, это может заставить их более ответственно подходить к вождению.

Во-вторых, предупреждения помогают формировать культуру соблюдения правил. Когда водители регулярно получают информацию о нарушениях, формируется общественное мнение о недопустимости таких действий. На перспективу это может привести к изменению поведения на дорогах, а, следовательно, к более безопасной дорожной ситуации для всех участников движения.

Помимо того, следует учесть, что предупреждения могут служить образовательным инструментом. Они подчеркивают важность соблюдения правил, напоминают водителям о необходимости внимательного отношения к дорожной обстановке, что особенно актуально для начинающих, с малой практикой, слабо знающих отдельные нюансы.

В добавление, предупреждения о нарушениях могут быть важной составляющей деятельности правоохранительных органов. С одной стороны, говорят об активности и готовности государства защищать безопасность граждан. С другой, повышают доверие общества к полиции, способствуют сотрудничеству между водителями и органами охраны правопорядка.

Итак, в первую очередь определим, что субъектами предупредительного воздействия на нарушения в области дорожного движения и эксплуатации транспорта выступают, как органы государства, например, ГИБДД России, так и иные учреждения, организации, чья деятельность опосредованно связана с возможностью повлиять на уменьшение рассматриваемых видов транспортных нарушений.

Если говорить о работе структур Государственной инспекции безопасности дорожного движения, то мерами предупреждения их работы следует назвать административно-предупредительные, такие как проверка документов, осмотр транспортного средства, проверка состояния лица, управляющего им и др. Такие меры имеют специфический характер, так как могут применяться сотрудниками ГИБДД при отсутствии совершенного правонарушения. Это законная, установленная для автоинспекции работа, особенностью которой выступает место ее

проведения — места передвижения транспорта, автомобильные стоянки, территории предприятий.

Высоким профилактическим воздействием являются профилактические мероприятия в области предупреждения дорожно-транспортной преступности. Это выступления, беседы, лекции о статистике пострадавших от ДТП, материальном ущербе, количестве лишенных права управления транспортом в связи с участием в происшествиях. Демонстрация видеоматериалов, сюжетов о погибших, получивших увечья граждан, поврежденных транспортных средствах и пр. Такие беседы должны проводиться в местах концентрации лиц, участвующих в определенных процессах в области дорожного движения. Это, как автоколонны, троллейбусные и автобусные парки, автошколы, так и медицинские учреждения, проводящие предрейсовые осмотры, выдающие заключения о состоянии здоровья (о годности, способности к управлению транспортом).

СМИ и социально-коммуникативные сети относятся к субъектам профилактики нарушений ПДД как со стороны водителей, так и иных участников дорожного движения. Особенностью их предупредительной деятельности через сюжетные материалы является наглядность последствий от транспортных происшествий, их реальный вред и колоссальные потери (как человеческие, так и материальные).

Отдельным видом субъектов предупреждения нарушений ПДД среди организаций занимают специализированные автотранспортные учебные заведения. Деятельность таких учреждений направлена не только на изучение теоретических основ правил, получение навыков практического характера, но и требования к безопасному поведению водителя на дороге, соблюдения установленных требований в России. Так, в поисковике об автошколах в Смоленске, сайт <https://zoon.ru/smolensk/trainings/type/avtoshkola/> выдает нам: «мы нашли для вас 42 учебных центра подготовки водителей в городе Смоленске» [1]. В большей части о их деятельности указаны положительные отзывы, но естественным, образом только данные органов ГИБДД могут дать объективную характеристику результатов их труда, а такая работа в стране, регионах не практикуется.

Семья — основа получения знаний и базовых социальных навыков во всех сферах жизни. Получение первичной информации в сфере дорожного движения, правил поведения на транспорте общего и личного пользования является залогом предупреждения нарушений ПДД и эксплуатации транспорта при условии правильной информированности детей и подростков об установленных в законе требованиях.

Суд как орган государственной власти также обладает предупредительной функцией в области дорожно-транспортных нарушений. Это вытекает из судебных полномочий, при помощи которых, вынося гражданину административное или уголовное наказание в виде запрета управления транспортным средством на определенный срок, физическому лицу, тем самым, предоставляется

срок для исправления, пересмотра своего противозаконного поведения в дорожно-транспортной сфере.

Наряду с субъектами предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, их деятельности и проводимых мероприятий, профилактических мер, следует определить обеспечение безопасной эксплуатации транспортных средств. Данное направление включает такое поведение граждан, которые пользуются в обыденной жизни общественным, служебным, рабочим транспортом, транспортом для перевозки пассажиров (особенно детей) в экскурсионных, туристических и иных целях. Обеспечение безопасной эксплуатации является не только общественно-социальным и нравственным требованием, но и входит в служебные обязанности определенных категорий работников (служащих).

Следующим направлением выступает существенное улучшение объективных условий движения, обеспечение которого возлагается на дорожные и коммунальные службы, организации улучшения и облагораживания дорог, лежащих вдоль автотрасс, дорожного покрытия в городах, администрации городов, сельских поселений, строительных организаций, деятельности органов государства, муниципальной власти в регионах, которые могут быть комплексными мероприятиями, включающими особенности градостроительного комплекса, географических характеристик, численности населения, численности автотранспорта ежедневно выезжающего на дорогу в городе, населенном пункте, вне их пределов, инфраструктуры и качества дорожного покрытия, освещенности местности.

Изложенные нами позиции в целом направленные на предупреждение неосторожных транспортных происше-

ствий, преступлений должны также включать совершенствование контроля за техническим состоянием транспортных средств, повышение уровня профессиональной подготовки работников транспорта, а также водителей индивидуальных транспортных средств, совершенствование нормативных актов, регламентирующих административную и уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспорта [3, с. 169].

Предупреждение преступлений выступает выжым направлением профилактического характера в правовых, организационных, социальных, процедурных действиях представителей органов власти, общественности и иных социально-общественных институтов в области понимания требований законов в области дорожного движения, установленных правил поведения на дороге, в местах перемещения транспорта личного, общественного и иного пользования.

Таким образом, предупреждение нарушений правил дорожного движения — это не просто мера контроля, а серьезный шаг к созданию безопасной и ответственной дорожной культуры. Справедливое и последовательное применение предупреждений способствует снижению аварийности за счет изменения поведения водителей, их осознанной, реальной ответственности и дисциплинированности, укреплению доверия к органам (прозрачности и равенства перед законом), снижению риска коррупции и, что не менее важно, экономии ресурсов (предотвращению серьезных ДТП и последствий). Только совместными усилиями всех участников дорожного движения можно создать оптимальные условия для безопасного передвижения, минимизировать риски для жизни и здоровья людей.

Литература:

1. Автошколы в Смоленске. URL: <https://zoon.ru/smolensk/trainings/type/avtoshkola/> (дата обращения 07.02. 2025).
2. Кравцов А. Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение дорожно-транспортной преступности в условиях крупного города: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Кравцов Алексей Юрьевич; [Место защиты: Акад. Генер. прокуратуры РФ]. — Москва, 2014. — 35 с.
3. Мидловец М. В. Система мер по профилактике и предупреждению дорожно-транспортных преступлений// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 167–173.
4. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 09.01. 2025).

Международное право и глобальные вызовы (на примере пандемии COVID-19)

Бицуева Милана Михайловна, студент;

Кочукова Елена Константиновна, студент

Научный руководитель: Пазына Евгений Олегович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Статья исследует влияние пандемии 2020 года на формирование международного права в сфере здравоохранения, акцентируя внимание на проблемах равенства, защиты прав человека и эффективности международных договоров. В ра-

боте анализируются пробелы в Международных медико-санитарных правилах (ММСП 2005), недостатки программы COVAX, а также ограничения прав человека в условиях чрезвычайных ситуаций. Пандемия обнажила необходимость усилить правовую базу глобального сотрудничества, закрепить механизмы принуждения для справедливого распределения ресурсов и уточнить рамки соразмерности ограничений прав. В статье также рассматриваются последние реформы ВОЗ, включая поправки к ММСП, которые вступят в силу в 2025 году, и их роль в повышении готовности к будущим кризисам

Ключевые слова: международное право, пандемия 2020, Международные медико-санитарные правила, ММСП, COVAX, права человека, чрезвычайные ситуации, глобальное сотрудничество, справедливое распределение вакцин, ВОЗ, Всемирная организация здравоохранения.

Международное право, как система норм, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами международного сообщества, неизбежно отражает динамику глобальных процессов. В XXI веке одним из ключевых вызовов стало распространение пандемии COVID-19, которая выявила пробелы в существующих международно-правовых механизмах и одновременно послужила импульсом к их развитию.

Актуальность темы исследования обусловлена глобальными вызовами, ставшими следствием пандемии 2020 года, которые подчеркнули уязвимость международно-правовых механизмов в области здравоохранения. Вирусная пандемия не только стала тестом для эффективности международных договоров, таких как Международные медико-санитарные правила 2005 года (далее – ММСП), но и обнажила фундаментальные диспропорции в распределении ресурсов, а также противоречия между национальными интересами и принципами солидарности, закрепленными в Уставе Организации Объединенных Наций (ООН).

Основная цель работы — проанализировать, как пандемия COVID-19 повлияла на развитие международного права, выявив пробелы в регулировании трансграничных угроз здоровью и защите прав человека. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- оценить эффективность ММСП 2005 в условиях глобального кризиса;
- исследовать правовые аспекты неравномерного доступа к вакцинам и роль программы COVAX;
- проанализировать соответствие ограничений прав человека в период локдауна международно-правовым стандартам;
- обосновать необходимость реформирования норм международного права для предотвращения подобных кризисов.

Международно-правовое регулирование в сфере здравоохранения. Сфера медицины в современном мире становится ключевым элементом международно-правовых отношений, отражающим принципы сотрудничества и защиты прав человека. Глобальные вызовы, такие как пандемия COVID-19, подчеркивают необходимость устойчивых механизмов регулирования, которые способны обеспечить доступ к медицинским технологиям и скоординировать усилия государств. В контексте последних событий, включая распространение коронави-

русной инфекции, актуальность этой темы резко возросла, что привело к пересмотру норм международного законодательства.

Одним из центральных документов, регулирующих вопросы реагирования на трансграничные угрозы здоровью, является Международные медико-санитарные правила (ММСП) 2005 года, принятые Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Согласно статье 2 ММСП «Цель и сфера применения настоящих Правил состоят в предотвращении международного распространения болезней, предохранении от них, борьбе с ними и принятии ответных мер на уровне общественного здравоохранения, которые соизмеримы с рисками для здоровья населения и ограничены ими и которые не создают излишних препятствий для международных перевозок и торговли» [1].

Однако пандемия COVID-19 показала, что данные положения не обеспечивают реального механизма принуждения и координации между странами. ММСП основывается на добросовестном уведомлении о вспышках болезней (ст. 6), но не содержит действенных санкций за сокрытие или искажение информации. Примером тому может служить критика в адрес Китая, обвиненного рядом государств в запоздалом предоставлении данных ВОЗ в начале 2020 года.

Как отмечает Нечаев Д. Д. «действительно, вспышка COVID-19 наглядно продемонстрировала такие важные пробелы в ММСП, как узкая сфера применения (в первую очередь сосредоточенная на отчетности), отсутствие эффективного механизма контроля за правоприменением, постоянная необходимость улучшения коммуникации между заинтересованными сторонами, а также в укреплении связи между национальными координационными центрами и другими заинтересованными сторонами» [2].

ВОЗ оказалась ограничена в своих возможностях не только юридически, но и финансово. Это вновь поставило вопрос о необходимости реформирования глобальной системы охраны здоровья, включая создание международной конвенции о пандемиях, работа над которой была инициирована в 2021 году. Согласно проекту такой конвенции, предполагается создание правовых обязательств государств по обмену данными, обеспечению равного доступа к медицинским ресурсам, а также созданию механизмов мониторинга и правовой ответственности [3].

В январе 2022 года Исполнительный комитет ВОЗ в решении EB150(3) рекомендовал «внедрить необходимые

меры для оценки потенциальных изменений к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.)», что направлено на повышение глобальной готовности и эффективности реагирования на чрезвычайные ситуации в сфере общественного здравоохранения. Пакет предложений по поправкам к ММСП был согласован государствами-членами с 29 мая по 1 июня 2024 г. при участии редакционной группы, созданной Комитетом А на 77-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения. В настоящее время поправки в ММСП не вступили в законную силу. Согласно статье 59 ММСП (с изменениями от 2022 года), поправки, одобренные на 77-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения (2024 года), вступают в действие через 12 месяцев после направления Генеральным директором ВОЗ уведомления государствам-участникам. Уведомление было отправлено 19 сентября 2024 года, следовательно, поправки вступят в силу 19 сентября 2025 года [4].

Права человека в условиях чрезвычайных ситуаций. Распространение коронавирусной инфекции привело к беспрецедентному ограничению прав и свобод человека. Практически все правительства ввели ограничения на свободу передвижения, собраний, предпринимательскую деятельность и конфиденциальность частной жизни (в связи с отслеживанием контактов через цифровые приложения).

Согласно статье 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года (далее — МПГПП), «во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте Государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему Пакту только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения» [5].

Однако при этом подчёркивается, что такие меры:

- 1) не должны носить дискриминационный характер;
- 2) должны быть официально объявлены;
- 3) не затрагивают неотъемлемые права (например, право на жизнь, запрет пыток и рабства).

Как подчёркивает В. Л. Толстых: «Реагируя на пандемию, многие государства ограничили права человека; при этом были сделаны заявления о возможности временного отступления от правозащитных обязательств в чрезвычайной ситуации и ограничения прав человека в интересах национальной безопасности, охраны здоровья и защиты прав других лиц» [6].

В условиях коронавирусной инфекции возникли вопросы о правомерности ряда решений. Например, в

2020 году в Европейском суде по правам человека (дело *Communaute genevoise d'action syndicale v. Switzerland*) рассматривалась жалоба на ограничение права на митинги. Суд подчеркнул, что даже в условиях пандемии государства обязаны учитывать принцип соразмерности, и каждая мера должна быть обоснована научно и юридически [7].

Итак, во многих странах пандемия послужила основанием для ограничения основных прав и свобод, таких как свобода передвижения, собраний, трудовая деятельность. Эти меры, хоть и носили временный характер, породили споры о соразмерности ограничений. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года допускает возможность ограничения прав в чрезвычайных ситуациях, но требуют соблюдения принципов необходимости, пропорциональности и недискриминации. Мировое сообщество до сих пор обсуждает, в какой мере государства соблюдали эти принципы.

Ещё один аспект влияния коронавирусной инфекции на формирование межгосударственного права — **неравномерный доступ к вакцинам**. Пандемия SARS-CoV-2¹ 2020 года выявила глубокие диспропорции в распределении вакцин между государствами, что стало серьезным вызовом для международного права. По данным Международного чрезвычайного фонда помощи детям при ООН (ЮНИСЕФ) и ВОЗ, к середине 2021 года 75 % всех доз вакцин были распределены среди 10 стран, в то время как развивающиеся страны получали лишь остатки [8]. Это вызвало критику в адрес государств, обладающих технологическим и экономическим преимуществом, и породило обсуждение справедливости в международном публичном праве.

Программа COVAX [9], запущенная ВОЗ и Глобальным альянсом по вакцинам (GAVI), была призвана обеспечить равный доступ к вакцинам, но оказалась недостаточно эффективной. Ее механизм, основанный на добровольных пожертвованиях и соглашениях о поставках, оказался недостаточным для борьбы с монополией фармацевтических компаний и протекционистскими мерами государств. Это свидетельствует о пробелах не только в техническом, но и в правовом обеспечении глобальной солидарности, что указывает на необходимость закрепления правовых обязательств в международных договорах, включая:

- обязательства по технологическому обмену (аналогично статье 73 Устава ООН, регулирующей интересы зависимых территорий);
- механизмы принуждения для выполнения обязательств по справедливому распределению ресурсов.

Появление коронавирусной инфекции продемонстрировало, что система международных норм права недостаточно адаптирована к глобальным вызовам, особенно в сфере здравоохранения. Несмотря на де-

¹ Научное название вируса, вызвавшего пандемию COVID-19.

кларативные нормы, такие как право на здоровье (ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах), отсутствие юридически обязывающих механизмов приводит к нарушению принципов справедливости. Для преодоления этого кризиса представляется целесообразным:

- усилить правовую базу COVAX, превратив ее из добровольной инициативы в обязательный институт;
- принять соглашения о временной отмене патентов на медицинские технологии в условиях глобальных угроз;
- внедрить санкции за нарушение принципов солидарности, как это предусмотрено в статье 2(4) Устава ООН, запрещающей угрозы международному миру.

Пандемия COVID-19 оказала следующее влияние на развитие международного права.

1. Усиление акцента на международное сотрудничество. Коронавирусная инфекция обнажила несовершенства существующих механизмов, таких как недостаточная координация в разработке вакцин и слабая система экстренного реагирования. Это привело к пересмотру договоров, например, с усилением статуса ВОЗ как координатора.

2. Рост ответственности государств. Пандемия укрепила позицию права на здоровье как неотъемлемого элемента международно-правовых обязательств. Многие правительства стали более активно включать в соглашения нормы о доступе к лекарствам и технологиям, а также о прозрачности в случае эпидемий.

3. Проблемы и вызовы. Несмотря на прогресс, остаются вопросы:

- неравномерный доступ к ресурсам между развитыми и развивающимися странами;
- недостаток санкционных механизмов для принуждения государств к соблюдению норм;
- необходимость уточнения правового статуса глобальных кризисов в международном праве.

Таким образом, пандемия COVID-19 выявила ряд недостатков международного права в области здравоохранения и защиты прав человека. Она продемонстрировала необходимость разработки более жестких и юридически обязывающих механизмов международного реагирования, а также акцентировала внимание на важности баланса между правами человека и необходимыми ограничениями в условиях глобальной угрозы.

Литература:

1. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Международные медико-санитарные правила (2005 г.) [Электронный ресурс]. Международное соглашение от 23 мая 2005 г. № A58/55. Вступил в силу 15 июня 2007 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901947562> (дата обращения: 08.04.2025).
2. Нечаев, Д. Д. Проект конвенции ВОЗ по подготовке к пандемиям и реагированию на них («Pandemic» treaty) / Д. Д. Нечаев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 14 (461). — С. 223–226. — URL: <https://moluch.ru/archive/461/101443/> (дата обращения: 08.04.2025).
3. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Постатейный сборник предлагаемых поправок к Международным медико-санитарным правилам (2005) [Электронный ресурс]. Представлен в соответствии с решением WHA75(9) (2022). URL: https://apps.who.int/gb/wgihhr/pdf_files/wgihhr2/A_WGHR2_7-en.pdf (дата обращения: 08.04.2025).
4. . Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Внесение поправок в Международные медико-санитарные правила [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/questions-and-answers/item/international-health-regulations-amendments> (дата обращения: 08.04.2025).
5. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 08.04.2025).
6. Толстых В. Л. COVID-19 и международное право: общие вопросы. Московский журнал международного права. 2021;(3):45–62. URL: <https://doi.org/10.24833/08690049-2021-3-45-62> (дата обращения: 08.04.2025).
7. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека в контексте пандемии // Отчеты Института прав человека. URL: <http://reports.ilpp.ru/covid-and-human-rights/ecthr-practice/> (дата обращения: 08.04.2025).
8. Материалы Всемирной организации здравоохранения и других международных организаций [Электронный ресурс]. URL: https://pl.spb.ru/readers/covid_19/page_4.php (дата обращения: 09.04.2025).
9. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). COVAX: сотрудничество в интересах справедливого доступа к вакцинам против COVID-19 во всем мире [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/initiatives/act-accelerator/covax> (дата обращения: 09.04.2025)

Правовая природа договора доверительного управления имуществом

Болотский Даниил Владимирович, студент

Научный руководитель: Малкин Олег Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Уже более двадцати лет институт доверительного управления имуществом функционирует на территории России, имея собственную структуру и относительную независимость в своем содержании. Однако существует ряд проблем, связанных с неопределенностью статуса и вопросом, какое имущество будет подлежать доверительному управлению. Раскрывая правовые вопросы договора доверительного управления, необходимо отметить, что в отечественной цивилистике существует два основных подхода к данному вопросу, выделенных современной гражданско-правовой наукой. Один из подходов связан с обязательственно-правовой моделью доверительного управления, в то время как другой определяет право доверительного управления как отдельный вид ограниченных вещных прав. Автор проводит анализ позиций отечественных ученых-цивилистов в отношении данной темы.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, договор, доверительное управление, корпорация, сделка, активы.

Legal nature of property trust management agreement

This article examines the various points of view of domestic civil law scholars on the nature of the property trust management agreement. There are two main approaches to this issue, highlighted by modern civil law science. One of the approaches is associated with the law of obligations model of trust management, while the other defines the right of trust management as a separate type of limited property rights. The author analyzes the positions of domestic civil law scholars regarding this topic. In the Russian Federation, the main problems in the field of regulated relations were identified, and ways to solve them were determined based on the results of the study.

Keywords: Civil code, contract, trust management, corporation, transaction, assets.

Новые институты в гражданском праве в России возникли благодаря радикальным экономическим реформам в конце прошлого века. Одним из таких институтов стало доверительное управление имуществом, ранее не известное отечественному праву. Его законодательное закрепление стало основой для урегулирования общественных отношений, связанных с управлением имуществом в интересах собственника или указанного им третьего лица.

Согласно статье 1012 Гражданского кодекса РФ [2], доверительное управление имуществом — это соглашение о передаче имущества между управляющим и владельцем, в рамках которого управляющий берет на себя обязанность управлять имуществом в интересах указанного третьего лица или учредителя, в то время как собственник передает свою собственность на определенный срок для такого управления. Важными являются вопросы о природе правовых отношений, возникающих из этого контракта, и о влиянии этой договорной структуры.

Споры среди цивилистов по поводу юридической природы обсуждаемой договорной структуры не утихают. В научной литературе, учеными в области права выделяются два основных взгляда. Нами необходимо отметить, что сторонники первого подхода придерживаются континентальных правовых традиций и выделяют важность модели обязательственно-правовых отношений среди них

необходимо выделить таких учёных как: В. С. Егоров [4], А. Э. Колиева [5]. Е. А. Суханов [7], В. А. Дозорцев [3].

А. А. Рябов [6] выделяется среди сторонников противоположного подхода, утверждая, что доверительное управление является отдельным типом ограниченного вещного права. Автор приходит к данному заключению, опираясь на следующие принципы:

1) широкий круг полномочий относительно имущества, переданного управителю (при условии, что они соответствуют договору и не превышают полномочий у сетлора);

2) целью управителя является получение выгоды от объекта управления для коммерческого использования, однако это происходит через основного получателя дохода — сетлора.

Традиционные взгляды англо-американских ученых подчеркивают, что траст является сложным понятием, включающим в себя два вида права — юридическое и справедливое. Эти права позволяют участникам траста не только владеть имуществом, но и использовать его в своих интересах. Таким образом, собственность рассматривается как инвестиция и как часть личной собственности человека.

По нашему мнению, проблематично считать, что отношения и договорные конструкции имеют ограниченную вещно-правовую суть, если рассматривать их со второй позиции. Важно отметить, что управляющий тра-

стом должен всегда приоритизировать интересы учредителя траста, прежде чем заботиться о своих собственных. В противном случае это противоречило бы законодательству не только нашей страны, но и других правовых систем, согласованных с нашими законами в этом аспекте.

Основание для возникновения отношений между управленческим трастом и учредителем должно быть учтено, так как они обязательны по своей природе. При заключении безвозмездного соглашения, доверительный управляющий может сохранить возможность требовать возмещения расходов, проистекающих из его иных мотивов, которые он применяет при осуществлении управления. Важно понимать, что интерес управленческого управления не только в получении вознаграждения за услуги, но и в исполнении своих полномочий, которые отличаются от прав собственника.

В соответствии с законом, процесс управления имуществом в рамках договора селтмента предполагает передачу имущества селтлором и последующие действия трасти. Обязанное лицо, трасти, должно осуществлять управление имуществом для достижения целей, определенных в договоре. Таким образом, основой данного процесса являются действия трасти, которые должны быть выполнены в период действия соглашения.

Для подтверждения нашего заключения представим следующие аргументы. Соглашение, лежащее в основе управления доверительным имуществом, выступает в качестве ключевой характеристики обязательственных связей. В Гражданском кодексе РФ закреплена особенность правового регулирования доверительного управления, включая ограничение срока управления до пяти лет (согласно статье 1016 ГК РФ), отсутствие права на преемственность и исключение этих отношений из списка вещных прав.

Вопросы, связанные с выдачей доверенности на осуществление разнообразных действий по отношению к определенному объекту, требуют учета условно-абсолютного характера этого документа, который определяется смежными началами, основанными на самом объекте, а не на самом действии. Важно отметить, что в данном случае нет необходимости рассматривать вопрос о правах и обязанностях представителя по отношению к вещи. В свете этого, возникают сомнения относительно правильности и логичности обсуждения природы траста с точки зрения российского законодательства.

Некоторые авторы все еще утверждают концепцию «вещно-правовых» признаков в рамках обсуждаемой договорной структуры, хотя не видят логического обоснования для этого, несмотря на то, что признают отсутствие характеристик, присущих вещным правам. Джон

Х. Лангбейн [8] отмечает, что исторически отрицание контрактного характера траста использовалось для укрепления принципа справедливости, который лежит в основе института личной собственности и порождает отношения по «опеке имущества». При этом не обсуждается непринятие во внимание различий и особенностей объектов прав, включая те, которые связаны с тем, что у траста они имеют более широкий спектр, чем у вещных прав.

Систематическое управление имуществом доверительного фонда, включая взаимодействие с третьими лицами, весьма схоже с процессом представительства и становится явным при изучении данной структуры. Некоторые сторонние лица, не имеющие определенного статуса и не являющиеся участниками конкретного договора, обязаны воздерживаться от вмешательства в осуществление прав и обязанностей в отношении управляемого имущества. Подобные ситуации часто возникают в контексте арендных отношений.

Подлинная непоколебимость, проистекающая из законного наследования вещных прав, проявляется в самом существовании объекта, а не в договорных соглашениях, по которым объект передается для управления. Владелец в соответствии с указанным заголовком имеет полномочия использовать разнообразные средства для защиты своих прав от третьих лиц, включая возбуждение судебных процессов для устранения препятствий в пользовании имуществом, которым он владеет.

Трасти и другие третьи лица могут быть связаны обязательственными отношениями, основанными на договоре между управляющим и учредителем. Взаимодействие между ними содержит элементы правового статуса вещи, находящейся в пользовании трасти. Гражданское законодательство предусматривает возможность применения различных способов защиты прав, но это не является определяющим фактором для установления природы отношений.

Таким образом, анализируя сущность договора доверительного управления с юридической точки зрения, можно сделать вывод о том, что данное соглашение представляет собой конкретные отношения о предоставлении услуг в интересах третьей стороны, которые основаны на обязательствах, а не на вещно-правовых аспектах. Важно отметить, что договор доверительного управления не включает в себя создание новых прав, включая вещно-правовые права для управляющего, однако он обеспечивает эффективное использование и передачу недвижимого имущества, а также предусматривает юридические механизмы для управления этим имуществом и защиты прав его владельцев.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.>

- pravo.gov.ru, 04.07.2020. Поправки, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 N 445)
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) Текст части второй опубликован в «Российской газете» от 6, 7, 8 февраля 1996 г. N 23, 24, 25, в Собрании законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. N 5 ст. 410
  3. Дозорцев В. А. Доверительное управление // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 1996. № 12. С. 117–128
  4. Егоров В. С. Заключение договора доверительного управления паевыми инвестиционными фондами // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchenie-dogovora-doveritelnogo-upravleniya-paevymi-investitsionnymi-fondami> (дата обращения: 20.04.2024).
  5. Колиева А. Э. О формальных и неформальных способах регуляции взаимодействий между субъектами доверительных отношений // Аграрное и земельное право. — 2014. — № 12 (120). — С.41–46
  6. Рябов А. А. Траст в российском праве // Государство и право. 1996. № 9. С. 42–51
  7. Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 11. С. 44–56
  8. Langbein J. H. The Secret Life of the Trust: The Trust as an Instrument of Commerce // The Yale Law Journal. 1997. Vol. 107. № 3. P. 165–189

К вопросу о критериях специальных оснований освобождения от уголовной ответственности

Борздая Софья Васильевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматриваются основные аспекты, касающиеся применения специальных оснований для освобождения от уголовной ответственности в российском праве. Анализируются существующие юридические нормы и практика их применения, выделяются ключевые критерии, которые должны учитываться при принятии решений о возможности освобождения от уголовной ответственности. В заключение статьи подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в данной области для обеспечения справедливости и эффективности уголовного правосудия.

Ключевые слова: основания освобождения от уголовной ответственности, специальные основания, преступления, уголовный закон.

To the question about the criteria for special grounds for exemption from criminal liability

The article examines the main aspects concerning the application of special grounds for exemption from criminal liability in Russian law. It analyzes existing legal norms and the practice of their application, highlights key criteria that should be taken into account when making decisions on the possibility of exemption from criminal liability. In conclusion, the article emphasizes the need for further improvement of legislation in this area to ensure fairness and effectiveness of criminal justice.

Keywords: grounds for exemption from criminal liability, special grounds, crimes, criminal law.

В УК РФ нередки случаи закрепления специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Если УК РСФСР 1960 г. предусматривал только четыре таких случая, то на момент принятия Уголовного кодекса в 1996 году их было уже двенадцать.

Со временем их стало еще больше. Очевидна тенденция к расширению перечня норм, предусматривающих специальные основания освобождения от уголовной ответ-

ственности, обусловленная не в последнюю очередь появлением новых общественных отношений, нуждающихся в защите в том числе средствами уголовного права. Но не менее очевидна и непоследовательность при их конструировании. Чем иначе объяснить наличие примечания, предусматривающего освобождение от уголовной ответственности в ст. 126 УК РФ и отсутствие такового в ст. 127 УК РФ, а также наличие примечаний в ст. 208 и ст. 210 УК

РФ и его отсутствие в ст. 209 УК РФ или дублирование норм в примечании к ст. 198 УК РФ и ч. 1 ст. 76.1 УК РФ?

Безусловно, далеко не все общественно опасные деяния, предусмотренные в уголовном законе, могут предусматривать такие основания. Законодателю необходимы чёткие критерии при конструировании норм о специальных случаях освобождения от уголовной ответственности. На наш взгляд, в конечном итоге ответ на вопрос о необходимости конструирования того или иного примечания — это вопрос криминологической обусловленности применительно к конкретному составу преступления в тот или иной период времени. Законодатель должен иметь общие методологические представления о требованиях к конструированию таких норм. К ним следует отнести:

1. Недопустимость конструирования специальных оснований освобождения от уголовной ответственности применительно к составам неосторожных преступлений. Неосторожные преступления — это преступления небольшой и средней тяжести, освобождение за них возможно и в рамках ст. 75 УК РФ.

Как известно, содержание любой деятельности продиктовано её целями. Есть такие цели и у конструирования специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Прежде всего, это пресечение и частное предупреждение преступлений. Недопустимость их конструирования применительно к неосторожным преступлениям продиктована невозможностью достижения указанных целей такими средствами. Действительно, нет смысла освобождать от ответственности за уже совершенное неосторожное преступление, дабы исключить возможность совершения повторного неосторожного преступления. Достижение цели предупреждения неосторожных преступлений должно осуществляться в рамках общего предупреждения.

2. Нормы Особенной части УК, предусматривающие специальные основания освобождения от уголовной ответственности, не должны противоречить Общей части, определяющей возможные случаи их применения и содержание — их правовую природу. Согласно ч. 3 ст. 75 УК РФ, ч. 2 ст. 28 УПК РФ специальные случаи освобождения от уголовной ответственности являются разновидностью деятельного раскаяния, применяемыми в отношении тяжких и особо тяжких преступлений. Такие требования соблюдаются не всегда. Закрепление природы специальных оснований освобождения от уголовной ответственности в Общей части УК РФ служит не только основой для такого конструирования в нормах Особенной части, но и накладывает известные рамки. Законодатель при конструировании норм-примечаний связан необходимостью соблюдать ряд условий, относящихся к категории преступлений и к установлению обязанности (а не права) правоприменителя освобождать, а также к констатации ситуации, когда лицо «перестало быть общественно опасным». Последнее является причиной основных вопросов к законодателю при выборе того или иного состава для дополнения его примечанием.

Сложность состоит в определении на законодательном уровне того, что после совершения тяжкого или особо тяжкого преступления общественная опасность лица, его совершившего, снижается до уровня, когда нет необходимости считать эту личность объектом обязательного применения уголовной ответственности. Полагаю невозможным сделать такой однозначный объективный вывод на стадии законотворчества.

Предусматривая обязанность (а не право) правоприменителя освобождать от ответственности, законодатель вмешивается в сферу правоприменения. В связи с этим более правильным, на мой взгляд, было бы закрепление права, а не обязанности суда освобождать от уголовной ответственности по примечаниям к статьям Особенной части УК РФ. Гарантировать же права и интересы лица, совершившего преступление, от злоупотреблений со стороны правоприменителя следует за счёт развития иных правовых институтов, например, такого как досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

3. Конструкция специального основания освобождения от уголовной ответственности должна строиться применительно к продолжаемым, длящимся преступлениям, а также иным, допускающим дальнейшее (последующее) причинение вреда охраняемым общественным отношениям. Другими словами положительный эффект от освобождения должен быть больше нежели от привлечения к ответственности.

Исключением из этого требования являются преступления, сочетающие в себе высокую степень опасности с высокой степенью латентности. В этом случае, на наш взгляд, допустимо конструирование примечаний и к тем преступлениям, которые не подразумевают дальнейшего (последующего) причинения вреда охраняемым уголовным законам интересам.

4. Недопустимость конструирования специальных оснований освобождения от уголовной ответственности применительно к преступлениям, где основным объектом выступают жизнь и здоровье человека. Жизнь и здоровье, будучи наиболее значимыми в иерархии охраняемых уголовным законом объектов, являются своего рода «точкой отсчёта» при построении системы норм Особенной части УК РФ. Такая высшая значимость, на мой взгляд, не терпит исключений из общего метода уголовного права, принципа неотвратимости уголовной ответственности, коими являются поощрительные нормы в виде специальных случаев освобождения от уголовной ответственности.

Необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в области применения специальных оснований освобождения от уголовной ответственности обусловлена стремлением обеспечить справедливость и эффективность уголовного закона. Уточнение критериев освобождения позволит избежать широкого усмотрения судебной практики и гарантировать защиту прав граждан, способствуя более взвешенному подходу к каждому конкретному делу.

Литература:

1. Аликперов Х. Д. Уголовно-правовые нормы, допускающие компромисс в борьбе с преступностью / Государство и право. — 1992. — С. 112.

К вопросу о назначении наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении

Борздая Софья Васильевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается проблема назначения наказания за несколько совершенных преступлений при вердикте присяжных заседателей о снисхождении и проблема соблюдения принципа справедливости в таком случае. Анализируются действия суда и присяжных при несогласованности уголовно-правовых норм между собой, а также рассматривается практика их применения на конкретных примерах.

Ключевые слова: присяжные заседатели, вердикт присяжных о снисхождении, дела об убийстве, уголовно-правовая норма.

On the issue of sentencing with the verdict of the jury of leniency

The article examines the problem of sentencing for several crimes committed when the jury verdict is lenient and the problem of observing the principle of justice in such a case. The actions of the court and the jury when criminal law norms are inconsistent with each other are analyzed, and the practice of their application is considered using specific examples.

Keywords: jurors, jury verdict of leniency, murder cases, criminal law norm.

Изменения уголовного законодательства и практики его применения не всегда соотносятся между собой. Это приводит к несогласованности уголовно-правовых норм между собой, к невозможности выполнения нормами своего предназначения, к необходимости «подстраивать» правоприменительную практику под сложившуюся ситуацию. Иллюстрацией такого утверждения может служить следующий пример.

Согласно ч. 1 ст. 65 УК РФ срок или размер наказания лицу, признанному присяжными заседателями виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Если соответствующей статьёй Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, эти виды наказаний не применяются, а наказание назначается в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьёй. В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 «О судебной практике по делам об убийстве» (в ред. от 03.03.2015) в соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по

пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. А при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден.

Представим ситуацию (подобный случай имел место в 2012 году в практике Новосибирского областного суда), когда лицо совершило, например, 5 убийств. Такие деяния будут квалифицированы согласно действующей редакции Постановления Пленума ВС РФ № 1 от 27.01.1999 г. по ч. 2 п. «а» ст. 105 УК РФ, независимо от количества деяний. Эти деяния не образуют совокупности преступлений, представляя собой единичное преступление — так называемую «учтенную совокупность». Производство в суде первой инстанции осуществляется по заявлению подсудимого с участием суда присяжных.

Согласно ст. 339 УПК РФ вопрос о виновности ставится перед присяжными по каждому из деяний, в совершении которых обвиняется подсудимый. В случае признания подсудимого виновным ставится вопрос о том, заслуживает ли он снисхождения. По итогам рассмотрения присяжные пришли к выводу о том, что подсудимый виновен во всех инкриминируемых деяниях (убийствах), но за один из эпизодов заслуживает снисхождения. Руководствуясь ст. 65 УК РФ, суд не может назначить такому под-

судимому наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Складывается довольно парадоксальная ситуация. Лицо, совершая два «простых» убийства при отсутствии вердикта о снисхождении может получить пожизненный срок лишения свободы. В то же время лицу, совершившему девять убийств с особой жестокостью, достаточно десятое совершить при обстоятельствах, позволяющих присяжным вынести вердикт о снисхождении, и тем самым обезопасить себя от пожизненного лишения свободы.

Какой выход из сложившейся ситуации?

Вариант первый — иначе формулировать вопросы перед присяжными.

Ставить вопрос о снисхождении не за каждое деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, а только за то, которое нашло отражение в итоговой квалификации. Однако постановка такого вопроса, на наш взгляд, противоречит принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Второй вариант — изменить правила назначения наказания при вердикте присяжных путем дополнения ч. 1 ст. 65 УК РФ случаем снисхождения только за одно из совершенных деяний в учтенной совокупности.

Например, законодатель может написать следующее: пожизненное лишение свободы может назначаться за совершение двух или более преступлений, предусмотренных

статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, если санкция такой статьи предусматривает пожизненное лишение свободы, и хотя бы за одно из таких преступлений лицо признано не заслуживающим снисхождения. Однако такая формулировка является довольно громоздкой и представляет собой устранение последствий проблемы, но не самой проблемы.

Третий вариант представляется наиболее предпочтительным. Возврат к ситуации до изменений от 03.04.2008 г. в Постановлении Пленума № 1, когда по ч. 2 п. «а» ст. 105 УК РФ возможна была квалификация только тех деяний, которые охватывались единым умыслом.

Ранее деяния квалифицировались по реальной совокупности, и вопрос присяжным задавался по каждому отдельному составу преступления. Снисхождение за одно из совершенных деяний, входящих в реальную совокупность, не влекло невозможность назначения пожизненного лишения свободы за иные убийства, за которые виновный снисхождения не заслуживал.

Имевшие место изменения в Постановлении Пленума ВС РФ были продиктованы ликвидацией неоднократности в содержании УК РФ. Однако даже такой возврат не решает проблемы, так как если в совокупность входят только «простые» убийства, то назначение пожизненного лишения свободы невозможно — этот вид наказания не предусмотрен санкцией ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Литература:

1. Сазонова Е. В. Назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении. — 2008. — С. 2–4.
2. Шаталов А. С. Производство по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей: Учебно-методическое пособие. — 2017. — С. 275.
3. Щерба С. Основания и правовые последствия признания подсудимого, заслуживающего снисхождения. — 2020. — С. 12.

Развитие социальной политики в Республике Дагестан

Вазирова Раисат Магомедсаидовна, студент;
Мартынова Дарья Владимировна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье на основе анализа конституционных положений выделены основные направления социальной политики, реализуемые на всей территории Российской Федерации. Рассмотрены региональные особенности предоставления мер социальной защиты гражданам в Республике Дагестан.

Ключевые слова: социальное государство, социальная защита, социальное обеспечение, социальная политика.

В статье 7 Конституции РФ установлено, что Российская Федерация является социальным государством. Это означает, что создание условий, которые обеспечат человеку достойную жизнь и свободное развитие, является одним из направлений государственной политики [1]. Каждый человек имеет право на такой уровень

жизни, который позволит ему не только удовлетворять свои базовые потребности и нужды, но и развиваться в умственном и физическом плане, формировать себя как личность и иметь возможность принимать участие в общественной деятельности. В тех случаях, когда человек по независящим от него обстоятельствам не в состоянии

обеспечить себя в материальном отношении, государство берет на себя обязанность по оказанию ему необходимой социальной поддержки и помощи.

Право на социальное обеспечение развернуто и подробно раскрывается в статье 35 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам. Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой» [2].

Анализируя конституционные положения можно выделить следующие основные направления социальной политики страны:

- 1) охрана труда и здоровья людей;
- 2) установление гарантированного минимального размера оплаты труда;
- 3) обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства;
- 4) оказание государственной поддержки инвалидам и пожилым гражданам;
- 5) развитие системы социальных служб;
- 6) установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты [1].

Согласно Основному закону Российской Федерации социальная защита и социальное обеспечение находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Данное конституционное положение нашло свое отражение и в Конституции Республики Дагестан (ст. ст. 13, 40 и др.) [3].

В настоящее время развитие социальной политики в Дагестане не стоит на месте и представляет собой сложный процесс, который обусловлен региональными особенностями. Государственными органами субъекта принимаются различные нормативно-правовые акты в сфере социального обеспечения, а также вносятся изменения и поправки в принятые ранее, но в рамках, не противоречащих федеральному законодательству.

Так, в Дагестане действует закон от 14 июня 2012 года № 34 «Об охране здоровья граждан в Республике Дагестан», который направлен на регулирование отношений в области охраны здоровья граждан и на обеспечение условий эффективного развития системы здравоохранения [4].

Что касается МРОТ, то его размер увеличился по сравнению с прошлыми годами. Так, в 2023 году он составлял — 16242 руб., в 2024 г. — 19242 руб., а с 1 января 2025 г. — 22440 руб. [5].

В области поддержки семьи, материнства и детства действуют следующие нормативно-правовые акты:

– Закон Республики Дагестан от 3 февраля 2009 года № 5 «О государственной семейной политике, социальной поддержке, защите прав и законных интересов семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Дагестан»;

– Закон Республики Дагестан от 29 декабря 2004 года № 61 «О ежемесячном пособии на ребенка»;

– Закон Республики Дагестан от 29 декабря 2004 года № 58 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и др.

В целях реализации положений данных правовых актов были предприняты различные меры. Так, например, многодетным семьям предоставлено право на получение единовременной денежной выплаты на ребенка, поступающего в первый класс. Это касается тех многодетных семей, среднедушевой доход которых, на дату обращения за назначением выплаты, не превышает величину прожиточного минимума на душу населения в Республике Дагестан (в 2025 году составляет 16 137 рублей) [6].

Также было установлено единое пособие для женщин, которые встали на учет в ранние сроки беременности. С начала 2025 года пособие было назначено 9 тысячам беременных женщин в Дагестане. Дополнительные выплаты по беременности предусмотрены и для жен призывников. Ее предоставляют, если муж проходит срочную службу в армии либо учится на первом курсе военного училища или военной кафедры. С начала года единовременное пособие получили 75 беременных жен военнослужащих [7].

Не остались без помощи регионального законодательства и такие отдельные категории граждан как пенсионеры и инвалиды. В этой области социальной защиты действуют следующие нормативно-правовые акты:

– Закон Республики Дагестан от 7 октября 2011 года № 50 «О дополнительных мерах социальной поддержки инвалидов и ветеранов боевых действий в Афганистане, членов семей погибших (умерших) инвалидов и ветеранов боевых действий в Афганистане»;

– Закон Республики Дагестан от 15 ноября 2019 года № 99 «О квотировании рабочих мест в Республике Дагестан»;

– Закон Республики Дагестан от 04 декабря 2008 года № 59 «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан за особые заслуги перед Республикой Дагестан» и др.

Так, например, лицам, которые принимали участие в боевых действиях в Афганистане с апреля 1978 года по 15 февраля 1989 года, предоставляются такие меры социальной поддержки, как:

– компенсация расходов на оплату жилых помещений в размере 50 %;

– единовременная денежная выплата на оплату расходов, связанных с приобретением, установкой внутридомового газового оборудования и проведением газопровода внутри земельного участка [8].

Также с 1 января 2025 года социальные выплаты проиндексированы на 4,5 %. Так, размер ежемесячной денежной выплаты ветеранам труда составляет 673 руб.,

труженикам тыла — 1 015 руб., лицам, пострадавшим от политических репрессий — 1 015 руб., реабилитированным лицам — 1 353 руб. [9].

Необходимо отметить, что довольно эффективно на территории республики функционирует система долгосрочного ухода за инвалидами и людьми пожилого возраста, которые нуждаются в уходе. В рамках данного проекта в 2024 году такая помощь была оказана 230 гражданам, а в 2025 году бесплатное социальное обслуживание на дому получают 241 человек [10].

Предоставляются меры социальной поддержки и гражданам предпенсионного возраста, которые раньше они могли получить только при достижении пенсионного

возраста. В частности, это касается бесплатных лекарств и льготного проезда на транспорте, скидки на оплату капитального ремонта и других жилищно-коммунальных услуг, освобождения от имущественного и земельного налогов и т. д. [11].

Таким образом, в Республике Дагестан развитие и функционирование сферы социальной защиты и социального обеспечения не стоит на месте и представляет собой многогранный и динамичный процесс. Социальная политика Дагестана направлена на улучшение жизни и благополучия населения. Успешное и плодотворное воплощение этой политики в жизнь требует комплексного подхода и активного взаимодействия с гражданами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.04.2025).
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.04.2025).
3. Конституция Республики Дагестан (принята Конституционным Собранием 10 июля 2003 г.) // СПС «Гарант»: [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.04.2025).
4. Закон Республики Дагестан от 14 июня 2012 г. N 34 «Об охране здоровья граждан в Республике Дагестан» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант»: [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.04.2025).
5. Справочная информация: «Размеры минимальной заработной платы в субъектах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 23.04.2025).
6. Какие семьи имеют право на получение единовременной выплаты на ребенка, поступающего в первый класс? — Текст: электронный // Министерство труда и социального развития Республики Дагестан: [сайт]. — URL: <https://dagmintrud.ru/activity/13969> (дата обращения: 23.04.2025).
7. На какие меры поддержки от регионального отделения Социального фонда могут рассчитывать будущие мамы в Дагестане. — Текст: электронный // Социальный фонд России: [сайт]. — URL: <https://sfr.gov.ru/branches/dagestan/news/~2025/04/07/271354?ysclid=m96wa8tqgq735787865> (дата обращения: 23.04.2025).
8. Социальные льготы и привилегии для ветеранов афганских событий. — Текст: электронный // Министерство труда и социального развития Республики Дагестан: [сайт]. — URL: <https://dagmintrud.ru/activity/13656> (дата обращения: 23.04.2025).
9. С 1 января 2025 года социальные выплаты проиндексированы на 4,5 % процента. — Текст: электронный // Министерство труда и социального развития Республики Дагестан: [сайт]. — URL: <https://dagmintrud.ru/activity/13613> (дата обращения: 23.04.2025).
10. Замминистра труда РФ провела в Дагестане совещание по развитию социальной сферы. — Текст: электронный // Хакикат: [сайт]. — URL: <https://hakikat.info/kat/lenta-novostej/item/zamministra-truda-rf-provela-v-dagestane-soveshhanie-po-razvitiyu-soczialnoj-sfery/> (дата обращения: 23.04.2025).
11. О льготах и гарантиях для людей предпенсионного возраста. — Текст: электронный // Министерство труда и социального развития Республики Дагестан: [сайт]. — URL: <https://dagmintrud.ru/activity/10415> (дата обращения: 23.04.2025).

Историческое развитие правового регулирования эмиссии и денежно-кредитной политики в России

Врашев Александр Романович, студент магистратуры
Волгоградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В современном мире трудно представить регулирование банковской системы без участия центрального банка, так как в сферу его ведения входит большое количество функций, позволяющих регулировать эмиссионный и кредитно-денежный процессы.

Государство с древних времен нуждалось в данном регуляторе, так как оно обладает уникальными, присущими только ему, как политическому институту, функциями. Это монопольное право выпуска денежных средств и сбор налогов. Данные действия необходимы для пополнения государственного бюджета. Так, монопольная эмиссия денег позволяет государству иметь доход от эмиссии (сеньораж). Сеньораж появился в древности и давал право феодалу чеканить монету. Доходом являлось разница между номинальной стоимостью денег и затратами на их изготовление.

Организуя систему денежного обращения, государство имеет возможность контроля его субъектов. Обязательность платежей юридических лиц в безналичной форме позволяет контролировать налоговую дисциплину в стране, что также важно и, безусловно, нужно.

Кроме того, центральные банки хранят официальные золотовалютные резервы государства и управляют ими, размещают на своих счетах бюджетные средства, осуществляют расчеты по поручению правительства, кредитуют в случае необходимости правительственные нужды.

В настоящее время основными функциями центральных банков считаются: эмиссия денег, быть «банком для банков», быть банкиром правительства, являться главным расчетным центром страны, а также регулировать экономику страны монетарными методами. Эмиссия денег — важнейшая и традиционная функция; закрепление этой функции за конкретным банком фактически означало признание его особой роли и статуса в банковской системе, т. е. выделение его в роли центрального банка [4, с. 28].

Первое проявление государственного регулирования денежных отношений в истории России наблюдается в 30-е годы XVI века, когда Елена Глинская проводила монетную реформу. Ее суть в том, что из обращения изымались неполноценные деньги, так как раньше было принято не разменивать деньги, а буквально делить монету на несколько частей. Также, из-за того, что Российское государство относительно недавно объединилось вокруг Москвы, в ходу были деньги разного веса. Данная реформа унифицировала деньги. Так появилась копейка. [8, с. 40].

После Смуты страна как никогда нуждалась в деньгах для восстановления. Поэтому контроль над чеканкой монет со стороны государства становится более при-

стальным. Данное полномочие передавалось Московскому монетному двору, который находился в ведении Приказа большой казны.

Уже в середине XVII века проходит попытка введения в денежное обращение серебряного рубля. По началу, содержание серебра в рубле составляло всего лишь 48 грамм.

В начале XVIII века претерпевает изменение способ размена рубля. Так, Петром Первым вводится десятичная монетная система. Теперь рубль равнялся ста копейкам. Встав на путь европеизации, данный процесс не обошел и рубль. С 1704 года он стал приравняться к весу западноевропейской денежной единицы — талера. Это позволило русскому рублю войти в круг европейских денежных систем.

Следующее крупное изменение, которое коснулось рубля, произошло во второй половине XVIII века. В связи с тем, что Екатерина Вторая проводила большой ряд реформ, а также вела несколько крупных войн, ей необходимы были деньги для реализации всех задуманных проектов и планов. Поэтому своим Указом в 1769 года она ввела бумажные деньги (ассигнации), так как серебра стало не хватать на содержание армии и выплаты жалования солдатам. [13, с. 995]. Чуть позже, в 1780-х годах, происходит постепенное снижение доли серебра в рубле. Это приводит к тому, что деньги становятся легче, но их номинал сохранился. В будущем это привело к девальвации и снижению доверия к рублю.

После событий, описанных выше, эмиссионная деятельность бумажных денег активно начинает регулироваться в нашем государстве в первой половине XIX века. Так, манифестом от 1 июля 1839 г. об устройстве денежной системы главной законной монетной единицей объявлен серебряный рубль, а ассигнационный рубль признан второстепенным денежным знаком. [7, с. 219]. В конечном счете это предопределило постепенный переход от ассигнационного денежного обращения к кредитному. Российская Империя склоняла участников экономических отношений к тому, чтобы те платили повинности и пошлины золотом. [3, с. 476].

Право чеканить монету в Российской империи, а также выпускать ее в обращение и переделывать принадлежало к числу прав государственных. Более того, Министерство финансов обязывалось содержать российскую монетную систему в непоколебимой твердости и сохранения в ней общего доверия. [14, с. 995].

К концу XIX века министром финансов С. Ю. Витте была проведена денежная реформа. Благодаря ей была введена золотая монета и ее размен на золотые кредитные деньги. Но самое главное законодательно было исключи-

тельное право выпуска билетов государственным банком. Данная реформа ввела неограниченный обмен билетов на золотую монету. Но основным средством платежа оставался золотой рубль.

Что же касается советского периода, то после реформы Сокольников Г. Я. был выпущен бумажный червонец с золотом обеспечением, равнявшийся по золотому содержанию дореволюционной десятирублевой монете. Несмотря на то, что большевики хотели избавиться от денежных отношений и проводили такую попытку в период проведения политики военного коммунизма, им не удалось достичь желаемого. Связано это в первую очередь с тем, что после Гражданской войны в стране наблюдалась разруха и бедность. Для восстановления общественного благосостояния, начала проводиться новая экономическая политика (НЭП). Денежная реформа состояла из двух частей, каждая из которых распадалась на ряд этапов. 11 октября 1922 г. был издан декрет СНК «О предоставлении Госбанку права выпуска банковских билетов», согласно которому Государственный банк начал выпускать банковские (банковые, по терминологии тех лет) билеты (банкноты) достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 25, 50 червонцев с золотым содержанием на уровне дореволюционной золотой монеты. Червонец равнялся 1 золотому 78,24 доли чистого золота, или 10 рублям прежней российской золотой монеты. [5, с. 12]. Благодаря реформе временно установился товарно-денежный баланс. Финансовая и банковская системы стали более устойчивыми. Но, после нормализации экономического состояния в стране, вектор развития сменился на курс плановой экономики.

Кредитная реформа в начале 30-х годов XX века положила начало новому этапу развития национальной банковской системы. С переходом на плановую экономику изменилась структура системы. Теперь существовала однозвенная национальная банковская система, которая включала в себя следующие элементы: Госбанк СССР, четыре всесоюзных специализированных банка финансирования и долгосрочного кредитования капитальных вложений. Государственный банк СССР являлся эмиссионным банком и расчетным центром страны. В его составе действовали Государственные трудовые сберегательные кассы. Если после реформы 1930 г. в Госбанке было сосредоточено краткосрочное кредитование, то с 1959 г. он стал осуществлять и долгосрочное кредитование капитальных вложений. [1, с. 317]. Также была проведена кредитная реформа.

В 50-е годы XX века меняется функционал Госбанка. Теперь он является единственным эмиссионным центром, который отвечает за выпуск наличных денег, а также сосредоточил все краткосрочные кредитные операции и часть долгосрочных. [12, с. 56].

В 60-е годы XX века проходит денежная реформа. Ее суть была в том, что произошла деноминация рубля в соотношении 10:1. По такой схеме обменивались старые деньги на новые. Также произошла скрытая девальвация: содержания золота в рубле увеличилось по факту в 4.4

раза, хотя официально органами власти заявлялось увеличение в 10 раз. В долгосрочной перспективе данная реформа привела в итоге к девальвации, росту цен и к снижению уровня жизни. [11, с. 16].

Также в 60-е годы XX века Госбанку СССР стали подконтрольны сберегательные кассы. Таким образом усилилось влияние на финансовые ресурсы страны. [2, с. 236].

Так сложилось, что в экономике СССР не последнюю роль играли вклады населения, которые преимущественно хранились в сберегательных кассах. Они являлись ресурсом для краткосрочного кредитования государственных предприятий. Однако, из-за того, что население не могло брать кредиты и, как описывалось выше, предприятия получали лишь краткосрочное кредитование, не имея ресурсов на долгосрочные инвестиции привело к кризису в экономике, в частности в банковском секторе. Поэтому в конце 80-х годов была предпринята попытка реформы, направленной на децентрализацию и внедрение рыночных механизмов. Назвать эту реформу успешной нельзя, так как в условиях уже существующего кризиса система дала надлом, что привело к радикальным изменениям в 1990-х гг. [12, с. 67].

Начиная с 1990 года банковская система РФ претерпевает два этапа реформирования. Первый этап был озаглавлен хаотичным, непоследовательным переходом от плановой экономики к рыночной, массовым созданием коммерческих банков без надзора, децентрализация спецбанков, рост спекулятивных операций. ЦБ РФ (тогда Госбанк РСФСР) конкурировал с Госбанком СССР, что усугубило неразбериху. Либеральная выдача лицензий привела к созданию множества слабых коммерческих банков. ЦБ не смог сформировать эффективную систему регулирования, что способствовало росту спекуляций и банковских банкротств. На втором этапе происходит структуризация банковской системы. После 1995 г. ЦБ начал внедрять механизмы банковского регулирования (аукционы, валютные торги, операции на открытом рынке). Исходя из того, что описано выше, можно сделать вывод, что Центральный банк в 1990-е годы действовал в условиях политической и экономической нестабильности. Это ограничило его способность эффективно управлять финансовой системой, что проявилось в неспособности справиться с кризисом 1995 и 1998 годов. [9, с. 20].

После кризиса 1998 года происходит трансформация банковской системы РФ. Меняется и поведение Центрального банка России. Так, происходит ужесточения надзора за коммерческими банками и в случае их неплатежеспособности у них отзывалась лицензия. Также вводится так называемые Базельские стандарты, которые отслеживали норму достаточности капитала. ЦБ РФ увеличил эмиссию для стабилизации банковской системы, а средства направлялись на пополнение корреспондентских счетов банков, что помогло избежать полного коллапса расчетов. [10, с. 58].

В настоящее время Центральный банк играет важную роль в российской экономике. Так, его основными ин-

струментами денежно-кредитной политики являются ключевая ставка, операции на открытом рынке и регулирование банковских резервов.

Часть исследователей спорят о реальном статусе ЦБ РФ в системе органов государственной власти. Центральный банк РФ, обладая правом по изданию нормативных актов, обязательных для органов государственной власти и всех юридических и физических лиц в рамках существующего законодательства, все же не может быть отнесен ни к одной из установленных Конституцией РФ ветвей власти — законодательной, исполнительной или судебной. С другой стороны, он осуществ-

ляет некоторые полномочия в качестве юридического лица, а такой статус Банка России не позволяет отнести его ни к органам государственной власти, ни к юридическим лицам. Именно такая особенность Банка России определяет множество вопросов и дискуссий относительно определения его конституционно-правового статуса. [6, с. 83].

Банковская система России прошла путь от монополии до рыночной модели с сильной ролью ЦБ. Говоря о перспективах с введением цифрового рубля контроль над финансовой системой страны усилится, что позволит еще больше координировать финансовый рынок.

Литература:

1. Банковское законодательство: учебник / под ред. Е. Ф. Жукова. — Москва: Вузовский учебник, 2007. — 317 с.
2. Госбанк СССР и его роль в развитии экономики страны. 1921–1981 / под ред. В. С. Алхимова. — Москва: Финансы и статистика, 1981. — 236 с.
3. Озеров, И. Х. Основы финансовой науки: Бюджет. Формы взимания. Местные финансы. Государственный кредит / И. Х. Озеров. — Москва, 2008. — С. 475–478.
4. Тихомирова, Е. В. Банковский рынок корпоративных кредитов России / Е. В. Тихомирова. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. — 259 с. — ISBN 978–5–7310–2663–5.
5. Юровский, Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи / Л. Н. Юровский. — Москва: Экономика, 2008.
6. Беляев, С. А. Место и роль Центрального банка в рыночной экономике Российской Федерации / С. А. Беляев // *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. — 2021. — Т. 10, № 2(35). — С. 80–83. — DOI: 10.26140/anie-2021-1002-0005. — URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=87023> (дата обращения: 24.04.2025).
7. Грудцына, Л. Ю. Идея гражданского общества в творчестве М. М. Сперанского / Л. Ю. Грудцына // *Образование и право*. — 2011. — № 3(19). — С. 219.
8. Левичева, И. Н. Особенности эволюции денежной системы и проведения денежных реформ в России / И. Н. Левичева // *Вестник Банка России*. — 2005. — № 2. — С. 39–49.
9. Мусифуллина, Ю. И. Преобразование банковской системы России (1990–1999 гг.) / Ю. И. Мусифуллина // *Вестник Оренбургского государственного университета*. — 2007. — № 8. — С. 15–23.
10. Солнцев, О. Г. Российская банковская система: смена модели развития / О. Г. Солнцев // *Вестник Оренбургского государственного университета*. — 2007. — № 8. — С. 41–65.
11. Степанов, В. Л. Денежная реформа 1961 г. в отечественной историографии / В. Л. Степанов // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. — 2021. — № 4. — С. 7–23. — DOI: 10.52180/2073–6487_2021_4_7_23.
12. Уразова, С. А. Особенности и проблемы развития банковской системы СССР со второй половины 1950-х гг. и до 1987 г. / С. А. Уразова // *Финансы и кредит*. — 2010. — № 37(421). — С. 56–68.
13. Именной указ императрицы Екатерины II «Об учреждении в Санкт-Петербурге и Москве государственных банков для вымена ассигнаций» от 29 декабря 1768 г. // *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ)*. — Собрание 1-е. — Санкт-Петербург, 1830. — Т. XVIII. — № 13219. — С. 995–997.

Генезис и развитие законодательства о чрезвычайном положении

Гавриловский Александр Сергеевич, студент

Научный руководитель: Доросинская Анна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В настоящей научной статье исследуется генезис законодательства о чрезвычайном положении. Анализируется эволюция правовых норм в контексте исторических событий и социальных условий, повлиявших на формирование соответствующих законодательных актов. Рассматриваются ключевые моменты и изменения, отражающие адаптацию права к вызовам времени и необходимость обеспечения безопасности государства и общества в условиях кризисов и чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, история развития, чрезвычайная ситуация, правовая регламентация, государственное управление.

Изучение различных точек зрения относительно определения термина «чрезвычайное положение» показывает, что его значение эволюционирует вместе с историческим процессом. По мере развития общества меняются как цели, так и само содержание данного понятия ЧП.

Юридический словарь 1956 года не содержал понятия «чрезвычайное положение». Вместо него существовало определение «чрезвычайных мер охраны государственного порядка». Эти меры фактически выполняли ту же функцию, что и ограничения, вводимые в условиях чрезвычайного положения. Таким образом, «чрезвычайные меры охраны государственного порядка» служили функциональным эквивалентом понятия «чрезвычайное положение» в юридической практике того времени, хотя и не имели точного определения как такового.

До принятия Конституции СССР 1936 года, «чрезвычайные меры охраны государственного порядка», применяемые властью, фактически выполняли функции ЧП, но не имели четкого правового определения и регламентации.

Кроме того, существовало распространенное мнение, что ЧП (в историческом контексте до 1936 года) использовалось не только для обеспечения безопасности, но и как инструмент подавления трудящихся, ограничения прав и свобод человека, а также для борьбы с национально-освободительным движением. Это историческое восприятие ЧП отражает «идеологическую оценку событий того времени, указывая на возможное злоупотребление властью под прикрытием чрезвычайных обстоятельств» [15, с. 614].

В Юридическом словаре 1974 г. определение чрезвычайного положения раскрыто сквозь призму военного положения, что объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, это была попытка законодательно определить и регламентировать особые правовые режимы, которые могли быть введены в условиях чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС). Суть этого режима заключается в «передаче полномочий государственного управления военным структурам или специально созданным чрезвычайным органам. Это сопровождается расширением полномочий существующих органов власти и управления, а также ограничением гражданских свобод населения» [2, с. 417].

Появление термина «чрезвычайное положение» в справочниках и литературе того периода объяснялось рядом причин. Главным из них стало увеличение частоты возникновения чрезвычайных ситуаций различного характера на территории государства. Хотя формально особый правовой режим ЧП не всегда объявлялся, на практике в зонах ЧС вводились отдельные организационные и ограничительные меры, фактически создавая особый режим управления и функционирования общества. Таким образом, фактически особый режим функционирования

в условиях чрезвычайных ситуаций существовал задолго до своего официального закрепления в законах и описания в юридической литературе.

Юридическая энциклопедия 1998 года рассматривает ЧП как «специфический правовой режим, применяемый к деятельности государственных структур (органы власти, местного самоуправления), организаций и предприятий» [12, с. 494].

Толковый словарь Ожегова и Шведовой (1997 г.) дает более узкое и ориентированное на граждан определение ЧП как «специальных правил», применяемых к гражданам в исключительных обстоятельствах [10, с. 887].

Толковый словарь Ушакова (2014 г.) не содержит непосредственно определения «чрезвычайного положения», однако предоставляет определение слова «чрезвычайный» как «экстренный, не предусмотренный обычным течением дел, специально назначаемый» [13, с. 567].

Термин «ЧП» («чрезвычайное положение») в фундаментальном «Новом словаре английского языка» представлен двояко. Согласно первому аспекту, этот термин эквивалентен англоязычным выражениям «emergency», «pass», «crisis», обозначающим такие явления, как критическая ситуация, кризис либо внезапное непредвиденное событие, требующее незамедлительного вмешательства.

Синонимом этого понятия является термин «крайняя необходимость» (exigency). Во втором аспекте ЧП соотносится с понятием «state of emergency», что также обозначает чрезвычайную ситуацию [8, с. 125–129].

Правоведы дореволюционной эпохи понимали чрезвычайное положение как «предоставление государству исключительных полномочий для защиты от угроз национальной безопасности, исходящих как извне, так и изнутри страны». В. М. Гессен определял его как «совокупность» таких полномочий [4, с. 51]. Эта точка зрения подтверждается и работами В. Ф. Дерюжинского, который, цитируя профессора Блюнчли, подчеркивал приоритет сохранения государства: «государство — настолько важная структура, что для обеспечения его существования (первостепенная обязанность правительства) может оказаться оправданным, в крайнем случае, нарушение прав граждан и отход от установленного порядка» [6, с. 115].

В 1925 году вступил в силу официальный акт под названием «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка». Хотя сам термин «исключительное положение» там не использовался, указанный документ создавал правовые основы для реализации режимов, аналогичных сегодняшнему определению «чрезвычайного положения».

Таким образом, были установлены правовые рамки для введения режима, аналогичного чрезвычайному положению. Отсутствие самого термина «исключительное

положение» не меняло сути документа, который представлял властям широкие полномочия в условиях кризиса.

Имеет место отсутствие единого научного подхода к определению чрезвычайного положения в современной юридической литературе. Несмотря на это, следует отметить схожесть взглядов ряда авторитетных ученых. Например, А. Б. Агапов [1, с. 756], Д. М. Бахрах [3, с. 125], В. В. Гуцин [5, с. 16–21] и А. П. Коренев [7, с. 45] сходятся во мнении, что ЧП представляет собой «особый правовой режим, регулирующий деятельность государственных органов, муниципальных образований, организаций (как частного, так и публичного права), их должностных лиц и общественных объединений». Этот режим характеризуется законодательно установленными ограничениями прав и свобод граждан и иностранцев, а также возложением на них дополнительных обязанностей.

А. И. Соловьев характеризует режим чрезвычайного положения как «совокупность конституционных и административно-правовых норм, приводящих к изменению государственного управления» [11, с. 15]. Тем не менее, указанное определение порождает ряд дискуссий. Прежде всего, оно оставляет вне поля внимания важные аспекты чрезвычайного положения, включая процедуру его объявления, сроки действия и конкретные ограничения, накладываемые данным режимом. Кроме того, ограничение понимания слова «режим» лишь рамками правовой системы выглядит недостаточно полным.

В противоположность взглядам Соловьева, В. В. Лозбинев интерпретирует чрезвычайное положение как «независимый социальный институт, созданный специально для обеспечения безопасности граждан и сохранения конституционных устоев государства». Лозбинев подчеркивает особые черты правового регулирования ЧП, а также специфику деятельности и ответственности государственных органов, задействованных в его реализации [9, с. 18].

Противоположная точка зрения представлена В. Ю. Уховым, который определяет ЧП как «систему правовых норм, регламентирующую обстоятельства введения режима ЧП, субъект, наделённый полномочиями по его введению, порядок введения, временные и пространственные рамки действия, а также ограничения прав и свобод граждан и юридических лиц, включая возложение на них дополнительных обязанностей» [14, с. 15].

Литература:

1. Агапов А. Б. Административное право. М.: Дашков и Ко, 2004. — С. 756.
2. Бабій Б. М. Юридичний словник. К.: Українська радянська енциклопедія, 1974. — С. 417.
3. Бахрах Д. Н. Административное право. М.: БЕК, 1999. — С. 125.
4. Гессен В. М. Исключительное положение. Харьков: Эспада, 2005. — С. 51.
5. Гуцин В. В. Сущность и понятие общественного порядка при чрезвычайных ситуациях мирного времени // Проблемы совершенствования деятельности ОВД в чрезвычайных ситуациях мирного времени. М.: ВНИИ МВД СССР. — 1991. — С. 16–21.

Вместе с тем, противники такого подхода вполне справедливо считают, что Ухов даёт описание не самой сущности чрезвычайного положения, а правового регулирования, которое его устанавливает. Такое понимание расходится с Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», согласно которому ЧП чётко определено как «особый правовой режим деятельности государственных органов, а не свод правил, определяющих этот режим».

В заключение можно выделить два основных момента.

Во-первых, чрезвычайное положение играет двойственную роль. С одной стороны, оно является инструментом обеспечения национальной безопасности, способным эскалировать действия в условиях различных чрезвычайных ситуаций и выступающим как средство принуждения. С другой стороны, оно призвано защитить политические, экономические и социальные права и свободы граждан, несмотря на вводимые ограничения и запреты.

Во-вторых, исследование продемонстрировало, что категория «чрезвычайное положение» продолжает оставаться одной из наиболее сложных и спорных в области юриспруденции. Единой интерпретации, способной учесть все нюансы данного института, пока не выработано. Вместе с тем, анализ существующей научной литературы позволяет сделать вывод, что в текущих обстоятельствах предпочтительно определять чрезвычайное положение как особую, временно установленную административную форму организации общественных отношений. Она инициируется специальным распоряжением главы государства и утверждается верхней палатой парламента с целью предотвращения опасностей и минимизации угроз для человека, общества и государства. В период действия данного режима законом предусмотрены временные изъятия из прав и свобод граждан и организаций, а также возложены на них дополнительные обязательства. При этом параллельно формируются специальные нормы, регулирующие работу государственных институтов, местных властей, коммерческих компаний и прочих организационных структур.

Таким образом, чрезвычайное положение является многоаспектным инструментом, призванным находить равновесие между потребностью обеспечить безопасность и необходимостью охранять права граждан, что требует продолжения исследований и совершенствования его юридического оформления.

6. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. СПб.: Сенатская типография, 1911. — С. 115.
7. Корнев А. П. Административное право России. М.: Щит-М, 1998. Ч. 2. — С. 45.
8. Кузніченко С. О. Надзвичайне законодавство в закордонних країнах // Вісник НУВС. — 2002. — № 20. — С. 125–129.
9. Лозбинева В. В. Институт чрезвычайного положения в Российской Федерации и механизм его реализации (теоретические и организационно-правовые аспекты): автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2000. — С. 18.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1997. — С. 887.
11. Соловьев А. И. Конституционно-правовое регулирование режима чрезвычайного положения в Российской Федерации: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2001. — С. 15.
12. Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 1998. — С. 494.
13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. — С. 567.
14. Ухов В. Ю. Институт чрезвычайного положения в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 2008. — С. 15.
15. Юридический словарь. М.: Юридическая литература, 1956. — Т. 2. — С. 614.

Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 116 Уголовного кодекса Российской Федерации

Гайсина Алина Игоревна, студент магистратуры

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В данной статье авторами было рассмотрено преступление, предусмотренное ст. 116 Уголовного кодекса РФ. Авторами статьи дана уголовно-правовая характеристика побоям, а также рассмотрены квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного ст. 116 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: квалификация преступления, состав преступления, побои, насилие, квалифицирующие признаки.

Criminal liability for the crime provided for in Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation

In this article, the authors considered the crime provided for in Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors of the article give a criminal legal description of beatings, and also consider the qualifying signs of a crime under Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: qualification of a crime, corpus delicti, beatings, violence, qualifying signs.

Права и свободы человека и гражданина являются основополагающими ценностями, охраняемыми государством. Конституция Российской Федерации в статье 2 закрепляет положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанность государства [1]. Одним из проявлений обеспечения этих прав является уголовно-правовая защита от насилия, в том числе в форме побоев. Преступления против личности, особенно те, которые связаны с применением насилия, требуют особого внимания со стороны государства и общества, так как они напрямую затрагивают основные блага человека — здоровье, телесную неприкосновенность, достоинство. Актуальность темы обусловлена тем, что побои, как форма физического насилия, зача-

стуются становятся начальной стадией более тяжких преступлений и не должны оставаться без надлежащей правовой оценки.

Статья 116 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за совершение побоев, а также иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий в виде кратковременного расстройства здоровья либо незначительной утраты трудоспособности. Несмотря на кажущуюся простоту, применение данной статьи вызывает множество вопросов как теоретического, так и практического характера.

В соответствии со ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] объектом преступления выступает телесная неприкосновенность человека.

Объективная сторона преступления выражается в применении по отношению к человеку насильственных действий, причиняющих ему физическую боль, но не влекущих утрату трудоспособности либо кратковременное расстройство здоровья. Действующее законодательство не содержит определения «физическая боль», что создаёт трудности при разграничении данного преступления от административного правонарушения. Важно учитывать субъективные ощущения потерпевшего и обстоятельства совершения преступления.

Уголовная ответственность за причинение побоев в редакции, ныне действующей ст. 116 УК РФ предусмотрена за нанесение побоев из хулиганских побуждений либо в результате экстремистской деятельности.

До настоящего времени остаётся проблемным определение насильственных действий при нанесении побоев. Практика сложилась таким образом, что под насильственными действиями подразумеваются щипания, сжимания рук, укусы, выдергивания волос и т. п. Однако болевой порог у каждого человека различен. В связи с этим мы хотели бы предложить расширить понятие побоев и включить в него все действия, нарушающие телесную неприкосновенность человека.

Кроме того, в судебной практике нередки случаи, когда отсутствие видимых телесных повреждений приводит к отказу в возбуждении уголовного дела, несмотря на наличие болевых ощущений у потерпевшего. Это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости совершенствования методик оценки физической боли и учета психологических последствий насильственных действий.

Одним из актуальных вопросов является определение квалифицирующих признаков преступления, в частности, установление мотива. Хулиганские побуждения предполагают проявление явного неуважения к обществу, сопровождающегося агрессией и пренебрежением к установленным нормам поведения. Мотив ненависти или вражды требует установления устойчивой психологической установки на враждебное отношение к конкретной социальной группе или индивиду.

Значительную сложность вызывает различие между преступлением и административным правонарушением. После внесения изменений в законодательство, побои, не содержащие квалифицирующих признаков, как правило, рассматриваются в рамках статьи 6.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Однако отсутствие чётких разграничительных критериев часто приводит к разночтениям и ошибкам в квалификации деяния [3].

Субъект преступления по статье 116 УК РФ — физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом: лицо осознаёт общественную опасность своих действий, предвидит наступление последствий в виде причинения физической боли и желает их наступления. Особое внимание следует уделять установлению мотива — он должен быть либо хулиганским, либо обусловленным ненавистью к социальной группе [4].

В судебной практике встречаются случаи, когда доказательство побоев базируется исключительно на показаниях потерпевшего, что вызывает трудности при оценке достоверности доказательств. В частности, в обзоре практики Саратовского областного суда за 2023 год отмечены случаи, когда уголовное преследование прекращалось из-за невозможности доказать мотив преступления. Это подчёркивает необходимость чёткой регламентации порядка фиксации доказательств и стандартизации экспертных заключений, подтверждающих факт физической боли без видимых повреждений.

В практике возникает необходимость дифференцировать личные мотивы (например, бытовой конфликт) от общественно опасных побуждений. Именно наличие указанных в законе мотивов позволяет отнести деяние к уголовному преступлению, а не к административному правонарушению. Здесь важна тщательная психологическая и социальная характеристика личности обвиняемого и анализ обстоятельств конфликта.

Наибольшее число преступлений совершается в условиях семейно-бытовых конфликтов, где доказательная база наиболее уязвима. Женщины и дети, как правило, становятся жертвами таких преступлений, но зачастую не обращаются в правоохранительные органы. Это связано как с психологическим давлением, так и с недоверием к эффективности системы.

В целях повышения эффективности правового регулирования в данной сфере можно предложить следующее:

1. Внести изменения в статью 116 УК РФ, расширив перечень квалифицирующих признаков за счёт систематичности насильственных действий, их совершения в присутствии малолетних, а также с использованием предметов, усиливающих боль.

2. Разработать методические рекомендации по диагностике боли и фиксации побоев без видимых повреждений с привлечением специалистов в области судебной медицины и психологии.

3. Повысить уровень подготовки следователей и судей в вопросах квалификации преступлений против личности, особенно в части определения мотивов и субъективной стороны.

Таким образом, уголовная ответственность за побои является традиционным видом, предусмотренным уголовным законодательством Российской Федерации. При нанесении побоев причиняются телесные повреждения человеку, однако вред причинённый при нанесении побоев, является минимальным по сравнению с остальными видами преступлений. Побои всегда наносятся умышленного и, кроме того, важным признаком, квалифицирующим побои, выступает мотив лица — из хулиганских побуждений или из ненависти [5]. Учитывая социальную значимость охраны личности от любого вида насилия, совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики в отношении данной нормы является насущной задачей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Рос. газета. 1993. № 237. 25 декабря.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. И. Чучаева. — М.: Юрайт, 2024.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2019 № 19 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 115–118 УК РФ».
5. Субачева Д. А. Уголовная ответственность за побои и истязания / Субачева А. Д. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 18 (465). — С. 367–371.

Отказ в совершении нотариального действия как способ охраны прав и свобод граждан и юридических лиц

Герасименко Лев Владимирович, студент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье автор рассуждает, является ли отказ в совершении нотариального действия способом охраны прав и свобод граждан и юридических лиц, приводятся примеры и анализируются ситуации, в которых нотариус может отказать в совершении нотариального действия, а также дается оценка такому отказу.

Ключевые слова: нотариат, нотариус, способы защиты, отказ в совершении нотариального действия

Роль нотариата в современном обществе выходит далеко за рамки простого удостоверения подписей и сделок. Нотариус, будучи высококвалифицированным юристом, является ключевым звеном в системе обеспечения конституционных прав граждан на юридическую помощь и, что особенно важно, на предотвращение правовых конфликтов. Его участие — это не пассивная регистрация фактов, а активное содействие в создании правовой безопасности для каждого гражданина. В условиях постоянно усложняющихся правовых отношений, грамотный нотариус становится незаменимым помощником, способным разъяснить сложные юридические нюансы, предупредить потенциальные ошибки и помочь избежать будущих споров, тем самым существенно снижая риски для граждан.

Эта проактивная позиция нотариата принципиально отличается от функции защиты прав, которую выполняют суды и другие правоохранительные органы. Защита предполагает восстановление уже нарушенных прав, а нотариус, напротив, стремится предупредить само возникновение таких нарушений. Гражданский кодекс РФ, к сожалению, не включает нотариат в число органов, осуществляющих защиту гражданских прав, сосредотачиваясь на постфактум-решении проблем. Однако, роль нотариуса в предотвращении конфликтов огромна и неопределима. Он действует как превентивный механизм, убеждая граждан от ошибок, которые могут привести к длительным и дорогостоящим судебным разбирательствам.

Один из наиболее ярких примеров проактивного участия нотариуса в защите прав — это отказ в совершении нотариального действия. Это не просто формальность, а взвешенное решение, принятое в интересах граждан и направленное на предотвращение потенциальных нарушений. Ежегодно нотариусы выносят десятки тысяч таких отказов, и это говорит о значимости их превентивной роли. Важно подчеркнуть, что вынесение официального отказа — это право, а не обязанность нотариуса [3, С.8]. На практике же, большинство отказов предотвращается благодаря тщательной разъяснительной работе, которую проводит нотариус, помогая гражданам правильно оформить документы и избежать юридических ошибок.

Нотариус не только выявляет проблемные моменты в документах и сделках, но и оказывает бесплатную юридическую помощь, направляя граждан к оптимальным решениям, которые исключают появление конфликтов в будущем. Нотариус активно содействует в ликвидации препятствий, которые могут помешать совершению нотариального действия. Однако не всегда удается достичь взаимопонимания и найти компромиссное решение. В таких случаях, в соответствии со статьей 48 Основ законодательства РФ о нотариате, нотариус, по просьбе заинтересованного лица, выносит официальное постановление об отказе в совершении нотариального действия. Это является крайней мерой, применяемой лишь тогда, когда все другие способы предотвращения возможных нарушений исчерпаны. Важно понять, что такой отказ — это

не просто отказ в услуге, а акт защиты прав и интересов граждан и юридических лиц, основанный на принципах превентивной юстиции.

Таким образом, нотариат играет незаменимую роль в построении стабильной и справедливой правовой системы, способствуя предотвращению конфликтов и созданию безопасной среды для всех участников правоотношений. Его функции значительно шире, чем простое удостоверение документов, они включают в себя проактивную защиту прав граждан и предотвращение возникновения споров еще до того, как они смогут нанести ущерб. Эта превентивная роль является основой эффективной работы нотариата и залогом его важности в современном обществе. Благодаря своей экспертизе и обширным знаниям в области права, нотариус выступает как незаменимый помощник граждан, способствуя укреплению законности и правопорядка. Понимание этой многогранной роли нотариата необходимо для всех участников правовых отношений, чтобы полностью использовать его потенциал в решении правовых проблем и предотвращении конфликтов.

Нотариус отказывает в совершении нотариального действия в случаях:

— если совершение такого действия противоречит закону или не соответствует требованиям закона, или подлежит совершению другим нотариусом;

— если с просьбой о совершении нотариального действия обратился представитель, не имеющий необходимых полномочий или недееспособный гражданин;

— если сделка, совершаемая от имени юридического лица, прямо противоречит целям, прописанным в его Уставе;

— если документы, представленные нотариусу, не соответствуют требованиям закона или факты, изложенные в представленных нотариусу документах, не подтверждены [2].

Порядок обжалования, сроки нотариус разъясняет при вручении постановления об отказе в совершении нотариального действия. Сторона несогласная с отказом и с тем, что изложено в постановлении может обратиться в районный суд по месту нахождения нотариуса для обжалования, такие дела рассматриваются в особом порядке судопроизводства.

Причины отказов могут быть различные. Так, например, в случае если нотариальное действие противоречит закону, например, для оформления договора купли-продажи квартиры обращаются два лица И. действующая за своего несовершеннолетнего сына — продавца, и С. покупатель. В процессе подготовки к совершению нотариального действия, удостоверению договора, нотариусом при личной беседе и при изучении документов, таких как свидетельств о рождении, о браке, выясняется, что С. является родной матерью И., а следовательно, бабушкой несовершеннолетнего продавца, что противоречит статье 37 ГК РФ. [1] В данном случае необходимо выдавать постановление об отказе в совершении нотариального действия, по просьбе вышеуказанных лиц.

Другой пример. Так, с просьбой выдать свидетельство о праве на наследство по завещанию на земельный участок и квартиру, обратилась внучка наследодателя. В результате разыскных действий нотариуса в рамках наследственного дела, через ЕИС, были получены сведения, что между наследодателем при жизни и супругой был заключен брачный договор, в результате которого земельный участок перешел в личную собственность пережившей супруги. Соответственно если внучка обратиться с просьбой обосновать почему на земельный участок ей невозможно выдать свидетельство о праве на наследство по завещанию, ей должно быть выдано постановление об отказе.

Аналогичный отказ имеет место в случае, если за совершением нотариального действия обратился недееспособный гражданин, либо представитель, не имеющий полномочий. С точки зрения положений действующего законодательства, нигде не регламентирован порядок определения недееспособности гражданина в момент совершения нотариального действия, за исключением обязанности сделать запрос через ЕИС, об отсутствии сведений о признании судом недееспособным, а поскольку нотариус не обладает специальными знаниями в области психиатрии, медицины, то в случае сомнений он должен отказать в совершении нотариального действия.

Отказ в совершении нотариальных действий должен быть в случае, если нотариусу предоставлены документы, несоответствующие требованиям законодательства. Например, для выдачи свидетельства о праве на наследство предоставлено свидетельство о рождении, которое лишает бесспорно принять решение о возможности совершить нотариальное действие, так как в нем отсутствует часть сведений о родителе наследодателя — наследника [4, С.553]. Поскольку нотариат идет в ногу с цифровизацией и имеется возможность запросить ЗАГС и в большинстве случаев получить необходимые документы, но архивы ЗАГСов в электронном виде сформированы за последние несколько десятилетий, а более ранний период в них отсутствует. В этом случае придется выдать постановление об отказе в совершении нотариального действия.

Законодатель предоставил нотариусу легальную возможность для отказа в совершении нотариального действия, если он усмотрит признаки сделки, противоречащей законодательству или же сделка создает уголовно-процессуальные последствия. Нотариус, совершая нотариальное действие, несет ответственность за его соответствие действующему законодательству, тем самым нотариус полностью заинтересован в недопущении нарушения норм и в профилактике преступлений и иных правонарушений [5, С.46].

Вышеуказанные примеры оснований для отказов в совершении нотариальных действий и порядок еще раз доказывают, что институт отказов в совершении нотариальных действий, является хоть и крайней мерой, но одной из гарантий охраны прав и законных интересов субъектов правоотношений. Чаще всего в случае выяв-

ления оснований для отказа в совершения нотариального действия не выносятся постановления, а проводится разъяснительная работа, которая в конечном итоге приводит к совершению нотариального действия в соответствии с требованиями законодательства. В нынешнем быстро меняющемся законодательстве, сложным крими-

нальным характером гражданского оборота, часто встречающимся желанием некоторых граждан обойти закон, скрыть достоверную информацию, совершить неправомерные действия, отказ в совершении нотариальных действий — это актуальный и нужный способ профилактики правонарушений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. на 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994 — № 32, ст.3301.
2. Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования: Приказ Министерства юстиции РФ № 156 от 30.08.2017 (с изм. на 24.11.2021) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: Консорциум «Кодекс». URL: <https://clck.ru/34bj28> (дата обращения: 13.04.2025).
3. Иншанова А. О. Квалифицированная юридическая помощь в профилактике и урегулировании конфликтов: досудебные и процессуальные методы // Legal Concept. N 1. 2019. — С.6–14.
4. Бескровная О. В. // Правовой статус нотариуса: права, обязанности и ответственность; гарантии нотариальной деятельности; ограничения в деятельности нотариуса // Аллея науки. 2020. — т. 2. — № 6 (45). — С. 551–554.
5. Нотариат в Российской Федерации: Учебное пособие // О. В. Романовская. 2008//М.: Изд-во РИОР. — С. 78.

Стимулирующие выплаты как элемент заработной платы в трудовом праве

Гильченко Глеб Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Малкин Олег Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В современных трудовых отношениях в России важную роль играют стимулирующие выплаты, которые до сих пор не получили законодательного закрепления, в отличие от заработной платы. Однако их использование как дополнительной мотивации для сотрудников оказывает значительное воздействие. Увеличение производительности труда благоприятно сказывается на экономике регионов и страны в целом, способствуя преодолению финансовых проблем.

Ключевые слова: оплата труда, надбавки, премии, трудовой кодекс, заработная плата, оплата труда, поощрительные выплаты.

Incentive payments as an element of wages in labor law

In modern labor relations in Russia, incentive payments play an important role, which have not yet received legislative support, unlike wages. However, using them as additional motivation for employees has a significant impact. An increase in labor productivity has a beneficial effect on the economy of the regions and the country as a whole, helping to overcome financial problems.

Keywords: wages, allowances, bonuses, labor code, wages, remuneration, incentive payments.

Отсутствие единого мнения в теории трудового права относительно семантики стимулирующих выплат приводит к искаженному толкованию норм об оплате труда. Нарушения прав работников и работодателей возникают из-за включения в эту группу других выплат, не относящихся к стимулирующим. Причиной этого является отсутствие в законодательстве Российской Федерации четких норм, поясняющих сущностные характеристики стимулирующих выплат и порядок их предоставления.

Новые понятия, которыми нагружает законодатель, не имеют четкого определения в том, что касается стимулирующих выплат. Не разглашая, какие выплаты считаются доплатами или надбавками стимулирующего характера, а какие — премиями и другими поощрительными выплатами.

Для того чтобы работодатель не смог уклоняться от выплаты стимулирующей части заработной платы и вводить в заблуждение непосвященных лиц, необходимо привести в соответствие правовую терминологию, определить при-

знаки стимулирующих выплат и уточнить порядок их предоставления. Начать процесс изменений можно с анализа термина «стимулирующие выплаты» и добавления новых оснований для их выделения.

В современных условиях отсутствует определение стимулирующих выплат в Трудовом кодексе Российской Федерации. Однако в статье 129, часть 1 ТК РФ [2], законодатель определяет стимулирующие выплаты как часть более сложной категории «заработная плата». Включение стимулирующих выплат в состав заработной платы вызывает немало вопросов, поскольку стимулирующая функция присуща всем компонентам системы оплаты труда. С точки зрения В. М. Лебедева [5], современная структура заработной платы является абсурдной. Поэтому более целесообразно называть эти выплаты поощрительными.

Отмечается, что законодатель не соблюдает принцип единства юридической терминологии, что ставит под угрозу правильное определение стимулирующей части заработной платы в трудовом законодательстве. Литературой предлагается закрепить в Трудовом кодексе РФ универсальное определение стимулирующей части заработной платы как «выплаты стимулирующего характера, обусловленные системой оплаты труда» или «стимулирующая часть заработной платы». Различные формы выплат, такие как стимулирующие выплаты, поощрительные выплаты и материальное поощрение работников, также вносят свой вклад в эту проблему.

Для унификации юридической лексики в области оплаты труда рекомендуется уточнить понятие «стимулирующая составляющая заработной платы» в контексте предыдущего утверждения. Это изменение способствует предотвращению неверного толкования трудового кодекса Российской Федерации и обеспечит единообразие правовых терминов в сфере трудовых отношений.

Важно обратить внимание на сложности, возникающие из-за недостаточной ясности юридических терминов и понятий, а также на проблемы, связанные с несовершенством законодательства в области трудового права. Важно осознать, что законодательство может содержать неоднозначные формулировки и противоречия, требующие дополнительного разъяснения. В части 1 статьи 129 Трудового кодекса Российской Федерации указывается на наличие неких «иных поощрительных выплат», что может вызывать различные толкования и споры между сторонами трудовых отношений.

Согласно буквальному толкованию, все виды поощрительных выплат должны учитываться как составляющая заработной платы работника. Однако, детальный анализ статьи 135 Трудового кодекса РФ показывает, что «иные поощрительные выплаты» не включаются в систему оплаты труда и не учитываются при расчете среднего заработка. Важно учитывать этот момент при оформлении трудовых отношений и разрешении возможных споров. Этот факт позволяет выделить два возможных варианта решения проблемы, на которые указывает В. А. Абалдуев [3]:

1. Предусмотреть в ТК РФ положение о том, что любые поощрительные выплаты, в том числе единовременного характера, являются заработной платой (в статьях 129 и 135 ТК РФ специально оговорить, что заработной платой является и не обусловленная системой стимулирующая часть оплаты труда работника).

2. Разграничить в ТК РФ выплаты стимулирующего характера, являющиеся заработной платой (обусловленные системой оплаты труда), и поощрительные выплаты единовременного характера, не относящиеся к таковой. Предлагается исключить из нормы части 1 статьи 129 Трудового кодекса Российской Федерации понятие «иные поощрительные выплаты» и внести изменения в эту статью, дополнив ее после упоминания о премиях фразой: «а также вознаграждения и поощрения, связанные с системой оплаты труда (стимулирующая составляющая оплаты труда)».

Рассмотрим возможность исключения из статьи 129 части 1 Трудового кодекса Российской Федерации термина «иные стимулирующие выплаты» без изменений в самой статье, так как оплата труда включает только премии, доплаты и надбавки стимулирующего характера. Пожалуй, лучше было бы уточнить понятие «стимулирующих» выплат как составной части заработной платы, премий, доплат и надбавок «стимулирующего» характера в отдельном разделе 129.1 ТК РФ, а также провести различие между «стимулирующей» частью заработной платы или выплатами «стимулирующего» характера, обусловленными системой оплаты труда, и «единовременными стимулирующими выплатами, не связанными с системой оплаты труда» в этой статье.

Проблема дифференцирования и отграничения выплат стимулирующего и компенсационного характера требует особого внимания. В связи с отсутствием четкого разграничения в трудовом законодательстве между надбавками и доплатами стимулирующего характера, работодатели активно заменяют понятия и часто используют термин «надбавки» вместо «доплат», и наоборот [4].

Исследователи Ю. П. Орловский, К. Н. Гусов, М. В. Лушников А. М. Лушников и А. Я. Петров утверждают, что доплаты в основном представляют собой компенсацию, а не стимуляцию, что может вводить в заблуждение правоприменителей. Несмотря на это, Трудовой кодекс Российской Федерации явно указывает на роль доплат в стимулировании. Из-за этого возникают ситуации, когда работодатель вводит стимулирующие доплаты, назвав их компенсационными в своих правилах. Однако различие между этими видами выплат очень велико: одни стимулируют работников к более высокой производительности, а другие лишь учитывают особенности труда.

Законодатель не уделяет должного внимания стимулирующим выплатам в Трудовом кодексе РФ, что является серьезным пробелом. Несмотря на отсутствие четких указаний по этому вопросу, работодатель должен определять «надбавки» и «доплаты» с пониманием их правовой сущности. Для достижения этого понимания необходимо

вносить изменения в трудовое законодательство и дополнять его соответствующим образом.

В связи с этим Е. Д. Петров предлагает [6]:

1) «закрепить в статье 129 ТК РФ определение «доплата стимулирующего характера», под которой понимается денежная выплата, призванная стимулировать дополнительные затраты труда работников, произведенные ими по указанию работодателя, не связанные с оплатой труда в каких-либо особых условиях (работой в районах Крайнего Севера, ночной смены, в праздничные дни);

2) закрепить в статье 129 ТК РФ определение «надбавка стимулирующего характера», под которой понимается денежная выплата, систематически начисляемая работникам сверх их ставок (окладов) за повышенную результативность труда...».

Статью 129.1 ТК РФ следует пересмотреть, чтобы уделить внимание не столько стимулирующему, сколько поощрительному характеру надбавок и доплат, предложенных Е. Д. Петровым. При этом важно учесть предложения, которые были выше упомянуты, и сделать акцент на функции поощрения выплат.

Локальное регулирование стимулирующей части оплаты труда находится в крайне неудовлетворительном состоянии из-за отсутствия норм, раскрывающих существенные признаки стимулирующих выплат, и порядка их предоставления в трудовом законодательстве. Сначала следует обратить внимание на акты, принимаемые работодателями, которые предпочитают подробно регламентировать стимулирующую часть за-

работной платы в коллективном договоре, хотя на практике было бы лучше объединить все правила об оплате труда в одном документе — Положении об оплате труда. Снижение количества дублирований, противоречий и упущений, допускаемых работодателями, будет обеспечено данной концентрацией, что позволит более оперативно корректировать оплату труда при изменении условий работы.

Важно отметить, что в сфере вознаграждения часто встречаются условия, которые лишают работника обязательной выплаты «в случае отсутствия или недостаточности прибыли, фонда оплаты труда или наличия финансовых ресурсов». Эти условия нарушают установленное в статье 21 Трудового кодекса Российской Федерации право работника на своевременное и полное получение заработной платы в зависимости от его квалификации, сложности работы и объема выполненной работы.

Важно закрепить в Трудовом кодексе Российской Федерации обязанность работодателя начислять и выплачивать стимулирующую часть заработной платы, не давая им возможности устанавливать ограничения при локальном правовом регулировании выплат. Работодатели часто включают в местные правила возможность получения стимулирующих выплат основными работниками из-за отсутствия четкого законодательного решения о данном вопросе. Это противоречит принципам равенства и обеспечения каждому работнику полной и своевременной выплаты справедливой заработной платы, что также нарушает нормы Трудового кодекса РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. Поправки, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 N 445)
2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) Текст Кодекса опубликован в «Российской газете» от 31 декабря 2001 г. N 256, в Собрании законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 3, в «Парламентской газете» от 5 января 2002 г. N 2–5
3. Абалдуев В. А. Стимулирующая часть оплаты труда: государственная правовая политика и локальное правотворчество // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2020. № 8. С. 67–73
4. Гераськина, Д. А. стимулирующие выплаты как часть заработной платы / Д. А. Гераськина // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. — 2020. — № 2(17). — С. 170–176.
5. Лебедев В. М. Премияльная форма заработной платы // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2018. № 1. С. 24–34
6. Петров Е. Д. Проблемы правового регулирования надбавок и доплат стимулирующего характера // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. № 2. С. 295–300

Развитие института смягчающих обстоятельств в российском уголовном праве: исторический аспект, современные тенденции и практика применения

Гиренко Александра Сергеевна, студент;

Бузулукова Арина Николаевна, студент

Научный руководитель: Крылов Никита Григорьевич, старший преподаватель
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется эволюция института смягчающих обстоятельств в российском уголовном праве, анализируются ключевые изменения в законодательстве и судебной практике. На основе данных Судебного департамента при ВС РФ и примеров из практики показано, как смягчающие обстоятельства влияют на назначение наказания. Особое внимание уделено новеллам УК РФ 2023–2024 гг. и их применению в судах.

Ключевые слова: уголовное право, смягчающие обстоятельства, наказание, гуманизация, судебная практика, УК РФ.

Введение. Институт смягчающих обстоятельств (ст. 61 УК РФ) — важный инструмент индивидуализации наказания, отражающий принципы справедливости и гуманизма. В последние годы его роль усиливается: по данным Судебного департамента при ВС РФ, в 2023 г. смягчающие обстоятельства учитывались в 68 % приговоров, а условное осуждение назначалось в 42 % случаев (для сравнения: в 2015 г. — 35 %).

Теоретические основы института смягчающих обстоятельств в российском уголовном праве

Институт смягчающих обстоятельств отражает эволюцию уголовно-правовой мысли:

— Классическая школа (Ч. Беккариа, А. Фейербах): Наказание должно быть строго пропорционально деянию, но уже признавалась необходимость учета субъективных факторов.

— Социологическая школа (Ф. Лист, Э. Ферри): Криминогенная среда и личность преступника как основа индивидуализации наказания.

— Неоклассицизм: Синтез идей — формализованные смягчающие обстоятельства как баланс между объективным вменением и субъективным подходом.

Связь с принципами уголовного права: Гуманизм (ст. 7 УК РФ): Смягчение как инструмент минимизации репрессии; Справедливость (ст. 6 УК РФ): Дифференциация ответственности в зависимости от степени вины и обстоятельств. Индивидуализация: Ст. 60 УК РФ требует учета личности виновного, что невозможно без оценки смягчающих факторов.

Доктринальные подходы к природе смягчающих обстоятельств. В науке уголовного права выделяются две основные концепции:

1. «Негативная» теория (Н. С. Таганцев): Смягчающие обстоятельства — это исключения из общего состава преступления, снижающие общественную опасность деяния. Пример: Крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ) формально исключает преступность, но ее «следы» могут учитываться как смягчающие факторы.

2. «Позитивная» теория (А. И. Рарог): Смягчающие обстоятельства — самостоятельные элементы уголовной ответственности, влияющие на степень вины. Пример: Раскаяние не меняет состав преступления, но снижает субъективное осуждение.

Современный синтез: В Постановлении Пленума ВС РФ № 58 от 22.12.2015 подчеркивается, что смягчающие обстоятельства могут касаться как объективной стороны (способ совершения преступления), так и субъективной (мотивы, цели).

Классификация смягчающих обстоятельств в теории права

По источнику: Законодательные (ст. 61 УК РФ) — явка с повинной, несовершеннолетие; Судебные (ч. 2 ст. 61 УК РФ) — признание судом иных обстоятельств (например, хроническое заболевание).

По содержанию: Личностные — Беременность, психические расстройства (ст. 22 УК РФ); Ситуационные — Провокация потерпевшего, тяжелые жизненные условия. Посткриминальные — Возмещение вреда, помощь следствию.

Институт смягчающих обстоятельств в контексте «нового уголовного гуманизма». Современная парадигма уголовной политики (Д. А. Шестаков, В. Д. Филимонов) предполагает: Примат восстановительного подхода: Смягчение наказания при медиации (ст. 76 УК РФ); Дестигматизацию: Учет смягчающих обстоятельств для ресоциализации (например, п. «в.1» ст. 61 — положительное постпреступное поведение); Критику: Риск «гуманизма для избранных» — бизнесмены чаще ссылаются на «тяжелые жизненные обстоятельства», чем маргинальные группы (данные исследования ИЗИСП, 2023).

Исторический обзор: В «Русской Правде» (XI в.) и «Соборном уложении 1649 г.» смягчающие обстоятельства (малолетство, необходимая оборона) учитывались эпизодически. Системный подход начал формироваться в «Уложении о наказаниях 1845 г.», где выделялись: Несо-

вершеннолетие; Крайняя нужда; Провокация со стороны потерпевшего.

Советский период: УК РСФСР 1922 и 1960 гг. закрепили формализованный перечень смягчающих обстоятельств, но их применение ограничивалось идеологическими установками (например, «классовый подход»).

Современное регулирование и статистика. Распространенные смягчающие обстоятельства (данные за 2022–2023 гг.)

Согласно статистике Судебного департамента:

Явка с повинной (п. «и» ст. 61) — 24 % дел.

Возмещение ущерба (п. «к») — 31 %.

Наличие малолетних детей (п. «г») — 18 %.

Совершение преступления впервые (п. «а») — 55 %.

Влияние на вид наказания:

— При наличии ≥ 2 смягчающих обстоятельств суды в 74 % случаев назначают наказание ниже низшего предела (ст. 62 УК РФ).

— Условное осуждение (ст. 73 УК РФ) применяется:

— В 65 % случаев по преступлениям небольшой тяжести.

— В 28 % — средней тяжести.

— В 9 % — тяжким (обычно при активном содействии следствию).

Примеры из судебной практики

Дело № 1–15/2023 (Московский областной суд)

Обвиняемый совершил кражу (ч. 1 ст. 158 УК РФ), но добровольно вернул похищенное и помог раскрыть преступление. Суд учел пп. «и», «к» ст. 61 УК РФ и назначил штраф вместо лишения свободы.

Дело № 22–1456/2024 (Свердловский облсуд)

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ (ред. 2024 г.).
2. Постановление Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. 2023.
4. Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2023.
5. Филимонов В. Д. Гуманизм уголовного права и его пределы. СПб., 2022.
6. Шестаков Д. А. Введение в восстановительное правосудие. М., 2024.

По ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство в состоянии аффекта) суд признал смягчающим тяжелое жизненное положение (п. «ж.1» ст. 61) и снизил срок с 10 до 7 лет.

Позиция ВС РФ (Определение № 78-УД24–1-К9 от 12.03.2024)

Подтверждено, что психическое расстройство, не исключающее вменяемости (ст. 22 УК РФ), должно учитываться как смягчающее обстоятельство.

Проблемы и тенденции

Региональная неравномерность: В Москве условное наказание применяется в 48 % случаев, в Дагестане — только 22 % (данные 2023 г.).

Злоупотребления: В 2022 г. 12 % оправдательных приговоров были отменены из-за необоснованного учета смягчающих обстоятельств (Обзор ВС РФ № 1-УД23–9).

Гуманизация: После введения п. «ж.1» (тяжелое жизненное положение) число ходатайств о смягчении наказания выросло на 17 %.

Заключение

Институт смягчающих обстоятельств в российском уголовном праве развивается в сторону большей гибкости и учета личности виновного. Однако для повышения эффективности требуется:

Унификация судебной практики;

Дальнейшее расширение перечня в духе международных стандартов (например, учет психических расстройств, не исключающих вменяемости)

Анализ предмета прокурорского надзора за внешнеэкономической деятельностью

Гогуев Рустам Магомедович, студент
Российский университет кооперации (г. Мытищи)

В статье анализируется предмет, специфика и актуальные проблемы прокурорского надзора в сфере ВЭД. Рассматривается контроль за соблюдением таможенного, валютного, антимонопольного законодательства, законодательства об интеллектуальной собственности и законности оперативно-разыскной деятельности таможенных органов. Особое внимание уделяется защите прав участников ВЭД. Анализируются полномочия прокурора, включая реагирование на административные правонарушения, и необходимость повышения квалификации прокуроров.

Ключевые слова: прокурорский надзор, ВЭД, таможенное законодательство, валютное регулирование, интеллектуальная собственность, оперативно-разыскная деятельность.

Предмет прокурорского надзора за внешнеэкономической деятельностью (ВЭД) охватывает сложный комплекс общественных отношений, возникающих в процессе осуществления хозяйствующими субъектами внешнеторговых операций и регулируемых правом. Основная задача прокурорского надзора — обеспечение законности в деятельности участников ВЭД и контролирующих органов государственной власти. ВЭД, являясь значимой частью экономики, требует повышенного внимания со стороны правоохранительных органов, поскольку правонарушения в этой сфере могут нанести существенный материальный ущерб и подорвать экономическую безопасность государства. [1, с. 53]

Специфика прокурорского надзора в сфере ВЭД определяется многогранностью его предмета, охватывающего широкий спектр правоотношений. Надзор включает в себя контроль за соблюдением законодательства, регламентирующего перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу, включая запреты и ограничения. Это предполагает глубокое знание как национального законодательства, так и международных договоров и ведомственных нормативных актов, касающихся лицензирования, квотирования, таможенных пошлин, технических регламентов и санитарно-фитосанитарных требований. Важной составляющей предмета надзора является законность оперативно-разыскной и процессуальной деятельности таможенных органов. Прокурор обеспечивает соблюдение прав и свобод участников ВЭД при проведении оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, контролирует законность обращения в собственность государства арестованного, конфискованного и иного имущества, являющегося вещественными доказательствами по уголовным делам в таможенной сфере. [2, с. 421]

Защита прав интеллектуальной собственности участников ВЭД также входит в предмет прокурорского надзора. Прокурор контролирует исполнение законодательства об интеллектуальной собственности, пресекает нарушения прав правообладателей, связанные с контрафактной продукцией и незаконным использованием товарных знаков.

Сложность прокурорского надзора в сфере ВЭД обусловлена не только многообразием правоотношений, но и спецификой законодательства, регулирующего эту деятельность. Прокурорский надзор требует знания обширного объема нормативных актов, включая нормы Таможенного союза, ведомственные акты и международные договоры. Это обуславливает необходимость постоянного повышения квалификации прокуроров и отслеживания изменений в законодательстве.

В рамках надзора за соблюдением таможенного законодательства ключевым является контроль законности

действий органов Федеральной таможенной службы (ФТС). Приоритетными направлениями являются соблюдение прав и законных интересов участников ВЭД и ответственность действий таможенных органов российскому и международному праву. Прокурорский надзор обеспечивает единообразное применение таможенного законодательства на всей территории РФ и предотвращает злоупотребления со стороны должностных лиц таможенных органов, что особенно актуально в контексте расширения межгосударственного сотрудничества в рамках ЕАЭС. [3, с. 5]

Согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1, прокурорский надзор осуществляется за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации (статья 1). [4].

Прокурор контролирует валютные операции, предотвращает незаконный вывоз капитала, отмывание денег и финансирование терроризма, взаимодействуя с органами валютного контроля, правоохранительными органами и кредитными организациями.

Прокурорский надзор в сфере ВЭД включает в себя контроль за соблюдением антимонопольного законодательства, предотвращение злоупотребления доминирующим положением на рынке, пресечение недобросовестной конкуренции и защиту прав потребителей. Особое внимание уделяется действиям иностранных компаний и их влиянию на российскую экономику.

ВЭД как сфера взаимодействия национальной экономики с мировыми рынками регулируется комплексом законодательных актов и включает торговые операции, обмен услугами, информацией и результатами интеллектуальной деятельности. Торговая политика России направлена на создание благоприятных условий для участников ВЭД, используя экономические (таможенные пошлины, налоги) и административные (квотирование, лицензирование) инструменты регулирования. ВЭД, как и любая сфера, регулируемая федеральным законодательством, подпадает под прокурорский надзор, обеспечивающий соответствие нормативных актов принципам федерального законодательства и законность деятельности таможенных органов [5, с. 6].

Таким образом, прокурорский надзор в сфере ВЭД — это многогранная деятельность, направленная на обеспечение законности во внешнеэкономических операциях и защите прав их участников. Прокурор контролирует соблюдение таможенного, валютного, антимонопольного законодательства, законодательства об интеллектуальной собственности, а также законность действий таможенных органов. Специфика надзора обуславливает необходимость глубокого знания прокурорами национального

и международного права. Актуальность прокурорского надзора в сфере ВЭД обусловлена значимостью ВЭД для экономики и рисками нарушений, которые могут подорвать экономическую безопасность государства.

Литература:

1. Алферова Е. В. 2018. 03. 053. Защита прокурором прав участников внешнеэкономической деятельности: монография / Н. В. Субанова, П. В. Агапов, Л. И. Александрова и др.; под общ. Ред. Н. В. Субановой; академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — М., 2017. С. 53.
2. Росляков А. А. Проблема осуществления прокурорского надзора за соблюдением таможенного законодательства органами Федеральной таможенной службы Российской Федерации / А. А. Росляков // Наука XXI века: актуальные направления развития. — 2021. — № 1–2. — С. 421.
3. Иванов А. В. Особенности прокурорского надзора за соблюдением законов во внешнеэкономической деятельности / А. В. Иванов // Юриспруденция и Право: Исследования. Инновации. Практика. — 2019. — № 1. — С. 5.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202–1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N 47, ст. 4472.; 2024, N 41, ст. 6059.
5. Талья Е. А. О современных проблемах осуществления прокурорского надзора за исполнением таможенного законодательства // БИТ. 2017. № 3. С. 6.

Полномочия и актуальные проблемы прокурорского надзора в сфере внешнеэкономической деятельности

Гогуев Рустам Магомедович, студент
Российский университет кооперации (г. Мытищи)

Статья рассматривает полномочия прокурора в сфере внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в соответствии с российским законодательством, в частности, Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Анализируется роль прокурорского надзора в обеспечении законности ВЭД, включая контроль за соблюдением таможенного и валютного законодательства, защиту прав интеллектуальной собственности и прав участников ВЭД. Особое внимание уделяется специфике надзора в рамках интеграционных процессов ЕАЭС и необходимости международного сотрудничества.

Ключевые слова: прокурорский надзор, ВЭД, таможенное законодательство, валютное регулирование, интеллектуальная собственность, права участников ВЭД, ЕАЭС, транспортные прокуратуры, арбитражный суд, международное сотрудничество, оперативно-разыскная деятельность.

Полномочия прокурора в сфере внешнеэкономической деятельности (ВЭД) регламентируются законодательством РФ и направлены на обеспечение законности. В соответствии со статьей 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», прокурорский надзор за ВЭД входит в общий надзор за исполнением законов, включая контроль соответствия издаваемых правовых актов федеральному законодательству. [1] Прокурорский надзор в таможенной сфере, по мнению Талья Е. А., является важнейшим инструментом обеспечения законности, особенно в контексте интеграционных процессов Таможенного союза, требующих новых подходов к определению таможенного законодательства и предмета надзора. [2, с. 4]

Прокурор уполномочен проводить проверки организаций, участвующих в ВЭД, иметь доступ к их документации, требовать объяснения от должностных лиц и принимать меры по устранению выявленных нарушений. Организация надзора включает анализ законности в та-

моженной сфере, изучение материалов проверок, жалоб, судебных актов и решений таможенных органов, а также оценку эффективности ведомственного контроля и случаев взыскания средств из бюджета вследствие незаконных действий таможенных органов. Планирование проверок учитывает выявленные тенденции и риски, особенно в сфере экспорта природных ресурсов и стратегически важных товаров. [3, с. 194] Прокуроры контролируют таможенные операции, включая декларирование, выпуск товаров, классификацию, исчисление и взыскание таможенных платежей, контроль таможенной стоимости и применение мер тарифного и нетарифного регулирования. Также прокурорский надзор распространяется на валютный контроль, иницируя меры реагирования при выявлении нарушений, используя Единую автоматизированную информационную систему таможенных органов.

Важна координация с правоохранительными и контролирующими органами, обмен информацией и совместная

разработка мер по обеспечению экономической безопасности. Прокуроры обеспечивают соблюдение прав участников ВЭД и пресечение уклонения от уплаты таможенных платежей, имея право обращения в арбитражный суд при неисполнении их требований.

Прокурорский надзор также охватывает законность обращения в собственность государства арестованного имущества и вещественных доказательств по уголовным делам. Бабенко С. В. предлагает расширить полномочия прокурора в экономической сфере, вводя административную ответственность за неисполнение требований прокурора. [4, с. 182] Право обращения в суд в защиту прав участников ВЭД предусмотрено статьей 27 ФЗ «О прокуратуре РФ». Участие прокурора в арбитражном судопроизводстве регламентируется пунктом 3 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и статьей 52 АПК РФ, предусматривающей две формы участия: в качестве истца, защищающего публичные интересы, и для обеспечения законности в уже инициированном деле. Прокурор может оспаривать нормативные акты, признавать недействительными сделки и истребовать государственное имущество.

Важным направлением деятельности прокурора является надзор за соблюдением законодательства о валютном регулировании и контроле, в частности, предотвращение незаконного вывоза капитала и финансирования терроризма. Прокурорские работники сталкиваются со сложностями, связанными с многогранностью законодательства в сфере ВЭД, что требует постоянного повышения квалификации. В условиях интеграционных процессов ЕАЭС роль прокурорского надзора возрастает. Генеральная прокуратура РФ издала Указание «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в таможенной сфере», подчеркивая необходимость более тщательного контроля, охватывающего все аспекты таможенных операций, включая валютный контроль и работу с реестрами участников ВЭД. [4] Деятельность ЕАЭС

представляет собой сложный объект с точки зрения правового регулирования. ЕАЭС обладает международной правосубъектностью и широкими полномочиями, влияющими на экономическую и политическую сферу государств-членов.

Институциональная структура ЕАЭС включает ВЕЭС, ЕМС, ЕЭК и Суд ЕАЭС, каждый из которых играет важную роль в интеграционных процессах. Решения ЕЭК, в пределы её компетенции, обязательны для всех государств-членов.

В России надзор за исполнением таможенного законодательства возложен на транспортные прокуратуры, деятельность которых регламентируется множеством нормативно-правовых актов. Особое внимание уделяется противодействию таможенным правонарушениям, борьбе с незаконным оборотом товаров и контролю в сфере ОПК. В условиях постоянного реформирования таможенного законодательства транспортные прокуроры должны обладать высокой квалификацией и учитывать изменения в российском и наднациональном праве ЕАЭС. Практика подтверждает необходимость межгосударственного сотрудничества и усиления роли ЕАЭС для повышения эффективности борьбы с правонарушениями. Активная позиция прокуратуры в этом процессе имеет важное значение. В Приказе Генерального прокурора РФ «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере» подчеркивается необходимость повышения эффективности надзора за оперативно-разыскной деятельностью таможенных органов и соблюдения прав граждан [4]. Важным аспектом деятельности прокурора является надзор за соблюдением прав интеллектуальной собственности. Прокуроры также защищают права международных перевозчиков. В современных условиях роль прокурорского надзора в сфере ВЭД возрастает, требуя оперативного реагирования на изменения и активного международного сотрудничества.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N 47, ст. 4472.; 2024, N 41, ст. 6059.
2. Талья Е. А. О современных проблемах осуществления прокурорского надзора за исполнением таможенного законодательства // БИТ. 2017. № 3. С. 4.
3. Защита прокурором прав участников внешнеэкономической деятельности: монография / Н. В. Субанова, П. В. Агапов, Л. И. Александрова и др.; под общ. ред. Н. В. Субановой; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — М., 2017. С. 194.
4. Указание Генпрокуратуры России от 27.04.2018 N 254/23 (ред. от 23.09.2024) «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в таможенной сфере» // «Законность», N 7, 2018.
5. Приказ Генпрокуратуры России от 15.07.2011 N 211 (ред. от 23.09.2024) «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере» // «Законность», N 11, 2011.

Противодействие коррупции в государственных и муниципальных организациях

Головачев Илья Сергеевич, студент

Научный руководитель: Ефименко Евгения Николаевна, преподаватель
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются проблемы коррупции в государственных и муниципальных организациях, её причины, формы проявления и последствия для общества. Особое внимание уделено действующему законодательству Российской Федерации в сфере противодействия коррупции, а также организационным и профилактическим мерам. Анализируется практика реализации антикоррупционной политики, выявляются существующие проблемы и предлагаются пути повышения её эффективности. Делается вывод о необходимости комплексного подхода и активного участия гражданского общества в борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, государственные органы, муниципальные организации, антикоррупционная политика, взяточничество.

Коррупция остаётся одной из наиболее серьёзных угроз для устойчивого развития общества и государства. Особенно остро проблема проявляется в государственных и муниципальных структурах, где коррупционные действия подрывают доверие граждан, мешают эффективному использованию бюджетных средств и препятствуют развитию институтов правового государства. В связи с этим разработка и внедрение действенных механизмов противодействия коррупции в органах власти является приоритетной задачей государства и общества.

Коррупция в общем смысле — это злоупотребление служебным положением в личных целях. В российском законодательстве определение дано в Федеральном законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Согласно статье 1 данного закона, коррупцией признаются [1]:

- злоупотребление служебным положением,
- дача взятки должностному лицу,
- получение взятки,
- злоупотребление полномочиями и иные противоправные действия.

В органах государственной и муниципальной власти коррупция может проявляться в различных формах: взяточничество, откаты при проведении госзакупок, нецелевое расходование бюджетных средств, лоббизм, связанный с личными интересами, и прочие противоправные действия.

Существует ряд факторов, способствующих возникновению и распространению коррупции:

1. Недостаточная прозрачность и открытость работы государственных и муниципальных органов.
2. Сложность и громоздкость бюрократических процедур, создающих «пространство» для коррупционных сделок.
3. Низкий уровень правосознания как у чиновников, так и у граждан.
4. Отсутствие должного общественного контроля.
5. Низкий уровень заработной платы у сотрудников в ряде ведомств, провоцирующий стремление к незаконному обогащению [7].

Эти и другие причины создают благоприятную среду для коррупции и затрудняют её искоренение.

Противодействие коррупции носит комплексный характер и включает как превентивные меры, так и меры уголовно-правового характера.

Обязательным является предоставление сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера.

К организационным мерам относятся:

- создание антикоррупционных комиссий;
- разработка и реализация антикоррупционных программ;
- организация внутреннего контроля и аудита;
- ротация кадров на ключевых должностях.

В ряде ведомств внедрены «горячие линии» и специальные порталы, позволяющие гражданам сообщать о коррупционных правонарушениях.

Профилактика — важный элемент в борьбе с коррупцией, которая включает:

- антикоррупционное просвещение населения;
- обучение государственных и муниципальных служащих нормам этики и закона;
- формирование негативного общественного отношения к коррупционным проявлениям.

Нарушение антикоррупционного законодательства влечёт за собой как административную, так и уголовную ответственность. В последние годы в России реализуются масштабные антикоррупционные расследования. Созданы специализированные подразделения в органах прокуратуры, Следственного комитета и МВД, занимающиеся борьбой с коррупцией.

В последние годы в России наблюдается тенденция к ужесточению контроля над деятельностью чиновников. Были внедрены следующие важные меры [5]:

- обязательная проверка доходов и расходов чиновников и членов их семей;
- ограничение на ведение бизнеса и участие в коммерческих организациях;
- публикация сведений о доходах в открытом доступе;

- запрет на получение подарков в служебной деятельности;
- мониторинг конфликтов интересов.

Тем не менее, практика показывает, что формальный подход к реализации этих мер не всегда даёт желаемый эффект. В ряде случаев антикоррупционные процедуры сводятся к формальной отчетности, не влияя на реальную ситуацию.

Несмотря на принятые меры, коррупция в органах власти продолжает оставаться актуальной проблемой. Существует ряд системных трудностей:

- слабая защита лиц, сообщающих о коррупции;
- избирательность в применении закона;
- недостаточная независимость судебной системы;
- закрытость информации о деятельности ряда госорганов.

Итак, коррупция — это глобальная проблема, требующая глобальных решений. Когда правительственные чиновники злоупотребляют общественной властью ради личной выгоды, они делают нечто большее, чем просто присваивают незаконные средства [6].

Меры противодействия коррупции в России должны включать:

- разработка и реализация плана противодействия коррупции;
- проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов;
- принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации;
- ознакомление работников различных организаций с нормативными документами, регламентирующими вопросы предупреждения и противодействия коррупции;
- проведение разъяснительной работы в отношении порядка применения к работникам дисциплинарных взы-

сканий, связанных с несоблюдением требований законодательства о противодействии коррупции

- участие работников в противодействии коррупции;
- обеспечение выполнения требований к служебному поведению, установленных законодательством Российской Федерации;
- проведение служебных проверок;
- организация антикоррупционного образования работников;
- привлечение работников к участию в деятельности по противодействию коррупции.

Среди мер противодействия коррупции также можно выделить:

1. Создание на базе государственной компании или государственного органа специализированной организации по противодействию коррупции.
2. Создание антикоррупционного совета при госоргане.
3. Создание консультативных органов по противодействию коррупции при госорганах.
4. Создание при госорганах региональных антикоррупционных комиссий.

Таким образом, противодействие коррупции — это не только задача государственных структур, но и обязанность каждого гражданина. Безусловно, борьба с этим злом требует комплексных усилий, постоянного совершенствования законодательства и системного подхода к управлению. Только при активном участии общества, эффективной работе правоохранительных органов и наличии политической воли возможно добиться реального снижения уровня коррупции в государственных и муниципальных организациях. Только так можно построить справедливое, открытое и эффективное государство.

Литература:

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 3.12.2012 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: Федеральный закон от 7.05.2013 № 79-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Борознова Милена Михайловна, Ермакова Татьяна Николаевна Борьба с коррупцией в системе государственной службы в Российской Федерации // НПЖ «Диалог». 2025. № 1 (31). — С. 89–91.
6. Гладких, В. И. Противодействие коррупции на государственной службе: учебное пособие для вузов / В. И. Гладких, В. М. Алиев, В. Г. Степанов-Егиянц. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — 207 с.
7. Румянцева, Е. Е. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов / Е. Е. Румянцева. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 267 с.

Государственное регулирование оборота электронных денег и криптовалюты в Российской Федерации

Головкин Георгий Константинович, студент

Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета

Современные финансовые системы активно развиваются под влиянием новейших цифровых технологий и в Российской Федерации, как и в других странах, электронные деньги и криптовалюты начинают активно влияться в экономическую систему государства. Но стоит заметить, что их постепенное распространение зависит от чёткого правового регулирования, которое бы обеспечило баланс между новшествами в экономике, защитой прав граждан и потребителей и стабильностью финансового рынка и самой системы.

Электронные деньги, согласно ФЗ № 161 «О национальной платёжной системе» [1], представляют собой определённые предоплаченные финансовые продукты, выпускаемые операторами электронных платёжных систем (далее — ЭПС) при строгом соблюдении требований Центрального Банка РФ. Они используются для мгновенных переводов и оплаты услуг, функционируя в рамках централизованных систем. В отличие от них, криптовалюта (например, Bitcoin, Ethereum и т. д.) основана на блокчейн технологии, что обеспечивает децентрализацию и анонимность операций. ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах» [2] закрепляет за криптовалютой статус цифрового финансового актива (ЦФА), но при этом запрещает её использование в качестве платёжного средства на территории РФ.

В законодательстве Российской Федерации есть различный подход к регулированию как электронных денег, так и криптовалют. Для операторов ЭПС, таких как WebMoney, Яндекс.Деньги, установлены жесткие требования: обязательство по лицензированию своей деятельности, соблюдение международных стандартов AML/CFT, которые направлены против отмывания доходов и финансирования терроризма, а Центральный Банк с 1 октября 2023 года становится для них надзорным органом [3]. Это обеспечивает прозрачность их деятельности для государственных органов и защиту прав потребителей. Положение же криптовалют остаётся в «серой зоне». Несмотря на их статус финансового актива есть некоторые нюансы: запрет на оплату товаров и услуг, а сам же майнинг приравнен к предпринимательской деятельности с регистрацией в специальном реестре и обязательной налоговой отчетностью.

Стоит также сказать о развитии цифрового рубля (CBDC), что с недавнего времени стало одним из ключевых направлений Центрального Банка. Тестовые проекты, которые были запущены в 2023 году для ограниченного круга лиц, направленные на интеграцию CBDC в национальную платёжную систему, что в планах может дать сокращение издержек при транзакциях и сделает

предпринимательскую деятельность более прозрачной. Конечно, контроль государства исключит фактор анонимности при использовании данных денежных средств, в отличие от криптовалюты, но при этом всё исключит возможные спекуляции на рынке, что позволит снизить интерес к частным криптовалютам и переведет в регулируемый сегмент цифровой экономики.

Из международного опыта можно найти разные подходы к регулированию сферы цифровой экономики. Например, в Европейском союзе в 2024 году вступил в силу закон MiCA (Markets in Crypto-Assets), устанавливающая единые правила для эмитентов криптовалют и бирж, включая обязательное лицензирование и раскрытие информации по запросу властей. В Китае же напротив, полный запрет на операции с криптовалютой, но идет полноценное развитие цифрового юаня. Благодаря этим примерам можно увидеть, что Россия стоит перед дилеммой: пойти по китайскому пути и ужесточить контроль в сфере криптовалют, либо частично легализовать, как сделали в ЕС. Если анализировать текущую экономическую и политическую ситуацию, то законодатель скорее склоняется к компромиссу — ограниченное пользование криптовалют на территории страны, но допустить их транзакции при трансграничных отношениях.

Также стоит уделить внимание и налогообложению. С 1 января 2025 года в НК РФ были приняты поправки, обязывающие физических и юридических лиц [4] декларировать доходы от операций с криптовалютами и уплачивать НДФЛ в размере 13 %. Однако отсутствие удобных распространенных инструментов и подконтрольных площадок усложняет регулирование данных процессов. Для решения этой проблемы ЦБ предлагает создать единую платформу, которая в оперативном режиме будет передавать в ФНС информацию по крипто сделкам. Это снизит риски уклонения налогоплательщиков от своих обязанностей, но потребует тесной работы с криптобиржами, особенно зарубежными.

Стоит подчеркнуть еще одну важную проблему как кибербезопасность. По анализу зарубежных криптобирж, с 2022 по 2024 года участилось количество успешных краж финансов и, пока на первый квартал 2025 года, составляет порядка 8.5 млрд. долларов. В 2023 году ЦБ РФ утвердил стандарты для операторов электронных денег, устанавливающие использование двухфакторную аутентификацию и шифрование данных, однако всё это носит всего лишь рекомендательный характер.

Влияние санкционного режима на доходы некоторых граждан стало еще одним фактором, формирующий повестку для регулятора. После 2022 года криптовалюты

начали играть роль инструмента обхода ограничений в международных расчетах, что подтолкнуло власти пересмотреть свое отношение к их использованию. В 2024 году ЦБ установил «экспериментальный правовой режим» и разрешил предприятиям проводить внешнеторговые операции через криптовалюты. Но такое решение остается не полным: отсутствие определенной инфраструктуры для таких сделок и недоверие со стороны иностранных партнеров ограничивает круг его применения.

Перспективы дальнейшего регулирования связаны с необходимостью интеграции цифровых активов в национальную финансовую систему. Эксперты указывают на важность создания «криптохабов» — регулируемых площадок, где компании могли бы легально работать с цифровыми валютами под надзором государства. Пилотные проекты в этом направлении уже запущены в Москве и Казани, но их успех зависит от устранения бюрократических барьеров и привлечения иностранных инвесторов.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 27.06.2020) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 04.07.2011, N 27, ст. 3872.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. — 2020 г. — № 173
3. Федеральный закон от 10.07.2023 N 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2024) // Российская газета. — 2023 г. — № 153
4. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: части 1 и 2: с изм. и доп. Дата обновления: 28.01.2025. Доступ из системы ГАРАНТ.

Особенности рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей

Гочияева Ханифа Харуновна, студент;

Ульянова Полина Сергеевна, студент

Научный руководитель: Соколова Ольга Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В данной статье рассматривается роль института присяжных заседателей в уголовном процессе и анализируется его значение в судебной системе Российской Федерации. Изучаются особенности рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей и в этой связи раскрываются наиболее существенные. В заключении формулируются выводы об особой природе суда присяжных, а также даются рекомендации, в первую очередь направленные на упрощение уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд присяжных, институт присяжных заседателей, особенности рассмотрения уголовных дел.

Актуальность данной работы обусловлена рядом факторов, определяющих современное состояние уголовного судопроизводства в контексте суда присяжных.

Отдельно стоит уделить внимание и на реакцию самих компаний. Пока крупные компании, такие как «Сбер» и «ВТБ» внедряют блокчейн-технологии для внутренних расчетов, избегая публичных операций криптовалютам, малый и средний чаще используют для интернет-платежей, не смотря на правовые риски. Это создает в обществе дисбаланс: корпоративный сектор остается в правовом поле, а малый вытесняется в «теневою» зону

Российская модель регулирования в сфере электронных денег и криптовалют медленно, но продолжает развиваться, пытаясь адаптироваться к быстроменяющимся технологическим и геополитическим реалиям. Ключевым приоритетами должны стать устранение правовых пробелов, развитие электронного рубля и создание условий для легализации криптоопераций без ущерба финансовой безопасности гражданам. Только комплексный подход, учитывающий интересы государства, бизнеса и простых людей, позволит Российской Федерации занять устойчивую позицию в глобальной цифровой экономике.

Институт присяжных заседателей, являясь значимым элементом демократического правосудия, требует постоянного анализа и совершенствования так же, как и иные

положения, регламентирующие деятельность органов судебной системы Российской Федерации.

Внедрение суда присяжных в российскую систему отправления правосудия выявило ряд проблем, непосредственно связанных с формированием коллегии присяжных, их независимостью и беспристрастностью, а также с процедурой рассмотрения конкретного уголовного дела, что требует детального изучения и выработки практических рекомендаций [6. С. 96–104].

Ко всему прочему, важность института присяжных заседателей подчеркивается необходимостью обеспечения справедливого и объективного разрешения уголовных дел, особенно в тех случаях, когда общественное мнение способно оказывать давление на суд и последующее вынесение решения. Так, исследование роли суда присяжных в России позволяет выявить факторы, прямо влияющие на формирование внутреннего убеждения присяжных заседателей, и разработать механизмы защиты от предвзятости и субъективности, вдобавок направленные на упрощение и более ясное понимание данной формы судебного заседания [6. С. 96–104].

В ходе данного исследования следует отметить, что наличие механизмов участия граждан в отправлении правосудия повышает уровень общественного контроля над судебной властью. Суд присяжных способствует тому, чтобы решения судов принимались с учетом мнений не только профессиональных судей, но и представителей общества. Это важно для поддержания доверия к судебной системе, так как участие граждан снижает риск предвзятости или коррумпированности.

Так, рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей обладает рядом особенностей, обусловленных спецификой данного института.

Одной из особенностей является ограничение обсуждения вопросов на этапе прения сторон, которые связаны с установленными фактами и их оценкой с точки зрения виновности или невиновности подсудимого. Исключаются вопросы, относящиеся к квалификации преступления и назначению наказания в соответствии с положением ст. 344 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [2].

В ходе судебных прений с участием присяжных заседателей, обсуждение ограничивается вопросами, входящими в их компетенцию, как это установлено статьей 336 УПК РФ. Сторонам процесса запрещено упоминать обстоятельства, подлежащие рассмотрению после вынесения вердикта присяжными заседателями, в отсутствие последних. Кроме того, недопустимо использование доказательств, которые не были представлены и изучены в ходе судебного разбирательства, либо были признаны судом неприемлемыми [7. С. 162–164].

Вопросы, а также юридическая терминология, должны быть сформулированы и разъяснены четко и доступно для их понимания. Согласно части 3 статьи 338 УПК РФ, на время обсуждения и окончательной формулировки вопросов присяжные заседатели покидают зал судебного заседания.

Насколько демонстрирует судебная практика, формулирование вопросов в присутствии коллегии присяжных заседателей порождает некоторые трудности. Случаи отмены судебных решений кассационным судом, вызванные процессуальными ошибками при формулировании вопросов присяжным заседателям, неопровержимо свидетельствуют об этом.

В качестве примера приводится опубликованное Верховным Судом Российской Федерации Кассационное определение от 10 января по делу № 36-УДП24–13СП-А1 [4], которым, ввиду выявленных нарушений норм уголовно-процессуального права, был отменен оправдательный приговор, вынесенный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей.

19 мая 2023 года Смоленским областным судом был вынесен приговор по делу Амира Магомедова. На основании решения коллегии присяжных заседателей, Магомедов был признан невиновным в инкриминируемых ему деяниях. Ему было предъявлено обвинение в совершении преступлений, квалифицированных как убийство при отягчающих обстоятельствах (п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [3] и незаконный оборот оружия (ч. 3 ст. 222 УК РФ). Таким образом, суд оправдал Магомедова по всем пунктам предъявленного обвинения, основываясь на вердикте присяжных заседателей.

Изучив материалы дела, Верховный Суд подчеркнул, что следственные органы квалифицировали действия Амира Магомедова как соучастие в преступлении, совершенном организованной группой, не упоминая часть 3 статьи 35 Уголовного кодекса. Суд обратил внимание на то, что из материалов дела, включая вступительное слово и аудиозапись заседания, следует, что председательствующий судья, разъясняя суть обвинения, раскрыл понятия «организатор преступления», «лицо, создавшее организованную группу» и «организованная группа», но не дал разъяснений относительно «соучастия», его форм и отличий. Кроме того, присяжным не было разъяснено понятие «исполнитель преступления» и то, что при совершении убийства организованной группой ее лидеры являются соисполнителями.

По мнению Верховного Суда, эти недостатки могли затруднить понимание присяжными роли Амира Магомедова как участника организованной группы и соисполнителя преступления, а также оценку его действий в связи с действиями лица, непосредственно совершившего убийство, как это было установлено следствием. Это могло повлиять на ответы присяжных о причастности подсудимого к преступлениям.

Далее, Судебная коллегия отметила обоснованность доводов кассационного представления, указывающих на несоответствие вопросов, предложенных присяжным, сути предъявленного обвинения. Данное расхождение могло исказить ответы присяжных и нарушает статью 338 УПК РФ. В частности, Амир Магомедов обвинялся в убийстве, совершенном на почве личной неприязни и с целью

расширения криминального влияния. Из протокола судебного заседания следует, что государственный обвинитель, поддерживая обвинение, акцентировал внимание на этом мотиве преступления.

В судебном определении разъясняется, что защита подсудимого настаивала на его непричастности, отсутствии мотива для убийства и недоказанности обвинением его статуса криминального авторитета, делящего сферы влияния с жертвой. Однако, по мнению Верховного суда, председательствующий судья необоснованно исключил из второго вопроса упоминание о «криминальности» сфер влияния. Это исказило суть обвинения, в котором данные обстоятельства были представлены как мотив преступления и, следовательно, подлежали установлению.

Следующей особенностью судопроизводства с участием присяжных заседателей является принцип тайны совещания коллегии присяжных заседателей, который играет ключевую роль при вынесении вердикта. Данный принцип, закрепленный в статье 341 УПК РФ, гарантирует конфиденциальность обсуждения вопросов, поставленных перед присяжными, и их голосования. Тайна совещания присяжных заседателей направлена на обеспечение свободы и независимости их волеизъявления, исключая любое внешнее воздействие или давление.

Защита тайны совещания коллегии присяжных заседателей является важным условием для вынесения справедливого и законного вердикта, отражающего свободное и независимое волеизъявление присяжных, основанное исключительно на доказательствах, представленных в ходе судебного разбирательства.

Ярким примером нарушения тайны совещания служит Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июля 2020 г. № 77–1110/2020 [5]. Согласно протоколу судебного заседания, помощник судьи не только имела доступ в совещательную комнату, но и, по существу, обсуждала с присяжными заседателями до подписания вердикта вопросы о доказанности предъявленного обвинения. Так, после удаления коллегии присяжных заседателей с вопросным листом в совещательную комнату для вынесения вердикта помощник судьи сообщила председательствующему, что присяжным заседателям требуются разъяснения по поставленным вопросам.

Фактически, указанное лицо вступало в обсуждение с коллегией присяжных заседателей относительно обоснованности выдвинутых обвинений до момента утверждения ими вердикта. В частности, зафиксирован случай, когда после удаления коллегии присяжных заседателей для вынесения решения на основании представленного вопросного листа, помощник судьи информировал председательствующего судью о возникшей у присяжных потребности в дополнительной информации по поставленным вопросам.

Согласно протоколу, в том же судебном заседании председательствующий, по существу, оказала незаконное воздействие на присяжных заседателей, диктовала им ре-

шение, которое следует принять по настоящему делу. Так, председательствующий в судебном заседании дала следующие указания коллегии присяжных заседателей: «Тогда коллегия должна дать ответ: «Да, доказано, за исключением действий: договорились напасть, схватил за руку, потянул на себя, подавляя сопротивление, помогая нанести удар. Вы должны все переписать, что считаете недоказанным... Вам понятно?»

Совершение подобных действий нарушает принципы отправления правосудия и значимость судебных актов, поскольку было оказано воздействие на формулировки ответов, данных коллегией присяжных заседателей, приговор и апелляционное определение в отношении подсудимого подлежат аннулированию, а уголовное дело — возвращению в суд первой инстанции для проведения повторного разбирательства.

Последней существенной особенностью, которую следует отразить в данном исследовании, является формирование коллегии присяжных заседателей (ст. 328 УПК РФ), что представляет собой важный этап при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных, который призван обеспечить беспристрастность и объективность судебного разбирательства. Отбор кандидатов осуществляется на основе случайной выборки из списков избирателей, что позволяет участвовать в отправлении правосудия различным гражданам и повышает их уровень доверия к судебной системе.

Кандидаты подвергаются тщательному отбору, включающему проверку на предмет наличия обстоятельств, препятствующих участию в рассмотрении дела, таких как заинтересованность в исходе дела, родственные связи с участниками процесса или наличие предубеждений. Стороны обладают правом заявлять мотивированные отводы кандидатам, которые выражаются в письменной форме, не подлежат оглашению, и в дальнейшем общаются к материалам уголовного дела. Кроме этого подсудимый, государственный обвинитель, защитник могут заявить немотивированные отводы для исключения нежелательных присяжных.

Также потерпевший может выражать свое мнение государственному обвинителю в виде мотивированного отвода при отборе присяжных, подобная возможность является одним из его неотъемлемых прав на участие в суде присяжных.

Как пример вышеописанного нарушения следует рассмотреть Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции, в котором раскрывается нарушение нижестоящего суда, а именно председательствующий судья неоправданно ограничил сторону защиты в праве на неограниченное количество мотивированных отводов. Адвокату было разрешено заявить лишь два отвода, в то время как он просил о большем количестве, подобные заявления судьей были проигнорированы. Подобное действие является нарушением прав стороны защиты на законное рассмотрение уголовного дела. Тем не менее, если сторона за-

щиты использует чрезмерное количество отводов, то это можно понимать как злоупотребление правом на отвод, с целью затянуть судебное разбирательство.

В заключение, можно выдвинуть следующие рекомендации по совершенствованию суда с участием присяжных заседателей на основе изучения ранее выделенных особенностей:

1) разработка методических рекомендаций по формулированию вопросов присяжным заседателям, которые поспособствовали бы повышению ясности и тем самым сокращения риска двоякого толкования обстоятельств дела);

2) повышение квалификации судей, рассматривающих дела с участием присяжных заседателей (в программы обучения следует включить изучение методов нейтрализации предвзятости и эффективной коммуникации с присяжными в ходе судебного заседания для грамотного ведения судебного заседания);

3) для решения вопроса в рамках нарушения тайны совещания присяжных заседателей представляется уместным усиление мер по обеспечению конфиденциальности информации, в том числе путем проведения допол-

нительных инструктажей и разъяснения ответственности за разглашение сведений, составляющих тайну совещания;

4) сторонам необходимо разъяснять, что право заявлять мотивированные отводы кандидатам и использовать немотивированные отводы для исключения нежелательных присяжных должно использоваться для обеспечения объективности коллегии, а не для исключения неугодных присяжных на основе субъективных предпочтений или дискриминационных соображений. Стоит проводить тщательное предварительное слушание с кандидатами, задавая вопросы, направленные на выявление возможных предубеждений или заинтересованности в исходе дела.

Дела, рассматриваемые с участием присяжных, часто отличаются сложностью и резонансностью, что требует от всех участников процесса повышенной ответственности и профессионализма. Как верно утверждает Борохова Н. Е. «...суд присяжных — это развивающийся, живой организм, который предполагает, что его участники стремятся к саморазвитию и самосовершенствованию [8. С. 27–29.]».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования от 01.07.2020) (с изм. и доп. от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) — URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 18.03.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года; одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства РФ. — 21.04.2025. Текст: непосредственный.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Принят Государственной Думой 24 мая 1996 года; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] (ред. от 21.04.2025 № 90-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 21.04.2025. Текст: непосредственный.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.01.2025 № 36-УДП24-13СП-А1 // <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-10012025-n-36-udp24-13sp-a1/> (дата обращения: 18.03.2025).
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2020 № 77-1110/2020 // https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5599436&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 18.03.2025).
6. Маркова Т. Ю. Судебное следствие в суде присяжных заседателей как способ коммуникации участников: процессуальные особенности и современные возможности. Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023; (10):96–104.
7. Аллахвердиев Э. Ш. Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей. Государственная служба и кадры. 2021, С. 162–164;
8. Борохова, Н. Е. Процессуальные и тактические особенности прений сторон в суде присяжных / Н. Е. Борохова. — Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. — 2019. — № 5 (12). — С. 27–29. — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/137/4441/> (дата обращения: 18.03.2025).

Особенности назначения и исполнения наказания в виде ограничения по военной службе

Гриненко Виктория Владимировна, студент

Научный руководитель: Козинцев Сергей Алексеевич, старший преподаватель
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье автор исследует особенности назначения и исполнения наказания в виде ограничения по военной службе, применяемого к военнослужащим в Российской Федерации.

Ключевые слова: ограничение по военной службе, наказание, военнослужащие, исполнение наказания.

Статья 51 УК РФ устанавливает, что ограничение по военной службе назначается осужденным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ за совершение преступлений против военной службы, а также за совершение ими общеуголовных преступлений вместо исправительных работ, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 45 Уголовного кодекса Российской Федерации, данное наказание может применяться исключительно в качестве основного вида уголовного наказания [1].

Ограничение по военной службе может быть назначено условно (ч. 1 ст. 73 УК РФ). К лицу, осужденному к данному виду наказания, не применимы положения ст. 79 УК РФ («Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания») и ст. 80 УК РФ («Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания»).

Вопросы, касающиеся исполнения и отбывания уголовного наказания в форме ограничения по военной службе, а также исправительных и ресоциализационных мер в отношении осужденных к такому виду наказания, регулируются уголовно-исполнительным законодательством [2].

Данный вид наказания является самым мягким среди всех специальных видов наказаний, применяемых к осужденным военнослужащим, и подразумевает наложение определенных ограничений на права военнослужащего, связанных с его служебной деятельностью. Эти ограничения касаются права:

а) получения полного денежного довольствия; б) повышения в должности; в) повышения в воинском звании; г) включения срока службы в период отбывания наказания в выслугу лет для присвоения очередного звания [3].

Ограничение на получение полного денежного довольствия означает, что из денежного довольствия военнослужащих, осужденных к ограничению по военной службе, производятся удержания в доход государства в размере, определенном судом, но не более 20 %.

В статье 144 УИК РФ указано, что размер удержания из денежного содержания военнослужащего исчисляется из должностного оклада, оклада по воинскому званию, ежемесячных и иных надбавок и других дополнительных денежных выплат [4].

Под ограничением на повышение в должности следует понимать, что в течение срока наказания, определенного по приговору суда, у военнослужащего приостанавливается действие гарантий, установленных п. 2 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», а именно закреплено, что военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, гарантируется занятие высших воинских должностей в соответствии с полученной квалификацией, достигнутыми в служебной деятельности результатами и на конкурсной основе [5].

Также осужденные военнослужащие не могут предложить на рассмотрение соответствующей аттестационной комиссии свою кандидатуру для назначения на освобождающуюся или вакантную воинскую должность, если эта должность является вышестоящей по сравнению с той, которую они занимали на момент вынесения приговора в соответствии с п. 3 ст. 43 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [6].

Из вышесказанного следует, что ограничительные меры в отношении воинской службы используются для предоставления возможности военнослужащим, совершившим преступления небольшой тяжести, продолжать свою службу, что является разумным, особенно если они обладают высокой профессиональной подготовкой в своей сфере военных знаний; исправление в данном случае осуществляется путем лишения осужденных преимуществ материального и нематериального характера, связанных с прохождением службы.

В соответствии с ч. 1 ст. 143 УИК РФ командиром воинской части издается приказ не позднее трех дней после получения поступивших из суда копии приговора и распоряжения о его исполнении. В приказе указываются основания; срок, в течение которого осужденный военнослужащий не представляется к повышению в должности и присвоению воинского звания; какой срок ему не засчитывается в срок выслуги лет для присвоения очередного воинского звания и в каком размере должны производиться согласно приговору суда удержания в соответствующий бюджет из денежного содержания осужденного военнослужащего в период отбывания им ограничения по военной службе.

На основании ст. 144 УИК РФ установленный приговором суда размер удержания из денежного содержания осужденного военнослужащего исчисляется из должност-

ного оклада, оклада по воинскому званию, ежемесячных и иных надбавок и других дополнительных денежных выплат.

Статья 2 Федерального закона от 07.11.2011 N 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» денежное довольствие военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, состоит из месячного оклада в соответствии с присвоенным воинским званием и месячного оклада в соответствии с занимаемой воинской должностью, которые составляют оклад месячного денежного содержания военнослужащего, и из ежемесячных и иных дополнительных выплат [7].

Ограничение по военной службе, согласно ч. 2 ст. 145 УИК РФ проявляется и в принудительном переводе осужденного с ранее занимаемой должности на другую должность в пределах воинской части, так и в связи с переводом в другую часть или местность, о чем извещается суд, вынесший приговор.

Осужденный военнослужащий при переводе на другую должность утрачивает некоторые права и обязанности по ранее занимаемой должности, и приобретает иные права и обязанности по новой должности. Также, у такого военнослужащего могут не только служебные, но и материальные ограничения. Например, лишение определенных служебных прав и обязанностей, и каких-либо дополнительных выплат или же иных надбавок в связи с исполнением своих служебных обязанностей по ранее занимаемой должности [8].

Законодательно не установлено должна ли быть новая должность равной ранее занимаемой или может быть ни-

жестоящей, а также на какую именно другую должность осужденный военнослужащий может быть перемещен.

Перевод осужденного на другую должность определяется целесообразностью исполнения приговора, а также мнением и согласием самого осужденного, например, при переводе в другую местность, а также исходя из норм законодательства о порядке прохождения военной службы. В случае, отсутствия разрешения на перевод в другую местность, при условии, что по контракту была определена конкретная воинская часть, область, город, то контракт с военнослужащим может быть расторгнут. В данном случае, уведомляют суд, который вынес приговор и обязанный решить вопрос о замене наказания в виде ограничения по службе другим видом наказания.

В заключении вышесказанного стоит отметить, что наказание в виде ограничения по военной службе занимает особое место в системе уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим. Оно применяется только в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по контракту и направлено на исправление осужденного без изоляции от военной сферы, что способствует сохранению его профессиональных навыков и адаптации к дальнейшей службе. Таким образом, во-первых, применение ограничения по военной службе строго регламентировано законом и возможно лишь при соблюдении определенных условий, касающихся как тяжести совершенного преступления, так и личности виновного, во-вторых, процесс исполнения наказания предполагает комплекс мероприятий, направленных на контроль за поведением осужденного, удержанием части его денежного довольствия и соблюдением установленных ограничений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс (дата обращения: 08.03.2025).
2. Капиус О. С. Уголовное право России: учебник — М.: Юрайт., 2017.
3. Боровиков В. Б. Уголовное право. Общая и особенная части: учебное пособие. — М.: Юрайт., 2019.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ. [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс (дата обращения: 08.03.2025).
5. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 N 76-ФЗ. [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс (дата обращения: 08.03.2025).
6. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 N 53-ФЗ. [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс (дата обращения: 08.03.2025).
7. Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 07.11.2011 N 306-ФЗ. [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс (дата обращения: 08.03.2025).
8. Боровиков В. Б., Смердов А. А. Уголовное право. Общая часть: учебник. — М.: Юрайт., 2020.

Актуальные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка

Гужина Яна Константиновна, студент

Научный руководитель: Чиняков Олег Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В настоящей статье изучаются дискуссионные моменты, связанные с квалификацией деяния, предусмотренного статьей 106 УК РФ. В частности, рассматриваются проблемные вопросы, связанные с моментом признания ребенка новорожденным, в том числе исследуется дискуссионный вопрос живорождения и как с ним сочетается возможность совершения настоящего преступления непосредственно во время родов. На основе проведенного исследования делаются предложения по усовершенствованию существующей уголовно-правовой практики.

Ключевые слова: убийство, новорожденный ребенок, мать, живорождение.

Current issues of qualification of the murder of a newborn child by a mother

This article examines the controversial issues related to the qualification of the act provided for in Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, problematic issues related to the moment when a child is recognized as born are considered, including the controversial issue of live birth and how the possibility of committing a real crime directly during childbirth is combined with it. Based on the conducted research, proposals are being made to improve the existing criminal law practice.

Keywords: murder, newborn baby, mother, live birth.

С точки зрения практики, убийство матерью новорожденного ребенка занимает небольшой процент от числа всех совершаемых преступлений на территории Российской Федерации. Однако, если обратиться к теоретическому рассмотрению данного состава, то он достаточно широко изучен, тем не менее, если исследовать сложившуюся практику, станет очевидным наличие множества проблем с определением его признаков.

Сначала следует отметить, что далеко не все признаки, закрепленные в диспозиции статьи 106 УК РФ, раскрываются со стороны как уголовного законодательства, так и законодательства Российской Федерации в целом. Для начала стоит отметить, что в существующих постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации лишь незначительная часть норм раскрывает ст. 106 УК РФ. К примеру, основную проблему составляет комплексный вопрос относительно родов и появления ребенка на свет.

Для начала отметим, что объектом данного преступления является жизнь новорожденного ребенка, соответственно, дискуссию вызывает медицинский критерий родов и тот момент, с которого ребенок становится предметом охраны уголовного законодательства, и в какой момент возможно применение статьи 106 УК РФ. Не вызывает больших дискуссий, что эмбрион не является объектом уголовно-правовой охраны по настоящему составу преступления, однако если плод уже достаточно сформирован или находится в процессе рождения, с какого момента следует считать, что ребенок родился. Данная дискуссия возникает и среди представителей медицинского сообщества, ряд ученых связывают процесс появления ребенка с момента начала схваток, а другие

с непосредственным отсоединением плода от организма матери, то есть с перерезанием пуповины.

По своей сути, если воздействие оказывается только на плод, а не на рожденного ребенка, то и действия лица следует квалифицировать исключительно как искусственное прерывание беременности с фактическим отсутствием правовых последствий для матери предполагаемого ребенка.

Если рассматривать медицинские критерии, которые существуют на данный момент и принимаются со стороны законодателя, то ребенок считается рожденным с момента проявления признаков им живорождения, на это в частности ссылаются и ряд ученых-теоретиков, таких как Н. С. Таганцев, М. Н. Гернет, Н. А. Неуклюдов.

В свою очередь, если рассматривать позицию Шаргородского М. Д., который считал, что период рождения следует связывать с отделением плода от тела матери и появлением первых признаков дыхания, тем самым сокращая установленные в законе требования к живорождению.

Еще более узкой позиции придерживался Набоков В. Д., в принципе рассматривая момент появления ребенка с момента появления из утробы хотя бы одной части тела без необходимости установления признаков живорождения, так как помимо определения момента отделения плода от организма матери, существуют также медицинские критерии живорождения (срок беременности на момент появления плода не менее 22-х недель, вес плода более 500 гр., длина тела плода более 25 см, проявление мышечной активности, наличие сердцебиения и дыхания).

Таким образом, можно говорить о том, что сам процесс родов не является моментом, с которого оказывается уго-

ловно-правовая охрана ребенка, поскольку помимо отделения плода, необходимо, чтобы он подавал признаки живорождения, установленные законом.

По нашему мнению, такой подход является наиболее корректным, так как сам процесс появления плода еще не означает, что ребенок явился на свет, тем более нередки случаи мертворождения, и говорить о полноценном ребенке в таком случае нельзя.

Однако если мы обратимся к Уголовному кодексу Российской Федерации, то увидим, что статья 106 УК РФ может применяться также во время родов или непосредственно после них. По нашему мнению, данный признак сформулирован некорректно и требует законодательного изменения, поскольку убийство может происходить исключительно с момента живорождения ребенка. Все иные действия нельзя рассматривать в качестве выполнения состава преступления рассматриваемого нами деяния.

Еще одним дискуссионным моментом является срок, в течение которого следует признавать ребенка новорожденным, данный вопрос аналогичным образом вызывает дискуссию в среде представителей медицинских наук. С точки зрения российской педиатрии, новорожденным

признается ребенок в течение 30 суток, а судебная медицина указывает лишь на срок в 24 часа.

В науке уголовного права нет единого подхода к определению периода новорожденности, так некоторые ученые считают, что новорожденным необходимо считать ребенка в период до 2-х недель с момента рождения, другие считают, что следует признать периодом новорожденности 6-месячный срок с момента рождения.

Обратимся к справочным материалам Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ), которая предлагает определить сроком новорожденности период 28 дней с момента рождения, что считается целесообразным с учетом проведенных ВОЗ исследований развития организма ребенка в данный период.

Таким образом, в ходе проведенного исследования можно сделать вывод, что необходимы изменения в действующих нормах уголовного законодательства в части конкретизации признаков статьи 106 УК РФ в содержании Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, с определением критериев живорождения и периода новорожденности ребенка, а также конкретизация момента уголовно-правовой охраны жизни ребенка.

Литература:

1. Ивнева Е. В. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка в Российском Уголовном праве / Е. В. Ивнева, Е. В. Соловьева // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2021. — № 1. — С. 129–135.
2. Набоков В. Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. СПб.: Сенатская типография, 1903.
3. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 1064 с.
4. Селиванов А. В. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка / А. В. Селиванов // Право. Общество. государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов / Отв. ред. Е. В. Трофимов. Том 11. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. — С. 92–95.
5. Сигаева А. А. Проблема квалификации убийства матерью новорожденного ребенка / А. А. Сигаева, Е. Ю. Изотова // Уголовное право в эволюционирующем обществе: Сборник научных статей симпозиума молодых учёных и студентов с международным участием, Курск, 08 июня 2022 года / Редколлегия: Ю. А. Панина (отв. ред.). — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. — С. 245–247.

Отдельные вопросы недействительности завещания

Гузеева Екатерина Кирилловна, студент

Научный руководитель: Павлова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья анализирует проблемы недействительности завещания в российском праве, связанные с недееспособностью завещателя и нарушением формальных требований. Автор указывает на отсутствие эффективных механизмов проверки дееспособности нотариусами и недостатки правового регулирования. Предлагаются меры по реформированию института завещания, включая создание электронной базы судебных решений и расширение полномочий нотариусов.

Ключевые слова: завещание, недействительность, дееспособность, нотариус, наследственное право, судебная практика.

Современное российское наследственное право основывается на принципах преемственности частной собственности, а также на реализации гарантированного

Конституцией РФ (ч. 4 ст. 35) права гражданина на наследование. В этом контексте завещание выступает ключевым юридическим механизмом, посредством которого

реализуется свобода воли наследодателя при распоряжении своим имуществом на случай смерти.

Правовая природа завещания закреплена в ч. 5 ст. 1118 ГК РФ, где оно рассматривается «как односторонняя сделка, вступающая в силу после наступления определённого события — смерти завещателя». Такая сделка носит строго личный характер и не допускает представительства. Завещание отличается от иных сделок своей отлагательной природой и своеобразием правовых последствий: юридический эффект наступает в будущем, при жизни завещателя оно не создаёт для других лиц ни прав, ни обязанностей.

Однако, несмотря на важность и приоритетность завещательного способа наследования (ст. 1111 ГК РФ), его недействительность представляет собой одну из центральных проблем в правоприменительной и теоретической плоскости.

Согласно ч. 1 ст. 166 ГК РФ, все сделки, включая завещания, могут быть оспоримыми или ничтожными, в зависимости от характера нарушения закона. Аналогичное разграничение содержится в ст. 1131 ГК РФ, посвящённой недействительности завещаний. Однако данная статья, как справедливо подчёркивается в анализируемом источнике, не содержит закрытого перечня оснований недействительности, что влечёт за собой необходимость применения общих положений о сделках. Это создаёт неопределённость и снижает предсказуемость судебной практики.

Особую сложность вызывает соотношение принципа свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ) и защиты прав законных наследников, в частности лиц, обладающих правом на обязательную долю (ст. 1149 ГК РФ). Здесь возникают коллизии между частной волей наследодателя и публичными интересами защиты уязвимых категорий наследников.

Основания для признания завещания недействительным, согласно Гражданскому кодексу РФ, включают несколько ключевых факторов. Во-первых, завещание может быть признано недействительным, если оно было составлено недееспособным лицом, что требует проведения психолого-психиатрической экспертизы для оценки дееспособности завещателя. Во-вторых, завещание может быть признано недействительным из-за несоответствия форме или процедуре составления. Например, «если завещание составлено без нотариального удостоверения в случаях, когда это обязательно, или если при составлении закрытого завещания отсутствовали свидетели» [1, с.151]. Важным моментом является также присутствие заинтересованного лица при составлении завещания, что также может привести к его недействительности, как это произошло в одном из судебных дел, где завещание было признано недействительным из-за присутствия наследника, что могло исказить волю завещателя. Также распространённой причиной признания завещания недействительным является недееспособность лица на момент составления завещания, что подтвержда-

ется экспертными заключениями. Эти основания показывают, как важна правильность процедуры составления завещания, поскольку даже малейшее нарушение может привести к его признанию недействительным в судебном порядке.

Согласно статье 1124 ГК РФ, завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Составление завещания в простой письменной форме допускается только в виде исключения в случаях, предусмотренных статьёй 1129 кодекса.

Также не могут служить основанием недействительности завещания опiski и другие незначительные нарушения порядка его составления, подписания или удостоверения, если судом установлено, что они не влияют на понимание волеизъявления завещателя

Несоблюдение формы завещания, установленной Гражданским кодексом РФ, может привести к его недействительности, что влечет за собой ряд проблем и последствий. Одной из основных проблем является наличие ошибок в тексте завещания — например, опечатки или неразборчивость почерка, что может стать причиной его отмены судом. Также важным аспектом является несоответствие формы завещания законодательным требованиям, как, например, отсутствие подписи завещателя, что допускается только в случае физических недостатков наследодателя. Проблемой также является нарушение требований к свидетелям — «они не могут быть наследниками или членами их семей, что делает завещание недействительным, если это условие не выполнено» [3, с.52].

Кроме того, закрытое завещание и завещание, составленное в условиях чрезвычайных обстоятельств, требуют строгого соблюдения формы, включая собственноручное написание и наличие свидетелей. В случае нарушения этих условий завещание может быть признано ничтожным. Также ключевыми требованиями являются дееспособность завещателя, соблюдение правильной процедуры оформления и отсутствие пороков содержания. Нарушение этих норм влечет недействительность сделки. Важно отметить, что завещание является личным актом, и институт представительства здесь неуместен, что также приводит к его недействительности при нарушении. Таким образом, любые нарушения формы завещания, даже на малых этапах его оформления, могут повлечь за собой серьёзные правовые последствия, такие как признание завещания недействительным и невозможность его исполнения.

Нарушение формы завещания, установленной Гражданским кодексом РФ, может привести к его признанию недействительным, и судебная практика подтверждает это. Один из примеров — составление завещания от имени наследодателя другим лицом. В деле по Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 11 апреля 2017 года № 41-КГ17-2 было установлено: «совершение завещания от имени наследодателя иным лицом является основанием для признания завещания недействительным, поскольку соответствующее волеизъ-

явление наследодателя по распоряжению имуществом на случай смерти отсутствует». Также в судебной практике нередки случаи, когда завещание признается недействительным из-за присутствия при его составлении лиц, в пользу которых оно составлено. Например, в апелляционном определении от 16 апреля 2019 года Ульяновский областной суд отметил, что присутствие такого лица при оформлении завещания нотариусом является основанием для признания завещания недействительным.

Кроме того, существуют примеры признания завещания недействительным из-за состояния дееспособности завещателя. В некоторых делах суды признают завещание недействительным, если установлено, что в момент составления документа наследодатель не мог понимать значение своих действий или руководить ими, как, например, в случае с бабушкой истца, в решении Кваркенского районного суда Оренбургской области от 2020 года. В других случаях, например, в решении Кузнецкого районного суда от 16 июля 2020 года, суд признал недействительным распоряжение об отмене завещания, установив, что наследодатель не мог понимать значение своих действий в момент подписания документа.

Тем не менее, в некоторых случаях, например, в решении Ленинского районного суда г. Краснодара от 30 июля 2020 года, суд установил, что завещание, составленное в чрезвычайных обстоятельствах, может быть признано действительным, «если оно соответствует всем требованиям, несмотря на то, что оно было написано в простой письменной форме и удостоверено при свидетелях».

Кроме того, в научной плоскости вопрос недействительности завещания в контексте оценки дееспособности завещателя и соблюдения установленных законом формальных требований к оформлению волеизъявления представляет собой крайне актуальную проблему современной гражданско-правовой доктрины и правоприменительной практики. Как свидетельствует анализ действующего законодательства и практики его применения, одной из ключевых причин признания завещания недействительным выступает отсутствие у завещателя необходимой дееспособности на момент составления завещания. Данная проблема осложняется тем, что, несмотря на возложенную на нотариуса обязанность по удостоверению завещания, действующий порядок не предусматривает действенного механизма реализации этой функции, что влечёт за собой правовую неопределённость и значительное число споров.

Следует подчеркнуть, что нотариусы, выступая в качестве публичных должностных лиц, наделены обязательством проверять дееспособность лица, обратившегося за совершением нотариального действия, в том числе составлением завещания. Однако на практике реализация этой функции затруднена рядом объективных причин. Во-первых, нотариус не обладает полномочиями на инициирование судебно-психиатрической экспертизы, способной достоверно установить способность лица осознавать значение своих действий и руководить ими.

Во-вторых, «нотариус ограничен в доступе к сведениям, составляющим медицинскую тайну, что делает невозможным получение информации от медицинских учреждений без добровольного согласия гражданина» [2, с.196]. В-третьих, нотариус не имеет прямого доступа к базе данных судебных решений о признании граждан недееспособными или ограниченно дееспособными, что оставляет его в правовой неопределённости при удостоверении завещания.

В связи с изложенным, представляется обоснованной и научно значимой идея о необходимости создания и законодательного закрепления межведомственной электронной базы данных, содержащей сведения о судебных актах, устанавливающих недееспособность или ограниченную дееспособность граждан. Такая система, интегрированная в профессиональную деятельность нотариуса, могла бы существенно повысить правовую защиту в сфере наследственных правоотношений и минимизировать случаи составления завещаний недееспособными лицами, которые впоследствии признаются судом ничтожными или оспоримыми.

Наряду с проблемами оценки дееспособности, значительное число завещаний признаётся недействительными по формальным основаниям, связанным с нарушением требований, установленных главой 62 Гражданского кодекса Российской Федерации. К таковым, в частности, относятся: несоблюдение письменной формы завещания, отсутствие нотариального удостоверения в случаях, когда оно обязательно, отсутствие подписи завещателя либо подписание завещания иным лицом при отсутствии соответствующих оснований. Особое внимание следует уделить требованиям к свидетелям, привлекаемым к участию в составлении завещания. Согласно действующему законодательству, свидетель должен соответствовать определённым критериям, не быть заинтересованным лицом, а также обладать правоспособностью и дееспособностью. Нарушение этих требований может повлечь признание завещания недействительным по специальным основаниям [3, с.53].

Актуальность данного вопроса усиливается в условиях, когда завещания нередко составляются пожилыми гражданами, лицами с соматическими или психическими нарушениями, а также в состоянии временного расстройства сознания, под воздействием медикаментозных препаратов, алкоголя либо под влиянием давления со стороны третьих лиц. В таких случаях наследники, не согласные с содержанием завещания, зачастую ссылаются на наличие пороков воли наследодателя — заблуждение, обман, насилие, угрозу, стечение тяжёлых жизненных обстоятельств (ст. 177–179 ГК РФ). Наличие подобных обстоятельств приводит к оспариванию завещания и требует со стороны суда детального исследования доказательств, в том числе показаний свидетелей, медицинских документов, заключений специалистов.

В свете изложенного, научно обоснованной представляется идея о необходимости расширения содержания

статьи 1125 ГК РФ, регулирующей нотариальное удостоверение завещаний. Целесообразно закрепить возможность ведения аудио- или видеозаписи процедуры удостоверения завещания (при согласии завещателя), что позволило бы в будущем использовать эти материалы в качестве доказательств реального волеизъявления и дееспособности наследодателя. Кроме того, важно уточнить порядок привлечения свидетелей, регламентировать их статус и участие в нотариальных действиях в целях предотвращения формальных нарушений.

Литература:

1. Мищенко В. И. К вопросу о признании завещания недействительным // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — № 5. — С. 151–153.
2. Печёнов Д. А. Недействительность завещания в гражданском праве: анализ проблем и современные подходы // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 11 (87). — С. 196–199.
3. Улезько А. Ю. К вопросу о признании завещания недействительным / А. Ю. Улезько // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2020. — № 7(122). — С. 52–54.

Таким образом, институт недействительности завещания нуждается в комплексной реформе, направленной как на расширение полномочий нотариуса и цифровизацию процедур удостоверения, так и на совершенствование нормативной базы, обеспечивающей правовую определённость и устойчивость завещания к последующему оспариванию. Такой подход будет способствовать защите действительной воли наследодателя, снижению уровня судебных споров и укреплению доверия к институту наследования в целом.

Основания возникновения гражданско-правовой ответственности в процессе банкротства

Дмитриев Александр Андреевич, студент

Научный руководитель: Рогова Юлия Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В данной статье анализируется текущее состояние вопросов правового регулирования гражданско-правовой ответственности в контексте процедур несостоятельности (банкротства), рассматриваемого как один из способов защиты прав и интересов конкурсных кредиторов. Основной задачей написания работы стало исследование и анализ теоретических и нормативных аспектов гражданско-правовой ответственности в качестве механизма, защищающего права и интересы кредиторов, чьи хозяйствующие субъекты были признаны несостоятельными (банкротами). В статье также уделяется внимание выявлению существующих проблем в применении законодательства, оценке его эффективности и созданию обоснованных предложений для его улучшения.

Ключевые слова: банкротство, гражданская ответственность, должник, кредитор

Гражданско-правовая ответственность — это важный институт, регулирующий отношения в сфере защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. С точки зрения юридических теорий, это понятие можно определить как особую правовую возможность, возникающую в случае нарушения обязательств, которая подразумевает необходимость возмещения ущерба или вынужденных расходов другой стороне.

Одним из распространенных определений является следующее: гражданско-правовая ответственность представляет собой обязанность лица компенсировать причиненные им убытки или вред, возникающие в результате его действий или бездействия. Это подразумевает как материальную, так и нематериальную компенсацию, которая может включать в себя возмещение затрат на восстановление положения, существовавшего до нарушений [1, с.58].

Другой подход к пониманию гражданско-правовой ответственности основан на концепции юридических последствий. В этом контексте она рассматривается как реакция правопорядка на правонарушение, обеспечивающая соблюдение обязательств и возврат к правомерному состоянию [4, с.109]. Это означает, что гражданская ответственность выполняет функцию не только компенсации, но и предупреждения правонарушений, демонстрируя последствия своих действий для других участников правовых отношений.

Наиболее общепринятым определением данной категории можно считать следующее: гражданско-правовая ответственность — это обязательство лица, нарушившего свои обязательства, возместить убытки, причиненные своим поведением, что становится основой для защиты прав потерпевшей стороны. Данное определение подчерки-

вают ключевую роль ответственности в сохранении правопорядка и справедливости в частноправовых отношениях.

В процессе банкротства возникают ситуации, когда меры гражданско-правовой ответственности могут быть применены в отношении участников процедуры, включая как должника, так и его кредиторов. Эти случаи можно рассмотреть более подробно, обращаясь к различным аспектам законодательства и правоприменительной практики. Одним из распространенных оснований для применения гражданско-правовой ответственности в рамках банкротства является наличие признаков недобросовестности или злоупотребления правом со стороны должника. Классическим примером такого поведения является укрытие активов или их реализация по заниженной стоимости непосредственно перед началом процедуры банкротства. В таких случаях кредиторы могут добиваться возмещения убытков, которые они понесли в результате действий должника, направленных на сокрытие своего имущества или на создание препятствий для удовлетворения требований.

Также ответственность может возникнуть в отношении органов управления должника, таких как руководители и члены совета директоров. Если они не исполняли свои обязательства должным образом, что привело к ухудшению финансового состояния предприятия и увеличению долгов, данных лиц можно привлечь к ответственности за убытки, причиненные кредиторам [3, с.178]. Например, если руководители не предприняли необходимые действия по снижению долговой нагрузки, имея представление о финансовых трудностях компании, они могут быть обвинены в халатности. Существует логика в том, чтобы в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» были прописаны положения, по-

зволяющие привлекать к субсидиарной ответственности контролирующие органы должника даже до завершения процедур банкротства. Это должно происходить при условии, что заявитель или арбитражный управляющий представят документы, подтверждающие отсутствие конкурсной массы или ее недостаточность для удовлетворения требований кредиторов.

Кредиторы могут также нести ответственность, если они участвуют в манипуляциях, направленных на ущемление прав других кредиторов. Если один из кредиторов получает специальные преимущества, заключая сделки с должником, есть вероятность, что такое поведение будет рассматриваться как недобросовестное, что может привести к привлечению к гражданско-правовой ответственности [2, с.80]. Кроме того, существует возможность применения мер ответственности в случае нарушения конкурсным управляющим своих обязанностей. Если управляющий не осуществлял рациональное распределение активов или обременял их обязательствами, что ухудшило финансовое состояние должника, он может быть привлечен к ответственности за убытки, понесенные как кредиторами, так и самим должником.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность в контексте банкротства может быть основана на множестве причин, включая действия должника, должностных лиц, а также кредиторов. Важно понимать, что каждая ситуация уникальна и требует комплексного подхода к правовой оценке, особенно в контексте законодательно установленных норм и принципов, регулирующих банкротные процедуры, что в свою очередь создает необходимые условия для защиты нарушенных прав в ходе реализации процедур банкротства, обеспечивая справедливое разрешение возникающих споров.

Литература:

1. Шпилевой С. В. Гражданско-правовая ответственность // Вестник магистратуры. — 2021. — №. 10–2 (121). — С. 57–59.
2. Ермилов В. Б. Система гражданско-правовой ответственности, применяемой при несостоятельности (банкротстве) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — №. 1. — С. 79–83.
3. Бармина О. Н. Гражданско-правовая ответственность руководителя организации, принимающих фактическое участие в управлении кредитными организациями: тенденции, специфика, задачи совершенствования // Генезис и онтология инновационно ориентированной деятельности в условиях цифровизации : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (28 декабря 2023 г., г. Омск). — Уфа : Аэтерна, 2023. — С. 177–181.
4. Ефименко А. Э. О формировании и развитии законодательства в отношении гражданско-правовой ответственности контролирующих должника лиц // Право и практика. — 2021. — №. 3. — С. 107–112.

Разграничение компетенций Суда по интеллектуальным правам и иных судов

Зуйков Александр Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Потапенко Евгений Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор рассматривает компетенцию Суда по интеллектуальным правам, вопросы разграничения компетенции между судом по интеллектуальным правам и другими судебными органами.

Ключевые слова: Суд по интеллектуальным правам, компетенция суда, полномочия суда, арбитражный суд, компетентность суда.

Защитой и восстановлением нарушенных прав в сфере интеллектуальной собственности занимаются как арбитражные суды, так и суды общей юрисдикции. Кроме того, в системе арбитражных судов РФ существует специализированный судебный орган, который занимается определенной законодателем категорией интеллектуальных споров, — это Суд по интеллектуальным правам.

Данный суд был создан в 2013 году, и он играет важную роль в защите интеллектуальной собственности. Деятельность и основы организации данного суда регламентируются рядом нормативно-правовых актов: Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах РФ» [1], Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» [2], Арбитражный процессуальный кодекс РФ [3].

Как уже было указано выше, Суд по интеллектуальным правам относится законодателем к системе арбитражных судов РФ, которые специализируются на рассмотрении дел в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности согласно статье 1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (Далее — АПК РФ). Таким образом, арбитражные суды РФ рассматривают споры, возникающие из предпринимательской и иной экономической деятельности, поэтому для обращения в данные суды субъект должен быть субъектом предпринимательства (Индивидуальный предприниматель или юридическое лицо). Физические лица же могут обращаться в данные суды только в определенных законом случаях, что является скорее исключением (например, при осуществлении процедуры банкротства), в остальном же, споры физических лиц разрешаются преимущественно судами общей юрисдикции. Компетенция Суда по интеллектуальным правам же ограничивается строго указанными категориями споров и определена в статье 34 АПК РФ. При этом законодатель указывает, что данные дела рассматриваются в Суде по интеллектуальным правам независимо от того, являются ли субъектами данного спора юридические лица, индивидуальные предприниматели или граждане.

Согласно данной статье, Суд по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции компетентен рассматривать дела:

- об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты

производства (ноу-хау), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии;

- об оспаривании актов федеральных органов исполнительной власти в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты производства (ноу-хау), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами;

- по спорам о предоставлении или прекращении правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (за исключением объектов авторских и смежных прав, топологий интегральных микросхем).

К таким спорам относятся:

- дела об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент), а также органов, уполномоченных Правительством Российской Федерации рассматривать заявки на выдачу патента на секретные изобретения;

- дела об оспаривании решений Федеральной Антимонопольной службы о признании недобросовестной конкуренцией действий, связанных с приобретением исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ, услуг и предприятий;

- дела об установлении патентообладателя и другие.

Данные дела Суд по интеллектуальным правам рассматривает в качестве суда первой инстанции и является его исключительной компетенцией, что делает невозможным рассмотрение подобных дел арбитражными судами РФ или судами общей юрисдикции. Кроме того, важной особенностью судопроизводства в Суде по интеллектуальным правам является то, что его судебные решения вступают в законную силу сразу и их дальнейшее обжалование возможно лишь в кассационном порядке. Стадия апелляционного обжалования законодателем при рассмотрении дел в Суде по интеллектуальным правам не предусмотрена.

В качестве суда кассационной инстанции Суд по интеллектуальным правам рассматривает дела, которые были рассмотрены им по первой инстанции, и споры о защите интеллектуальных прав, рассмотренные арбитражными судами субъектов Российской Федерации по первой инстанции, арбитражными апелляционными судами, выполняя таким образом в отношении них контрольную функцию.

Вопрос о компетенции Суда по интеллектуальным правам, является сложной темой как для науки, так и для практики, несмотря на кажущуюся простоту правовых норм, которые устанавливают подсудность разрешения интеллектуальных споров. Этот вопрос связан с определением категории дел, которые относятся к компетенции данного суда, составом участников процесса и характером спора. Например, если в интернете нарушены права не на фотографии и не на объекты авторского права и смежных прав (кроме фотографий), а на другие результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации или другие объекты гражданских прав, то положения о специальной подсудности не действуют, поэтому субъекту нарушенного права придется обращаться либо в арбитражный суд, либо в суд общей юрисдикции.

Прежде чем приступить к рассмотрению дела по существу, суд должен установить обладает ли он соответствующей компетенцией, поэтому определение компетенции будет одним из ключевых моментов в деятельности суда, влияющим на всё последующее производство по делу, так как от этого зависит законность будущего судебного решения.

На практике возникают ситуации, когда дела, связанные с интеллектуальными правами, должны рассматриваться не специализированным судом, а судами общей юрисдикции или арбитражными судами. Поэтому основной проблемой науки и практики является разграничение компетенции между различными судебными органами и определение того, какой суд имеет право рассматривать конкретный интеллектуальный спор [12].

В соответствии с частью 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации, каждый человек имеет право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьёй, к чьей компетенции оно относится согласно закону [4].

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21.01.2010 № 1-П подчёркивается, что конституционное право каждого на законный суд является неотъемлемой частью права на судебную защиту, закреплённого в части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации, и одновременно гарантирует независимость и беспристрастность суда [5].

В постановлениях Конституционного суда Российской Федерации от 03.07.2007 № 623-О-П, от 15.01.2009 № 144-О-П и от 19.10.2010 № 1308-О-О указано, что решение, принятое с нарушением правил подсудности, не может счи-

таться законным, так как оно противоречит части 1 статьи 47 и части 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации. Это решение было принято судом, который не имел полномочий рассматривать данное дело согласно законодательству, что является серьёзным нарушением, влияющим на результат дела и искажающим суть правосудия.

Эти правовые принципы являются руководством для работы всех судов, и Суд по интеллектуальным правам не исключение, что свидетельствует о важности правильного определения компетенции по делу судом при рассмотрении поступившего искового заявления.

Четвертакова Е. С. отмечает, что бывают ситуации, когда в Суд по интеллектуальным правам поступают споры, которые явно не связаны с охраной и защитой интеллектуальных прав. Например, оспаривание ненормативных правовых актов местных органов власти о частичном изъятии земельных участков у физических лиц или ликвидация юридических лиц. В таких случаях можно легко предсказать решение суда [12].

Так, Определением Суда по интеллектуальным правам от 02.07.2021 по делу № СИП-779/2019 было возвращено исковое заявление о ликвидации юридического лица в связи с тем, что данное требование не отнесено к компетенции Суда по интеллектуальным правам как суда первой инстанции и подлежит рассмотрению арбитражным судом субъекта РФ.

Есть более сложные ситуации, связанные с тем, что спор относится к сфере интеллектуальных прав, но должен быть рассмотрен Судом по интеллектуальным правам лишь в качестве кассационной инстанции. А в качестве суда первой инстанции такие дела подлежат рассмотрению арбитражными судами РФ. В таком случае Суд по интеллектуальным правам должен передать дело по подсудности в арбитражный суд того региона, к подсудности которого данное дело отнесено согласно законодательству РФ.

Таким образом, анализируя компетенцию Суда по интеллектуальным правам, можно сказать, что данный суд занимает особое место в судебной системе арбитражных судов РФ и рассматривает специфические споры, связанные с защитой интеллектуальных прав, что отражается и на характере его полномочий. Тем не менее, на практике возникают определенные сложности с определением конкретных дел к компетенции Суда по интеллектуальным правам, связанные с разграничением компетенции данного суда с компетенцией арбитражных судов или судов общей юрисдикции. Решению указанных проблем может способствовать как совершенствование имеющейся законодательной базы, так и принятие совершенно новых нормативно-правовых актов, учитывающих особенности арбитражного процесса.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Российская газета. № 93. 16.05.1995; Собрание законодательства Российской Федерации. 01.05.1995. № 18. Ст. 1589.

2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СПС КонсультантПлюс
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.02.2010. № 6. Ст. 699; Российская газета. № 27. 10.02.2010; Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 2.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2007 № 623-О-П «По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 6.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.2009 № 144-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Халимбековой Шамалы Шарабутдиновны положениями части 4 статьи 39, статей 270, 288 и 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.05.2009. № 18 (2 ч.). Ст. 2267; Российская газета. № 84. 13.05.2009; Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2010 № 1308-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Мичурина-Трудобеликовский» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Налогового кодекса Российской Федерации» // Документ получен из справочной правовой системы «ГАРАНТ».
9. Говорушко Я. В. Особенности производства в суде по интеллектуальным правам // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2 (13). С. 28–30.
10. Корнеев В. А. Защита интеллектуальных прав // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 12 (241). — С. 46.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 г. № 1031-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности пункта 3 статьи 1263 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс
12. Четвертакова Е. С. Суд по интеллектуальным правам: компетенция & компетентность // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2023. Вып. 2 (40). С. 83–100.
13. Постановление Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 60 «О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 12.

Направления совершенствования судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью

Иванова Анна Владимировна, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В данной статье анализируются ключевые пути улучшения надзора за оперативно-розыскной деятельностью. Подчеркивается, что специфика ОРД обуславливает особый характер судебного разбирательства в этой области и формирует круг задач, от эффективного решения которых зависит обеспечение конституционных прав и свобод человека.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, ОРД, оперативно-розыскные мероприятия, ОРМ, судебный контроль, полномочия, судебная деятельность, прокурорский надзор, права и свободы человека.

Значимость данного исследования определяется тем, что, по нашему мнению, судебный контроль в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) пред-

ставляет собой процедуру, осуществляемую судьями, направленную на проверку соответствия решений и (или) действий сотрудников оперативно-розыскных ор-

ганов (далее — ОРО) требованиям Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Цель этой проверки — разрешение вопросов, касающихся законности и обоснованности таких действий, а также защита прав и законных интересов граждан [3, с. 240].

Важно отметить, что обширный перечень контрольных функций суда установлен Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Например, проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые могут повлечь ограничения конституционных прав граждан, допускается исключительно на основании судебного решения. То же самое касается и ряда других действий, осуществляемых уполномоченными органами и должностными лицами в процессе проведения оперативно-розыскной деятельности.

Тем не менее, специфический характер оперативно-розыскной деятельности (преобладание скрытых, конспиративных методов) обусловил наличие ряда особенностей и проблем при осуществлении судебного контроля в данной сфере. В частности, требуется теоретическое обоснование необходимости реализации судебной власти в оперативно-розыскной деятельности, а также выработка единого подхода к пониманию сущностных свойств судебного контроля, его форм и границ компетенции суда при осуществлении контрольной функции за законностью в этой области [4, с. 267].

Актуальность улучшения судебного контроля за оперативно-розыскной работой обусловлена несколькими факторами:

1. Защита прав человека. Судебный контроль обеспечивает правовую законность в сфере оперативно-розыскной деятельности и играет важную роль в защите конституционных прав и свобод граждан.

2. Необходимость в усовершенствовании законодательства. Существует потребность в изменениях Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и в новых научных изысканиях, которые учитывают современные правовые идеи, судебную и правоохранительную практику.

3. Специфика оперативно-розыскной деятельности. Она осуществляется гласными и негласными мероприятиями и не подвергается широкому контролю граждан и общественных организаций.

Требования к результатам оперативно-розыскной деятельности. Они накладывают особую ответственность на органы, осуществляющие ОРД, и на тех, кто контролирует проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Совершенствование судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью также связано с разработкой новых подходов к сопровождению расследования преступлений, в том числе связанных с информационно-телекоммуникационными технологиями.

Один из примеров успешного применения судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью — изменение приговора Челябинского областного суда. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда

Российской Федерации определила, что в основу выводов о виновности двух человек, осуждённых по определённым статьям Уголовного кодекса РФ, положены данные, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Коллегия исключила эти данные из числа доказательств, признав их недопустимыми.

Ещё один пример — оправдание подсудимого, которого защищал адвокат, доказавший необоснованность проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении его доверителя. Второй кассационный суд общей юрисдикции согласился, что в имеющихся материалах оперативно-розыскной деятельности отсутствуют конкретные сведения о том, что подсудимый занимался сбытом психотропных веществ или готовился к нему.

Кроме того, есть мнение, что полноценная реализация судебных проверок соблюдения правоохранителями Закона об оперативно-розыскной деятельности могла бы привести к существенному снижению федеральных показателей о числе привлечённых и осуждённых за сбыт наркотиков лиц.

Нами были выделены некоторые проблемы практического осуществления судебного надзора за оперативно-розыскной деятельностью:

1. Реализация контрольных полномочий только по инициативе заинтересованных лиц. Суд не может самостоятельно совершать действия для устранения нарушений, даже если они выявлены. Контрольные функции выполняются на основе поступивших ходатайств от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, или заявлений и жалоб граждан.

2. Отсутствие процедуры пересмотра и обжалования судебных постановлений, разрешающих проведение оперативно-розыскных мероприятий и ограничивающих конституционные права граждан.

3. Недостаточное законодательное закрепление контрольной функции суда. Суд не может влиять на решения, принимаемые должностными лицами органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и вмешиваться в сам процесс.

4. Не всегда убедительные постановления оперативно-розыскного органа о проведении мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

5. Рассмотрение судом оперативных материалов вне рамок судебного разбирательства и втайне от лиц, чьи конституционные права подлежат ограничению. Из-за этого в большинстве случаев не происходит обжалования необоснованно проведённых в отношении человека мероприятий.

Для решения выявленных проблем нами представлены некоторые аспекты улучшения судебного надзора за оперативно-розыскной работой:

1. Введение процедуры обжалования судебных решений в сфере оперативно-розыскной деятельности и предоставление прокурору права на оспаривание таких постановлений.

2. Установление конкретного перечня оперативно-служебных документов, которые судьи могут запраши-

вать для вынесения разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

3. Указание в законе критериев, по которым судьи должны оценивать законность, обоснованность и достаточность предоставленных оперативных материалов.

4. Закрепление на законодательном уровне обязанности следователя уведомлять обвиняемого о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих его права, по окончании предварительного расследования.

5. Введение специализации для судей, занимающихся судебным контролем в области оперативно-розыскной деятельности.

6. Определение категорий должностных лиц, уполномоченных подписывать решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, с учётом требований конспирации и защиты государственной тайны.

7. Введение процедуры предварительного прокурорского согласования для контроля за соблюдением законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих права граждан.

Также были представлены некоторые параметры, которые могут быть определены для оценки правомерности оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ):

1. Соответствие целям и задачам оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

2. Соблюдение принципов ОРД.

3. Проведение мероприятия уполномоченным органом, без нарушения компетенции.

4. Наличие законных оснований для проведения ОРМ.

5. Соблюдение условий производства конкретного ОРМ.

6. Надлежащее документирование результатов ОРМ.

7. Соблюдение порядка проведения ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан.

При оценке правомерности ОРМ, ограничивающих конституционные права и вольности граждан, также важно учитывать:

1. Наличие постановления о возбуждении ходатайства перед судом о даче разрешения на проведение ОРМ, которое вынесено надлежащим должностным лицом оперативно-розыскного органа.

2. Наличие у оперативно-розыскного органа законных оснований для вынесения такого постановления.

3. Наличие постановления, разрешающего проведение ОРМ, вынесенного судьёй.

4. Наличие в постановлении судьи установленного срока проведения ОРМ.

5. Соблюдение оперативно-розыскным органом указанного в постановлении судьи срока проведения ОРМ.

6. При проведении ОРМ свыше шести месяцев — наличие решения судьи о продлении срока осуществления этого ОРМ.

7. Соблюдение порядка проведения ОРМ в случаях, не терпящих отлагательства, и процедуры уведомления суда об этом.

8. Соблюдение срока уведомления суда о проведении ОРМ в случае, не терпящем отлагательства.

В действующем законодательстве отсутствует процедура пересмотра и обжалования судебных решений, санкционирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), которые могут посягать на конституционные права граждан. Несмотря на то, что такие решения должны соответствовать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, риск их несоответствия этим принципам не исключен.

В качестве примера можно привести постановление судьи Батыревского районного суда Чувашской Республики от 28 августа 2015 года, вынесенное в нарушение статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (ОРД). Постановление разрешило проведение ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» в целях расследования преступления, предусмотренного частью 1 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Высшая судебная инстанция отказала в рассмотрении кассационного представления прокурора на указанное постановление, сославшись на отсутствие в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» нормы, предусматривающей такое полномочие у прокурора [1].

С учетом позиции Европейского суда по правам человека, необходимо внести изменения в отраслевое законодательство и предоставить прокурору право обжалования судебных решений, разрешающих проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан [2].

Литература:

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ: в ред. Федерального закона Российской Федерации от 06.07.2016 № 374-ФЗ // КонсультантПлюс.
2. Постановление Европейского суда по правам человека от 18.09.2014 по делу «Аванесян (Avanesyan) против Российской Федерации» (жалоба № 41152/06)) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
3. Никитин Е. Л., Литвинова И. В. Судебный контроль в сфере оперативно-розыскной деятельности: за и против // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2025. — № 3 (104). — С. 240–244.
4. Спицин С. А. Некоторые особенности судебного рассмотрения материалов о проведении оперативно-розыскных мероприятий / С. А. Спицин // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, прокурорского надзора: Сб. науч. тр. — М., СПб.; Кемерово. 2020. — С. 267.

Электронные носители информации как доказательства в уголовном процессе

Игнатъева Мария Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Семенчук Василий Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры, полковник полиции

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В статье рассмотрено понятие электронных носителей доказательств и электронных доказательств. В процессе исследования выделено их место в системе доказательств, показаны трудности применения данных правовых институтов на практике в связи с отсутствием должного правового регулирования.

Ключевые слова: доказательства, электронные, носители информации, порядок доказывания.

Актуальность темы исследования обусловлена высокой значимостью уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам. Российскими учеными признается, что доказывание является ядром уголовно-процессуальной деятельности на досудебных и судебных стадиях. Именно от качества доказывания зависит судьба человека, совершившего преступление, а значит и реализация целей уголовного судопроизводства. Именно поэтому анализ сущности доказывания и современных тенденций введения новых видов доказательств представляет интерес для исследователей.

Одним из обсуждаемых вопросов теории доказывания является использование таких уголовно-процессуальных категорий, как «электронные носители информации» и «электронные доказательства». Ввиду слабой проработанности в уголовно-процессуальном законодательстве представлений об электронных носителях информации и недостаточной определенности процессуального порядка фиксации электронных доказательств требуется осмысления положений ст. 74, 82, 164, 164.1, 166 УПК РФ [1].

Необходимо отметить, что в УПК РФ отсутствует легальная дефиниция понятия «электронные носители информации». Ю. Н. Соколов так характеризует феномен этих доказательств. Они представляют собой «технически и технологически адаптированное к многократному использованию электронные устройства, предназначенные для записи, хранения, передачи и воспроизведения электронной информации с помощью доступных технических средств, а также защиту, обособление и разграничение доступа к имеющейся информации».

А. В. Шигуров в качестве электронного носителя информации рассматривает любой предмет, «содержащий значимую для уголовного дела информацию, изучение которой возможно с помощью электронно-вычислительных средств» [2].

А. А. Балашов определяет электронный носитель информации как техническое средство, «конструктивно предназначенное для хранения информации в электронно-цифровой форме, доступной для обработки с использованием средств вычислительной техники» [3].

Приведенные определения задают вектор использования данного понятия в интересах расследования уголов-

ного дела. Любой источник информации в уголовном процессе имеет значение, если исследуется в процессуальном порядке. Работа с электронными источниками доказательств затруднена ввиду трудностей изъятия из виртуального пространства электронных доказательств. Ввиду отсутствия в УПК РФ электронных доказательств как самостоятельного вида доказательств их использование осуществляется с учетом подходов, принятых для других видов доказательств (в первую очередь вещественных доказательств и иных документов).

Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ доказательства представляют собой «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для расследования».

Среди видов доказательств не предусмотрены электронные средства передачи информации. Но в жизни с каждым днем они все больше используются на практике, что дает возможность признания их источником цифровых следов преступлений. Эти следы связаны с материальными объектами, созданными человеком.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает правило, согласно которому вся электронная информация имеет значение для расследования, а лишь та, которая позволяет установить обстоятельства, имеющие значение для дела в процессуальном порядке. В связи с вышесказанным, считаем важным обратиться к позиции З. К. Кондратенко и И. Б. Кондратенко, которые предлагают выделять электронные сообщения, документы, базы данных, программное обеспечение, сайты и страницы в интернете в отдельную категорию, которая будет именоваться «электронные доказательства». При этом, как справедливо отмечают исследователи, для установления обстоятельств дела важна не столько материальная форма носителя, сколько содержащаяся в нем информация, с чем мы полностью согласны.

Все электронные устройства, включая накопители, гаджеты и прочие технические средства, формируют определенную среду или сами являются таковой. Информация, хранящаяся на этих устройствах, будучи нематериальной, также существует в рамках этой среды. Для того чтобы

цифровая информация, представленная в электронной форме на электронном носителе, могла быть признана доказательством в досудебном и судебном производстве, она должна соответствовать ряду критериев.

Во-первых, цифровая информация всегда привязана к определенному носителю или техническому устройству.

Во-вторых, ее можно копировать без потери содержания и свойств, при этом одна и та же информация может существовать на различных типах носителей.

В-третьих, для понимания цифровой информации требуются специализированные технические средства, такие как компьютеры или смартфоны [4].

В юридической практике электронные доказательства часто рассматриваются в контексте существующих видов доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

К электронным доказательствам предъявляются более строгие требования в процессе сбора и оценки, чем к другим видам доказательств. Это связано с их нематериальной природой, подверженностью изменениям и уничтожению, а также необходимостью использования специальных средств и привлечения экспертов для их изучения. Учитывая эти факторы, выделение электронных доказательств в отдельный вид с учетом их особенностей представляется целесообразным.

Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ электронная информация, обладающая самостоятельной доказательственной значимостью, может быть получена в уголовном процессе только двумя способами: посредством изъятия электронного носителя или путем копирования соответствующей информации. Иными словами, возникновение доказательства, содержащего электронные данные, напрямую связано со следственным действием, в ходе которого возможно изъятие предметов и документов или копирование электронной информации. Впоследствии, изъятая или скопированная электронная информация, после проверки и оценки на предмет относимости, достоверности и допустимости, приобретает статус уголовно-процессуального доказательства.

Литература:

1. Удовиченко В. С., Сорокина С. А. Особенности изъятия информации с электронных носителей в досудебном производстве // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 133–138.
2. Соколов, Ю. Н. Электронные доказательства: миф или реальность? / Ю. Н. Соколов // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 8(147). — С. 236–238.
3. Шигуров А. В. Понятие электронных носителей информации и электронных следов в российском уголовном процессе // Социальные нормы и практики. 2020. № 1 (3). С. 48.
4. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2020. С. 40.
5. Кондратенко З. К., Кондратенко И. Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства по уголовным делам // Вестник межрегионального открытого социального института. 2015. № 2 (2). С. 158–161.

Процессуальный порядок изъятия электронных носителей информации раскрыт в ст. 164.1 УПК РФ. Он предполагает следующий порядок действий следователя с учетом проведения конкретного следственного действия:

1) вынесение постановления об изъятии электронных носителей информации;

2) обращение с ходатайством в суд для получения разрешения на изъятие цифровой информации;

3) приглашение специалиста для изъятия информации в рамках следственного действия;

4) составляется процессуальный документ о проведенном следственном действии.

В случае необходимости владелец информации, имеющей цифровой формат, может обратиться с ходатайством о возможности копирования необходимой информации для продолжения работы. Изъятие информации производится на соответствующие носители (флэш-карты, диски, в облачные хранилища). Использование данных средств получения информации носит официальный характер и должно иметь соответствующее процессуальное оформление.

Производство следственного действия закрепляется в протоколе следственного действия, в котором находит отражение описание технических средств, применяемых при осуществлении копирования информации, порядок их применения, электронные носители информации, на которые была помещена электронная информация. В качестве приложения к протоколу направляют сами электронные носители информации.

Таким образом, актуальным является вопрос об использовании электронных доказательств в уголовном процессе. Под ними следует понимать любые сведения, полученные из цифровых данных, хранящихся на цифровых носителях. Как понятие доказательств, так и носителей информации должны найти отражение в уголовно-процессуальном законодательстве. В этом случае уголовно-процессуальное законодательство будет признано соответствующим современным потребностям расследования.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (статья 205.2 УК РФ): проблемы регламентации и квалификации

Исаков Дмитрий Сергеевич, Студент
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье рассматриваются проблемы регламентации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма, которые создают сложности в квалификации различных деяний. Автор предлагает обозначенные проблемы разрешить путем пересмотра текста уголовного закона, а также посредством разъяснений Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: террористическая деятельность, терроризм, призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма.

Как известно, террористическая деятельность — это один из самых опасных видов проявления современной преступности. За последние несколько десятилетий она превратилась в эффективный инструмент подрыва государственных и общественных институтов, влияния на решения властных органов, а также средство политической борьбы. Согласно данным, представленным Генеральной Прокуратурой РФ, в нашей стране в 2012 г. было зарегистрировано 637 преступлений террористического характера, в 2016 г. этот показатель составил 2214 преступления, а в 2022 г. он уже достиг цифры в 2233 преступления [5]. Такой существенный рост террористической преступности напрямую связан с принятыми в последние годы законами, которые существенно расширили понятие террористической деятельности и полномочия правоохранительных органов.

Особое внимание в рамках исследования привлекает ст. 205.2 УК РФ, которая предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма. Это обусловлено тем, что до сих пор среди ученых ведутся споры насчет правильности ее изложения и применения. Вместе с тем темп роста количества преступлений, квалифицируемых по ст. 205.2 УК РФ в общей динамике террористической преступности с 2022 г. составляет 23,9 % ежегодно [6].

Основным непосредственным объектом ст. 205.2 УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность.

Объективная сторона данного преступления представлена тремя альтернативными действиями:

- 1) публичными призывами к осуществлению террористической деятельности;
- 2) публичным оправданием терроризма;
- 3) пропагандой терроризма.

При этом следует отметить, что законодатель в данных действиях подразумевает в себе 2 категории, такие как: «террористическая деятельность» и «терроризм»

В науке уголовного права существует определенный спор в отношении того, что является террористической деятельностью. Часть ученых считает, что она раскрыта в ст. 3 Феде-

рального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2], где представлен закрытый перечень действий. Другие авторы отмечают, что помимо этих действий, к категории террористических следует причислять деяние, охватываемые ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. Наконец, третья группа ученых, предлагает помимо деяний, отраженных в Федеральном законе «О противодействии терроризму» и ч. 1 ст. 205.1. УК РФ, относить к такой деятельности деяния, указанные в примечании к ч. 1 ст. 205.1 УК РФ [8].

С нашей точки зрения, наиболее точно положения уголовного права излагаются во второй позиции, так как, перечень деяний данного акта недостаточен. В то же время примечания к ч. 1 ст. 205.1 УК РФ содержат в числе прочего уголовную ответственность за финансирование терроризма, что не охватывается понятием данной деятельности. В связи с этим нужно включить в содержание этой деятельности деяния, предусмотренные ст. ст. 205, 206, 208, 211, 277–279, 360 УК РФ, добавив их содержание в ст. 3 Закона.

Одним из признаков ст. 205.2 УК РФ является признак публичности. Публичные призывы — обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности. В том случае, если такие призывы будут направлены в отношении одного человека, будет иметь место подстрекательство к совершению террористической деятельности. Вопрос о публичности, по мнению Верховного Суда РФ, должен разрешаться с учетом комплекса обстоятельств (место, способ, обстановка и т. д.) [3]. Это относится, в том числе и к пространству Интернета. Так, Центральный Суд города Новокузнецка, характеризуя сайт, где осуществлялся призыв к осуществлению террористической деятельности, отмечал, что поскольку вход на него является свободным, то, соответственно, демонстрация материала, размещенного на данной странице, имеет публичный характер, т. к. доступ предоставлен неопределенному кругу лиц [4].

Публичное оправдание терроризма растолковывается законодателем в примечании 1 к ст. 205.2 УК РФ. В частности, оно состоит в публичном заявлении о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Однако и данное

определение не вносит ясности в квалификации действий по рассматриваемой статье. Весьма яркую позицию по данному вопросу выразила Н. Ф. Кузнецова, отражая в своей работе оценочный характер понятия «оправдания»: «Если вдова террориста публично критикует действующую власть за убийство ее мужа — следует ли считать это оправданием терроризма? Пожать руку террористу — это оправдание терроризма?» [7]. И если следовать содержанию примечания 1 в ст. 205.2 УК РФ, где термин рассматриваемого действия раскрывается через «публичное заявление», это все равно не дает полной конкретики в применении ст. 205.2 УК РФ. На наш взгляд, в контексте заявленной проблемы Верховному Суду РФ следует дать исчерпывающее разъяснение.

Под пропагандой терроризма, в свою очередь, понимается деятельность, основной целью которой является распространение материалов и информации о приверженности к терроризму.

Рассматриваемое преступление окончено с момента публичного распространения подобной информации.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, выражается виной в форме прямого умысла. Мотивы и цели на квалификацию содеянного не влияют,

за исключением пропаганды терроризма, где цель обязательна — формирования у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Субъектом преступления является лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Ч. 2 ст. 205.2 УК РФ имеет квалифицирующий признак — использование СМИ. В случае если они официально зарегистрированы, проблем в квалификации не будет, однако в случае отсутствия факта регистрации, данный признак не применим. Рассматриваемая уголовно-правовая норма имеет еще квалифицирующий признак — использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Таким образом, наличие состава преступления, предусмотренного ст. 205.2, в тексте УК РФ является оправданным. Однако важно обратить внимание на проблемные аспекты, выраженные в регламентации исследуемой нормы, что в свою очередь создает сложности в квалификации различных деяний. Обозначенные проблемы следует разрешить путем пересмотра в целом текста уголовного закона, а также посредством соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 4.
4. Постановление Центрального суда города Новокузнецка от 8 сентября 2021 г. по делу № 5-1882/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2025).
5. Генеральная Прокуратура РФ: портал правовой статистики. — URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.03.2025).
6. Статистика и аналитика МВД России. — URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.03.2025).
7. Намазов Э. С. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: целесообразность дифференциации ответственности посредством введения административной преюдиции // Виктимология. — 2022. — № 4. — С. 417–426.
8. Юсупов З. З. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2021. — № 1 (69). — С. 325–329.

Защита прав работников в условиях цифровизации: новые вызовы и решения

Искакова Элиза Федаильевна, студент;
Сарсынбаева Карина Оскаровна, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена анализу новых вызовов в сфере защиты прав работников в условиях стремительной цифровизации. Рассматриваются ключевые аспекты, связанные с изменением характера труда и появлением новых форм контроля, влияющих

на безопасность персональных данных. Автор исследует существующие правовые механизмы защиты прав работников в контексте цифровых технологий и выявляет их недостаточность в условиях постоянно изменяющейся рабочей среды.

Ключевые слова: защита прав работников, цифровизация, безопасность данных, контроль рабочего времени, правовое регулирование труда, новые технологии, цифровой труд, конфиденциальность, мониторинг сотрудников, гибкий график, удаленная работа, правовые риски, совершенствование законодательства, корпоративная культура.

Цифровизация коренным образом трансформирует рынок труда, создавая как новые возможности, так и новые вызовы для защиты прав работников. Этот процесс характеризуется рядом специфических черт, которые существенно изменяют традиционные трудовые отношения. [3]

Цифровизация труда проявляется в нескольких ключевых аспектах:

- Удаленная работа: возможность выполнения трудовых функций вне офиса, часто с использованием различных цифровых инструментов и платформ. Удаленная работа стала повсеместной, особенно после пандемии COVID-19, и приобретает все большее распространение.

- Гибкие графики: отход от традиционного жесткого графика работы в пользу индивидуальных графиков, адаптируемых к потребностям как работника, так и работодателя. Это включает в себя как гибкий рабочий день, так и нестандартные рабочие недели.

- Использование цифровых платформ: все больше работников используют цифровые платформы для поиска работы, выполнения задач и взаимодействия с работодателями. Это открывает новые возможности, но также создает новые риски, связанные с нестабильностью трудовых отношений и отсутствием социальной защиты. [1]

В условиях цифровизации роль и значимость трудового договора значительно изменяются:

Распространение нестандартных форм трудовых договоров (проектные договоры, договоры подряда и т. д.) затрудняет защиту прав работников, так как они часто не имеют полного объема трудовых гарантий. Границы между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями становятся размытыми, что осложняет защиту прав работников и применение трудового законодательства.

Существующее трудовое законодательство не всегда способно адекватно регулировать новые формы труда, что требует его постоянной адаптации к изменяющимся условиям.

Цифровизация труда, приносящая множество преимуществ, одновременно усиливает риски нарушения права работников на неприкосновенность частной жизни и безопасность их персональных данных. Работодатели, используя новые технологии для управления и контроля рабочего процесса, должны строго соблюдать правовые нормы и обеспечивать адекватную защиту информации о своих сотрудниках.

Защита персональных данных работников регулируется на национальном и международном уровнях. В России основным нормативным актом является Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Он определяет порядок сбора, хранения, обработки и использования персональных данных, устанавливает права субъектов персональных данных и ответственность за их нарушение. Значительное влияние оказывает и Регламент (ЕС) 2016/679 (GDPR), который, хотя и не является прямо применимым в России, служит образцом для создания более строгих норм в этой области и влияет на корпоративные политики международных компаний.

Работодатели несут ответственность за обеспечение безопасности персональных данных своих работников. [2] Утечка персональных данных может привести к серьезным последствиям для работников и к наложению на работодателей значительных штрафов и других санкций. Поэтому работодатели обязаны принимать все необходимые меры для защиты данных, включая внедрение систем информационной безопасности, обучение работников правилам защиты информации и т. д.

Для минимизации рисков нарушения права на частную жизнь и обеспечения безопасности данных работников необходимо следовать следующим рекомендациям:

- разработать и внедрить политику в области защиты персональных данных, соответствующую законодательству.
- получить информированное согласие работников на обработку их персональных данных.
- использовать только необходимые и минимальные объемы персональных данных.
- обеспечить конфиденциальность и безопасность хранения персональных данных с помощью современных технологий.
- проводить регулярные аудиты систем информационной безопасности.
- обучать работников правилам защиты информации.
- разработать процедуры реагирования на инциденты в области безопасности данных.

Соблюдение этих рекомендаций позволит работодателям обеспечить защиту прав работников и минимизировать риски утечки персональных данных в цифровую эпоху. Важно помнить, что защита прав работников — не просто юридическая необходимость, а важный аспект создания здоровой и продуктивной рабочей среды.

Литература:

1. Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека / М. С. Бурьянов // Век глобализации. — 2020. — № 3 (35). — С. 54–70.

2. Рыбаков М. С. Правовое регулирование труда в условиях цифровой реальности: основные тенденции развития законодательства / М. С. Рыбаков // Молодой ученый. — 2023. — № 1 (448). — С. 188–194.
3. Филипова И. А. Искусственный интеллект, трудовые отношения и право: влияние и взаимодействие / И. А. Филипова // Государство и право. — 2019. — № 11. — С. 69–77.

Наследование лиц, зачатых после смерти наследодателя с использованием суррогатного материнства

Кадырова Анастасия Андреевна, студент

Научный руководитель: Ищенко Наталья Юрьевна, старший преподаватель

Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Статья посвящена исследованию проблемы наследования лиц, зачатых после смерти наследодателя при применении технологии суррогатного материнства в российском праве. В рамках настоящей статьи будут также проанализированы отдельные положения нормативных актов Испании и США. Статья содержит анализ сложившейся ситуации в области проблем насцитурусов в наследственном праве, возникновению родительских правоотношений в таком случае.

Ключевые слова: наследственные права, зачатый после смерти наследодателя, право наследования, субъект права, наследодатель.

Глобально существует два основных пути разрешения проблемы наследования зачатых после смерти наследодателя лиц. Первый состоит в полном отрицании их наследственных прав. В отдельных странах (например, США) также применяется второй путь, состоящий в частичном признании таких прав.

На данный момент в Российской Федерации не урегулирован вопрос наследственных прав лиц, зачатых после смерти наследодателя. Было предложено относить таких лиц к второй категории насцитурусов. В соответствии с пунктом 1 статьи 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), «к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые **при жизни наследодателя** и родившиеся живыми после открытия наследства» [2, Ст. 1116]. Текущее законодательство РФ фактически не разрешает зачатым после смерти наследовать по закону или завещанию. Таким образом, в России применяется первый путь, заключающийся в отрицании прав на наследование таких лиц.

Конституционный суд (далее — КС РФ) в своем постановлении от 16.01.1996 г. № 1 установил, что из части 2 и 4 статьи 35 Конституции РФ вытекает право наследования, так как собственник имеет право распорядиться своим имуществом. По мнению КС РФ, данное положение свидетельствует о свободе наследования [1]. Как известно, право наследования включает право распоряжения наследодателем своим имуществом и право наследников на его получение. Из этого вытекает, что последний компонент для лиц, зачатых после смерти наследодателя, нарушается положениями статьи 1116 ГК РФ.

Рассмотрим, например, такую возможную жизненную ситуацию, в которой наследодатель давно умер, но у него

остался биоматериал, и с помощью суррогатного материнства был рожден ребенок. По сути такой наследник по закону относится к первой очереди и имеет право получить свою часть наследства. Вероятнее всего такая ситуация будет рассматриваться по аналогии с ситуацией, когда наследник не был уведомлен об открытии наследства, но на момент его рождения не могло быть никакого должного извещения, из-за чего суд может не принять такой иск. Тогда будет применяться статья 1116 ГК, в которой не предусмотрены зачатые после смерти наследодателя дети. Стало быть, это подтверждает рассмотрение эмбрионов не как субъекта права в России. В свою очередь, например, в США, есть возможность рассмотрения такого спора.

Отдельно стоит раскрыть наследственные права лиц, зачатых после смерти наследодателя с помощью использования технологии суррогатного материнства. Проведя анализ этого вопроса, мы пришли к выводу, что наблюдается несовершенство законодательства РФ касательно прав суррогатного ребенка, зачатого и рожденного после смерти биологического родителя. Согласно вытекающей из статьи 48 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) презумпции отцовства, ребенок, рожденный в браке или в течение 300 дней с расторжения брака или смерти супруга, отцом признается (бывший) супруг [3, Ст. 48]. В такой ситуации затруднения не наблюдаются. Однако, если этот срок упущен, то снова возникают трудности, поскольку брак уже прекращен смертью супруга. Представим ситуацию, в которой родной отец погибает до помещения эмбриона в суррогатную мать в силу каких-либо непреодолимых обстоятельств, из-за чего ребенок не может родиться в установленный СК РФ срок. Следовательно, умерший супруг не будет записан

отцом, и ребенок не станет его законным наследником. Здесь будет уместно обратиться к опыту зарубежного законодательства. Так, например, в Испании такие супруги признаются родителями посмертно при условии письменного согласия и соблюдения 12-ти месячного срока после смерти, в который был реализован их биологический материал [4, Ст. 9]. Также проблемы появляются при применении суррогатного материнства родственниками умершего, поскольку в российском праве не существует такого объекта гражданских прав, как биологический материал человека (статья 128 ГК РФ), поэтому они не признаются наследниками по закону, а их судьбу должен решать сам наследодатель либо в договоре с клиникой, либо в самом завещании.

Сейчас крайне мало судебной практики по ситуациям, когда эмбрион был помещен в суррогатную мать после смерти донора. Однако можно привести один достаточно громкий случай Божены Малашенко, которая подала иск к нотариусу, не признававшему ее дочь наследницей умершего мужа Божены. Иск был удовлетворен Преснинским судом, то есть дочь Божены была признана законной наследницей, хотя и была рождена после смерти наследодателя [7].

Также хочется отметить мнение некоторых ученых по данному вопросу. Так, позиция Е. В. Бургомистровой заключается в том, что необходимо внести изменения в СК РФ, которые выражаются в следующем: «Биоматериал умершего лица при наличии его письменного согласия должен использоваться только его близкими родственниками и только по их желанию. К числу близких родственников умершего отнести: супруга/супругу, родителей, родных братьев и сестер» [5]. То есть предложение Бур-

гомистровой направлено на решение вышеупомянутой проблемы — отсутствия в отечественном праве биологического материала человека как объекта гражданских прав.

Стоит отметить мнение Шелютто М. Л., которая описала подходы к вопросу о наследственных правах лиц, зачатых после смерти наследодателя, в различных государствах. Так, в Калифорнии в 2005 году в Наследственном кодексе появились положения об условиях наследования посмертно зачатыми, среди которых были: письменное согласие наследодателя на зачатие, 2-х летний срок зачатия, назначение лица для контроля за реализацией биоматериала и уведомление им при открытии наследства о наличии такого материала для последующего зачатия. Из этого следует, что лицо, следящее за распределением имущества не может распределить его до истечения упомянутого срока. Но вопрос об имуществе умершего может быть по требованию заинтересованных людей решен в судебном порядке при оговорке, что это не нанесет имущественного вреда посмертно зачатому ребенку [6]. Данный подход был рассмотрен Шелютто Мариной Львовной как наиболее эффективный, и мы не можем не согласиться с такой позицией.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящей теме наблюдаются некоторые несовершенства в российском законодательстве. Представляется разумным провести глубокий анализ зарубежного законодательного опыта с целью внедрения отдельных элементов, не урегулированные на данный момент в Российской Федерации, в отечественное право, поскольку очень важно соблюдать конституционные права и свободы личности и максимально избегать правовых несовершенств в наших законах.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.1996 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 560 Гражданского кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А. Б. Наумова». 1996. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.12.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 2002. 1996.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996.
4. Закон Испании «О технологиях вспомогательной репродукции человека» от 26.05.2006 г. № 14/2006. [Электронный ресурс] // <https://www.institutobernabeu.com/ru/ispanskoe-zakonodatelstvo/> (дата обращения: 12.12.24)
5. Е. В. Бургомистрова. Установление происхождения детей при применении искусственных методов репродукции человека: статья — 2013 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.12.2024)
6. М. Л. Шелютто. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения — 2016. 91–98 ст.
7. Дарья Федотова. Газета «Московский Комсомолец» // МК.RU [Электронный ресурс] // <https://707.su/nmTS> (дата обращения: 15.12.24)

Корпоративный договор: механизм правового регулирования

Козлов Дмитрий Владимирович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует взаимосвязь факторов, отражающих современные тенденции развития гражданского и корпоративного права, а также потребности хозяйственного оборота в гибких инструментах регулирования отношений между участниками корпораций.

Ключевые слова: договор, общество, конфликты.

Корпоративный договор, положения о котором были внесены в ГК РФ [1] в 2014 г., выступает в качестве значимого инструмента регулирования корпоративных отношений, а также оптимизации процессов управления и развития хозяйственных обществ с множественностью участников. Данный вид договора призван консолидировать согласованные интересы участников корпорации, обеспечивая превенцию потенциальных конфликтов и разногласий.

Нормативно-правовую основу регулирования отношений, возникающих в связи с его заключением и исполнением, образуют положения ГК РФ, часть первая которого содержит, в частности, статью 67.2, посвященную ему, а также нормы специальных законов, регламентирующих деятельность отдельных хозяйственных обществ.

Корпоративный договор представляет собой «соглашение между участниками корпорации, которое закрепляет их права и обязанности, связанные с управлением корпорацией и распределением прибыли» [4, с. 39]. Рассматриваемому договору присущ фидуциарный характер. По мнению отечественных цивилистов, он является консенсуальной, каузальной, двусторонней (или многосторонней) сделкой, которая может быть возмездной или безвозмездной, содержать имущественные и/или организационные обязательства [5, с. 67].

Специфика рассматриваемого договора проявляется, прежде всего, в особенностях его субъектного состава. В качестве его сторон выступают, как правило, участники хозяйственного общества. В то же время не исключена возможность его заключения с кредиторами общества, а также с третьими лицами при соблюдении условия, согласно которому одна из сторон должна быть участником соответствующего хозяйственного общества. В данном контексте во исполнение доктрины *res inter alios acta* положения анализируемого договора не могут распространяться на лиц, не участвовавших в договоре в качестве сторон. Кроме того, исключается возможность его заключения с самим обществом, в рамках которого предполагается исполнение соответствующих обязательств.

Другой отличительной чертой рассматриваемого договора является его предмет, которым выступают обязательства сторон, связанные с порядком осуществления корпоративных прав и (или) воздержания от их осуществления. Необходимо подчеркнуть, что перечень обязательств, приведенный законодателем в п. 1 ст. 67.2 ГК

РФ, носит открытый характер, что обусловлено диспозитивным характером правового регулирования данного института.

Одной из характеристик анализируемого договора является принцип ограниченной публичности. Законодатель возлагает на его стороны обязанность уведомить хозяйственное общество о факте его заключения. Когда корпоративным договором предусмотрено непропорциональное распределение долей участия в уставном капитале общества, либо установлены ограничения и (или) условия отчуждения долей (акций), помимо уведомления общества, требуется информирование налогового органа для внесения соответствующих сведений в ЕГРЮЛ.

Следует отметить, что, несмотря на обязанность уведомления общества о факте заключения корпоративного договора, содержание самого договора презюмируется конфиденциальным и не подлежит раскрытию обществу, если иное не предусмотрено самим договором или законом. Однако, представляется дискуссионным вопрос о целесообразности абсолютной конфиденциальности корпоративного договора, т. к. условия такого соглашения, *per se*, могут оказывать как прямое, так и опосредованное влияние на права и законные интересы самого хозяйственного общества. Таким образом, возникает коллизия между принципом ограниченной публичности и необходимостью обеспечения баланса интересов участников корпоративных отношений и самого общества. Возможно, более взвешенным подходом являлось бы установление дифференцированного режима раскрытия информации, содержащейся в корпоративном договоре, в зависимости от степени ее влияния на деятельность общества и права его участников.

Необходимо констатировать наличие определенной фрагментарности в правовом регулировании института корпоративного договора на уровне специальных федеральных законов. Так, Закон об АО [2] содержит развернутую регламентацию акционерного соглашения, являющегося, по сути, одной из разновидностей корпоративного договора. В то же время, Закон об ООО [3] не содержит специальных норм, посвященных корпоративному договору.

Представляется, что с точки зрения унификации правового регулирования и обеспечения системности законодательства, целесообразно сосредоточить нормы, регулирующие общие положения о корпоративном договоре, в рамках ГК РФ, исключив их дублирование в специ-

альных законах при отсутствии объективных к тому оснований.

Другой проблемный аспект, требующий доктринального осмысления и, возможно, нормативного вмешательства, связан с потенциальной коллизией интересов участников хозяйственного общества, являющихся сторонами корпоративного договора, и иных участников, не вовлеченных в него. В частности, корпоративный договор, заключенный между несколькими участниками, может устанавливать порядок осуществления корпоративных прав, который может быть воспринят другими участниками как непрозрачный или ущемляющий их интересы. Это, в свою очередь, может стать причиной возникновения корпоративных конфликтов. В целях минимизации рисков возникновения подобных конфликтов и обеспечения большей транспарентности корпоративного управления, представляется целесообразным рассмотреть возможность нормативного закрепления механизма, предусматривающего проведение предварительных обсуждений условий корпоративного договора с вовлечением в них всех участников хозяйственного общества (например, в форме общего собрания), до его заключения. Такой подход позволил бы учесть интересы всех участников корпорации и снизить вероятность возникновения конфликтных ситуаций, связанных с заключением и исполнением корпоративного договора.

Особого внимания заслуживает вопрос о правовых последствиях прекращения участия одной из сторон корпоративного договора в корпоративных отношениях, в рамках которых он был заключен. В частности, речь идет о таких юридических фактах, как смерть гражданина — стороны корпоративного договора, либо реорганизация юридического лица — стороны такого договора. В подобных случаях происходит универсальное правопреемство в отношении прав участия в уставном капитале

общества. Однако, действующее российское гражданское законодательство не содержит специальных норм, определяющих судьбу корпоративного договора в случае выбытия одного из его участников вследствие универсального правопреемства.

Данный пробел в правовом регулировании института корпоративного договора требует устранения посредством внесения соответствующих изменений в законодательство. При разработке таких изменений представляется целесообразным исходить из недопустимости автоматического перехода прав и обязанностей по корпоративному договору к правопреемнику выбывшего участника. Оптимальным решением представляется установление правила, согласно которому переход прав и обязанностей по корпоративному договору к правопреемнику возможен исключительно при наличии согласия всех остальных его участников. Такой подход позволит обеспечить баланс интересов всех участников корпоративных отношений и предотвратить ситуации, когда к исполнению корпоративного договора *de facto* привлекается лицо, не выразившее свою волю на участие в нем. Он в полной мере корреспондирует с фидуциарным характером данного соглашения и принципом свободы договора, закрепленными в гражданском законодательстве.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что институт корпоративного договора, *de lege lata*, играет значимую роль в системе механизмов регулирования корпоративных отношений, предоставляя участникам хозяйственных обществ инструментарий для согласования своих интересов и оптимизации корпоративного управления. Вместе с тем, анализ действующего законодательства позволяет выявить ряд *de lege ferenda* предложений, направленных на совершенствование правового регулирования корпоративного договора и устранение существующих пробелов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
4. Глинщикова Т. В., Шубин Д. М. Особенности и проблемы правового регулирования корпоративного договора в Российской Федерации // *Epomen. Global*. — 2024. — № 49. — С. 38–42.
5. Марасанов В. М. Осуществление прав участников хозяйственных обществ при заключении и исполнении корпоративного договора: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.03. — М., 2020. — 242

Гражданско-правовое регулирование электронных сделок

Колобов Илья Алексеевич, студент;

Ерофеев Михаил Борисович, студент

Научный руководитель: Самсонов Владимир Владиславович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются позиции ученых-правоведов в сравнении с правовой позицией законодателя в определении понятия электронных сделок, рассматриваются актуальные проблемы, с которыми встречаются хозяйствующие субъекты электронного документооборота, и проблемы, связанные с правовым регулированием электронных сделок.

Ключевые слова: электронная сделка, электронный документооборот, технология блокчейн, смарт-контракты, электронная подпись.

В эпоху цифровой трансформации экономики широко используются электронные сделки, что вызвано удобством, сокращением времени и затрат на заключение договоров. Е. Г. Усачев, считает, что «цифровизация сильно влияет на юриспруденцию и оставляет свой отпечаток на законодательные нормы, «документация ведется и подписывается в интернет-пространстве, отсутствует потребность в осуществлении бумажного документооборота» [1, с. 199]. Действительно, законодатель стремится совершенствовать нормы права в ногу со временем, так в 2019 г. федеральным законом № 34 были внесены изменения в статью 1124 ГК РФ, посредством которой появился новый объект гражданских прав — цифровые права, и новой формой правового оформления этих прав стала электронная сделка [2].

Целью введения электронных сделок и приравнение их к письменной форме сделок, заключается в упрощении совершения многих односторонних сделок, а также заложении основ для заключения смарт-контрактов, что, я считаю, достигнуто в полной мере, так как сейчас данная технология активно развивается, наряду с использованием систем блокчейна.

Отсутствие легального определения электронной сделки затрудняет её классификацию, а именно является ли она самостоятельной третьей формой сделки (наряду с устной и письменной) или же разновидностью письменной. В свою очередь, различные исследователи в определении понятия электронной сделки закладывают особенности волеизъявления субъекта, что отличается от позиции иных научных взглядов, придерживающихся правовой позиции законодателя в том, что электронная сделка является все же подвидом письменной сделки.

Н. А. Викторова, приводит обоснование того, что согласно п. 2 ст. 434 ГК РФ, законодатель считает электронную сделку разновидностью письменной, если она (по ст. 160 ГК РФ) позволяет воспроизвести неизменное содержание первоначального материального носителя и достоверно определить лицо, выразившее волю заключения сделки [3, с. 48–49]. Определить и подтвердить свою волю в совершении сделки, лицо должно посредством электронной подписи, что в свою очередь, согласно ст. 6

ФЗ № 63, уравнивает подписанную такой подписью информацию с информацией на бумажном носителе, подписанном собственноручно.

Также автор ссылается п. 2 ст. 434 ГК РФ, по которому допускается заключение договора как единым (в т. ч. электронным) документом, так и обменом документами электронными средствами, воспроизводящими неизменное содержание [5]. Эта общая черта письменной и электронной форм объясняет, почему законодатель считает последнюю разновидностью первой.

Вторая группа ученых-правоведов, считает, что электронная сделка является новой формой волеизъявления. Так, в соответствии со ст. 165. 1 ГК РФ, действия по отправке сигналов посредством использования клавиш различных технических средств, гаджетов, терминалов оплаты и т. д. являются юридически значимыми сообщениями и способом реализации волеизъявления субъектов. В данном случае, приводится обоснование того, что электронные сделки — новая форма волеизъявления, ярким примером такой сделки является электронная сделка, заключённая с использованием технологий смарт-контрактов.

Кроме того, анализ изменений, внесенных вышеупомянутым ФЗ № 34, приводит к выводу, что после идентификации в системе смарт-контрактов, действия пользователей подчиняются определенному фиксированному алгоритму, и приобретение виртуального объекта происходит автоматически при наступлении заданных условий. В таком случае, воля на заключение договора включает в себя и волю на его исполнение.

С. Б. Гладкова считает, что договор, заключенный с применением технологии смарт-контрактов и системы блокчейн, позволяет автоматизировать часто повторяющиеся действия по сделкам, к примеру, «моментально оплачивать топливо непосредственно при заправке воздушных судов без предоплаты» [6, с. 187–198]. Исходя из этого положения, напрашивается вывод, что заключение смарт-контрактов подходит в подавляющем большинстве для типовых, шаблонных сделок. Стоит упомянуть про успешное использование смарт-контрактов между Газпромнефть-Аэро, S7 Airlines и Альфа-банком, способствовавшее автоматизации торговли авиатоплива.

Вместе с тем, Л. Г. Ефимова считает электронную форму сделки самостоятельной, отличной от письменной, из-за особенностей электронного документа как средства фиксации волеизъявления в цифровом коде, что является главным свойством электронного документа [7, с. 131].

Из вышеперечисленного, я больше придерживаюсь определения, закреплённого в действующем законодательстве, а именно согласно п. 11.1 ст. 2 Федерального закона № 149, «электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [8]. При этом важным является то, что для идентификации документ должен содержать определённые реквизиты, приравнивающие их к письменной форме документа.

Кроме проблем определения электронных сделок в научной литературе также критикуют действующее правовое регулирование обеспечения защиты от рисков, с которыми могут столкнуться участники электронного документооборота.

А. П. Адаменко, Н. И. Пискунова, считают, что основная проблема связана «прежде всего, с отсутствием единообразия правового регулирования, отсутствием правовой определенности некоторых категорий электронного документооборота, например, смарт-контрактов и других специальных правовых категорий» [9, с. 157]. Действительно без государственной поддержки на

компенсацию издержек, связанных с электронным документооборотом, права субъектов в полной мере не защищаются, тем самым необходима разработка комплексных программных решений, что способствовало бы расширению сферы электронного документооборота.

Кроме того, стоит еще добавить проблему квалификации электронной сделки как полноценного юридического акта. Несмотря на то, что понятие сделки охватывает волеизъявление, выраженное в любой форме (ст. 153 ГК РФ), не все электронные соглашения признаются действительными. Стоит вспомнить, проблемы, связанные с удостоверением таких сделок электронной подписью, связанных с трудностями ее идентификации.

Электронные сделки являются эффективным инструментом в современных рыночных отношениях. Одной из ключевых юридических проблем остаётся доказательство действительности электронных соглашений, в особенности идентификация сторон и их волеизъявления. Касательно определения электронных сделок, можно сделать вывод о том, что законодатель классифицирует электронную сделку как подвид письменной, однако существует мнение, что это самостоятельная форма волеизъявления. Это противоречие требует дополнения ГК РФ статьёй с определением электронной сделки. Кроме того, с целью преодоления сложностей, вытекающих из пользования электронными подписями, считаю необходимым усовершенствование технологий, направленных на ее идентификацию, к примеру, посредством внедрения биометрических данных, для установления и подтверждения личности.

Литература:

1. Усачев Е. Г. Смарт-контракт как разновидность договора в электронной форме // Закон и право. 2025. № 2. — С. 197–201.
2. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019 г. № 12- Ст. 1224.
3. Викторова Н. А. Понятие электронной формы сделки // Символ науки. 2023. № 7–1. — С. 48–51.
4. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011 г. № 15 — Ст. 2036.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СЗ РФ. 1994 г. № 32. — Ст. 3301.
6. Гладкова С. Б., Дробов Д. Е., Смирнова Е. С. Трансформации законодательства в области заключения сделок в электронной форме // Закон и право. СПб., 2020. — С. 85–89.
7. Ефимова Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Lex rus-sica. 2019. № 8. — С. 129–137.
8. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006 г. № 31 (часть I). — Ст. 3448.
9. Адаменко А. П., Пискунова Н. И., Целовальникова И. Ю. Электронная форма сделки: проблемы теории и практики // Юридическая наука. 2023. № 8. — С. 156–159.

Использование искусственного интеллекта в налоговых правоотношениях

Комлев Илья Олегович, студент;

Романова Кристина Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Яковлев Дмитрий Иванович, кандидат юридических наук, доцент;

Научный руководитель: Силантьева Инна Александровна, старший преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

В статье авторы рассматривают основные направления использования искусственного интеллекта в налоговых правоотношениях, преимущества внедрения технологий ИИ и вызовы, стоящие перед внедрением искусственного интеллекта в данные правоотношения, а также примеры успешной реализации данного вида технологий. Современные высокие технологии стремительно развиваются и активно внедряются в различные сферы человеческой деятельности. Одной из таких областей являются налоговые отношения, складывающиеся между ее участниками, где искусственный интеллект разрабатывает решения для повышения эффективности и справедливости налоговых правоотношений.

Ключевые слова: налоговые правоотношения, искусственный интеллект, правонарушение, налогоплательщик, налоговый орган.

Use of artificial intelligence in tax relations

Komlev Ilya Olegovich, student;

Romanova Kristina Evgenievna, student

Scientific advisor: Yakovlev Dmitry Ivanovich, candidate of law sciences, associate professor;

Scientific advisor: Silantyeva Inna Aleksandrovna, senior teacher

Saratov State Law Academy

In the article, the authors consider the main directions of using artificial intelligence in tax legal relations, the advantages of introducing AI technologies and the challenges facing the introduction of artificial intelligence in these legal relations, as well as examples of successful implementation of this type of technology. Modern high technologies are rapidly developing and are actively being implemented in various spheres of human activity. One of these areas is the tax relations that develop between its participants, where artificial intelligence develops solutions to improve the efficiency and fairness of tax relations.

Keywords: artificial intelligence, tax legal relations, offense, taxpayer, tax authority.

В налоговые правоотношения входит множество процессов, которые включают в себя сбор, анализ и проверку налоговой информации, взаимодействие с налогоплательщиками и разрешение возникших налоговых споров. Применение искусственного интеллекта (далее — ИИ) в данном виде правоотношений может существенно изменить и улучшить качество услуг, предоставляемых налоговыми органами при реализации ими своих полномочий.

Обратившись к анализу мировой практики внедрения технологий искусственного интеллекта в отдельных государствах и их налоговых систем, можно решительно утверждать, что в ряде стран с развитым налоговым законодательством и экономикой наблюдается устойчивая тенденция использования технологий искусственного интеллекта в регулировании налоговых правоотношений между государственными органами и налогоплательщиками. К примеру, государственная налоговая служба Республики Сингапур применяет технологии искусственного интеллекта для последующего анализа больших данных и выявления потенциальных случаев уклонения от уплаты налогов гражданами и юридическими лицами. В Соединенных Штатах Америки с сентября 2023 года го-

сударственная служба внутренних доходов США подписала акт об использовании технологий ИИ в рамках поиска конкретных случаев уклонения от уплаты налогов в многомиллионных фирмах.

В России с 2020 года Федеральной налоговой службой Российской Федерации был введен пробный вариант чат-бота, который получил наименование «Таксик». Данный чат-бот самообучаем и был создан для консультаций граждан по вопросам, связанным с информацией о налогах.

Относительно возможных направлений использования ИИ ведутся дискуссии и в научных кругах. Так, И. А. Филипова обозначает следующие перспективы применения искусственного интеллекта в налоговых правоотношениях: «Примером использования искусственного интеллекта в сфере налогообложения может быть обработка налоговых уведомлений, когда сканированная фотография счета превращается в текст, считывается программой с искусственным интеллектом и заносится в базу данных, или прогнозирование остатков по счетам и оборотным ведомостям для точного высчитывания налоговой базы, определения вычетов и внесения корректировок, или рутинная работа по уплате налогов, например

налога на прибыль, начиная со сбора информации по ведомостям и заканчивая подачей декларации. Еще один пример — создание чат-ботов, которые, имея доступ к обширной базе данных, будут консультировать по вопросам налогообложения». [1]

В условиях современного развития налоговых отношений внедрение и последующее использование искусственного интеллекта в может быть осуществлено по нескольким основным направлениям.

В первую очередь, искусственный интеллект позволяет автоматизировать некоторые операции, такие как обработка налоговых деклараций и аудит. Алгоритмы, по которым действует данная высокая технология, способны анализировать огромный объем данных, выявлять аномалии и пробелы, что в дальнейшем способствует ускоренному и точному выявлению налоговых правонарушений, которые вытекают из отношений между уполномоченными органами и налогоплательщиками [2].

Следует подчеркнуть, что технологии искусственного интеллекта могут использоваться для тщательного анализа налоговых поступлений и создания будущих прогнозов по налоговым поступлениям на основе сложившихся данных. Данные факты позволяют налоговым органам более точно планировать бюджеты всех уровней и разрабатывать необходимые стратегии по процессу оптимизации сбора налогов с налогоплательщиков.

Для улучшения взаимодействия между субъектами налоговых правоотношений, системы на основе искусственного интеллекта могут активизировать работу онлайн чат-ботов и виртуальных помощников, которые смогут без помощи должностных лиц и работников налоговых органов оперативно отвечать на вопросы налогоплательщиков, предоставляя необходимую и достаточно точную справочную информацию, а также консультируя их по конкретным налоговым вопросам.

Что касается налоговых правонарушений, в ходе которых нарушаются права какой-либо стороны налоговых отношений — эту область алгоритмы искусственного интеллекта способны урегулировать через призму закономерностей, аномалий и пробелов в налоговых данных, позволяя налоговым службам достаточно быстро отреагировать на случаи уклонения от уплаты налогов и другие правонарушения, связанных с нарушением законодательства о налогах и сборах.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в налоговых правоотношениях имеет ряд следующих преимуществ:

Литература:

1. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородский университет. — 2022. — С. 143.
2. Лютова О. И. Актуальные вопросы правового регулирования налоговых отношений в условиях применения технологии искусственного интеллекта. Актуальные проблемы российского права. — 2023. — 18(7). — С. 62–70.
3. Рябова Е. В. Налогообложение в контексте массовой роботизации и внедрения искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 9 (85). — С. 106.

искусственный интеллект дает возможность значительно сократить время для обработки большого объема данных и анализа требующейся информации;

использование системы ИИ уменьшает вероятность человеческого фактора, т. е. ошибок в налоговых отношениях и обеспечивает повышенную точность в принятии решений субъектами данных отношений;

автоматизация налоговых процессов в правоотношениях позволяет снижать операционные расходы государственных органов.

Несмотря на указанную базу положительных аспектов высокой технологии ИИ, существует также ряд недостатков, связанных с использованием искусственного интеллекта в налоговых правоотношениях, которые нужно разрешить в будущем. При этом необходимо предпринять следующие меры для устранения недостатков использования технологий ИИ в налоговых отношениях.

Во-первых, важно регламентировать и детально проработать механизм по защите конфиденциальности и персональных данных налогоплательщиков при их участии в налоговых правоотношениях, так как на сегодняшний день использование технологии ИИ влечет за собой некоторую утечку конфиденциальных данных об участниках налоговых отношений.

Во-вторых, необходимо активно повышать квалификацию работников налоговых органов для работы с новыми технологиями, чтобы избежать пробелов, недостатков и ошибок при реализации ими полномочий в ходе вступления в налоговые правоотношения с налогоплательщиками.

В-третьих, необходимо определить на федеральном уровне и закрепить в действующем законодательстве, вопросы о том, кто будет нести ответственность за ошибки, допущенные искусственным интеллектом, и привести в соответствие с законодательными требованиями решения, выданные высокой технологией «искусственный интеллект».

Подводя итоги, отметим, что активное использование искусственного интеллекта в налоговых правоотношениях требует целесообразного правового регулирования. Автоматизация и улучшение взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками — делает систему российского налогообложения более эффективной и справедливой. Однако для полноценного внедрения технологий искусственного интеллекта необходимо преодолеть существующие проблемы. Внедрение высоких технологий в налоговые правоотношения требует учета интересов всех участников налоговых отношений и их обдуманных решений.

Теоретические и правовые основы функций органов прокуратуры Российской Федерации

Кочаа Артыш Оюн-оолович, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Автором статьи на основе библиографических материалов и правовых актов определяются понятие функции прокуратуры Российской Федерации, их роль и значение в вопросах обеспечения законности и правопорядка. При этом, анализируются нормативные предписания и доктринальные юридические позиции по вопросам развития функционального потенциала прокуратуры, делаются выводы о современном состоянии и перспективах дальнейшего развития института функций прокуратуры. Основная цель — внесение автором статьи вклада в формирование правовой определённости функций прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, органы прокуратуры, функции, теоретические основы, правовые основы, состояние, перспективы.

Функции и полномочия прокуратуры занимают важное место в перечне элементов государственно-правового механизма, направленных на решение задач укрепления законности и правопорядка в Российской Федерации. Эффективная организация прокурорского надзора за исполнением законов обеспечивает регулирование отношений в сфере различных отраслей жизнедеятельности общества и государства, и позволяет своевременно выявлять факты правонарушений и преступлений, принимать меры прокурорского реагирования. Формирование профессиональных компетенций прокурорских работников обусловлено направленностью функций и полномочий прокуратуры, определенных в ст. 129 Конституции Российской Федерации, Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) и другим законодательством.

При этом автором рассматривались и брались во внимание позиции О. В. Пискуновой: «определение функций... как единой системы относительно обособленных, отличающихся постоянством, обусловленных целями и задачами развития современного общества, направлений воздействия на общественные отношения, а также устойчивых видов взаимодействия норм права друг с другом (внутрисистемных функций), в которых раскрывается сущность и юридическая природа правовых норм» [8, с. 7]. Указанный посыл формирует понимание того, что функции прокуратуры, как категории Конституции Российской Федерации, имеют логически-последовательную природу их социального предназначения, государственно-правового становления и развития.

А. Б. Ахметова по этому поводу отмечает: «Цели, задачи и функции прокуратуры в полной мере выражают ее юридическую природу как государственного органа, призванного обеспечивать законность и правопорядок в обществе и государстве» [6, с. 14]. Функциональное предназначение органов прокуратуры по сути является уникальным, поскольку формирует особый правовой статус, который отсутствует у какого-либо иного органа публичной власти.

А. К. Балдин отмечает, что в основу взаимодействия прокуратуры положены такие обязательные принципы как законность, гласность, комплексность, непрерывность и эффективность [7, с. 92]. Анализируя законодательные положения, можно сделать вывод о наличии определенных функций прокуратуры, которые следуют в том числе и из положений ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре. Однако, сама дефиниция в Законе о прокуратуре не закреплена, что следует, по нашему мнению, считать определенным правовым пробелом.

Е. А. Алева-Герман отмечает многофункциональность прокуратуры, которая проявлялась на всех исторических этапах развития прокуратуры при условии, что законодательно определенные рамки определения функций отсутствуют и нет границ для их выявления [5, с. 171–172]. Отсутствие формальной определенности не способствует установлению четких пределов функционального обеспечения органов прокуратуры.

Рассматривая положения юридической доктрины, необходимо отметить некоторые позиции, которые высказывались по исследуемому вопросу. А. Ю. Ульянов выделяет следующие функции прокуратуры: правозащитная; надзорная; правотворческая; координационная; судебная; информационно-просветительская; международно-правовая [11, с. 7]. Также А. Ю. Ульянов отмечает процессуальные, научные и образовательные функции прокуратуры [12, с. 22]. Могут использоваться разнообразные основания для выделения функций прокуратуры, единая классификация в науке не сформирована.

Представляется, что функции прокуратуры должны коррелировать принципам организации и деятельности прокуратуры, установленным в ст. 4 Закона о прокуратуре. С. Г. Рокитянский отмечает уникальность функции общего надзора за деятельностью органов публичной власти [10, с. 100]. В определенной степени можно говорить об общих и специальных, первостепенных и второстепенных функциях прокуратуры.

Основы деятельности, как функции, российской прокуратуры базируются на конституционно закрепленных положениях. Представляется, что их содержание в опре-

деленной степени определено ч. 1 в ст. 129 Конституции Российской Федерации [1], и, по мнению автора статьи, включают в себя три основных блока:

- надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов;
- надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина;
- уголовное преследование в установленных законом пределах.

Функциональное предназначение прокуратуры определяется государственной и общественной потребностью в обеспечении неукоснительного исполнения законов и иных нормативно-правовых актов. Поэтому они наделены особым статусом, обуславливающим их независимость от федеральных органов государственной власти, субъектов Российской Федерации, местного самоуправления [2]. Данное положение влияет на недопустимость произвола со стороны властных структур.

В своей деятельности, как отмечалось выше, прокуратура руководствуется положениями Конституции Российской Федерации, Законом о прокуратуре, но и иными нормами российского законодательства. В части правовых основ прокурорской деятельности определенное значение имеют Указы Президента Российской Федерации. Так, например, согласно ч. 2 ст. 8 Закона о прокуратуре, Президент Российской Федерации утверждает Положение о координации деятельности по борьбе с преступностью [3].

При реализации функций прокуратуры Российской Федерации существенную роль играют её ведомственные правовые акты, обладающие теоретическим и прикладным значением, и конкретизирующие порядок деятельности органов прокуратуры (пределы полномочий, особенности служебной деятельности др.). Детализация сущностных положений Закона о прокуратуре обеспечивается содержанием системы ведомственных актов и способствует повышению эффективности её функциональной деятельности.

В ч. 1 ст. 17 Закона о прокуратуре закреплены пределы компетенции Генерального прокурора Российской Федерации, который вправе издавать: приказы, указания, распоряжения, положения, инструкции. В перечисленных организационно-распорядительных документах конкретизируются формы и методы работы прокуроров по различным профессиональным вопросам, особенности анализа ключевых показателей деятельности, разграничиваются полномочия в рамках структурного деления органов прокуратуры (например, приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» [4].

Деятельность прокуратуры по осуществлению надзора за исполнением законов выполняет ряд функций, обозначенных в ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре. Ст. 21 Закона о прокуратуре устанавливает, что прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции Россий-

ской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Прокуратура осуществляет надзор за исполнением требований законодательства юридическими и физическими лицами, публичными органами и учреждениями. Основной задачей прокуратуры выступает выявление фактов нарушения требований закона и применение к ним мер прокурорского реагирования, что реализуется посредством установленных полномочий и средств прокурорского реагирования (ст. 22–25.1 Закона о прокуратуре).

Функции прокуратуры могут разъясняться посредством определения конкретного вида деятельности (в контексте полномочий органов прокуратуры), задач и предмета ведения. С другой стороны, функции прокуратуры выражаются в основных направлениях деятельности. Требуется разработка универсального механизма определения особенностей функционального предназначения прокуратуры, так как в научном сообществе отсутствуют единообразные подходы к установлению функций прокуратуры. Как ранее было отмечено, в наиболее общем виде функции прокуратуры определены в ч. 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации и продолжают в нормах Закона о прокуратуре. Между тем, отсутствует, по нашему мнению, ясно сформированная дефиниция «функции прокуратуры».

Использование в Законе о прокуратуре такого понятия как «иные функции прокуратуры» делает неоднозначным определение пределов функциональных связей, размывает границы для установления функций прокуратуры. Помимо формально определённых функций, в иные функции прокуратуры может быть отнесено значительное количество оснований. Подобное положение не отвечает правоприменительным потребностям и делает неопределённым предмет прокурорского надзора. Между тем, разграничение по предмету прокурорского надзора определяет формирование разновидностей надзорной деятельности (распределение обязанностей внутри органов прокуратуры). Представляется, что для повышения уровня правовой определённости ст. 1 Закона о прокуратуре следует дополнить дефиницией «функции прокуратуры».

Изложенное содержание статьи констатирует — функции прокуратуры составляют существо практической деятельности прокурорских работников. Как вывод авторских суждений по её тематике, на основе результатов анализа теоретических работ [6,8], положений российского законодательства, автор статьи выработал дефиницию понятия «Функция прокуратуры». По нашему мнению, это «однообъектовая профессиональная организационно-обособленная по структуре деятельность её федеральных служащих и государственных гражданских служащих, других работников по решению государственно значимых задач в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.
3. Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 (ред. от 14.06.2024) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // Собрание законодательства РФ. 22.04.1996. № 17. Ст. 1958.
4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.05.2008 № 84 (ред. от 02.09.2024) «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» // СПС КонсультантПлюс.
5. Алева-Герман Е. А. Многофункциональность прокуратуры Российской Федерации как принцип ее организации и деятельности. Актуальные проблемы российского права. 2022. № 17(4). С. 170–181.
6. Ахметова А. Б. Конституционно-правовые основы организации и деятельности прокуратуры в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ: дис.... кандидата юридических наук. Пенза, 2014. 155 с.
7. Балдин А. К. Взаимодействие органов прокуратуры с высшими учебными заведениями как условие повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства об образовании // Законность и правопорядок. 2019. № 4 (24). С. 90–93.
8. Пискунова О. В. Функции норм российского права: дис.... кандидата юридических наук. Саратов, 2012. 173 с.
9. Рокитянский С. Г. Место прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации: теоретический, исторический и нормативный аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 4. С. 80–102.
10. Ульянов А. Ю. Конституционное назначение и функции прокуратуры // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 5–7.
11. Ульянов А. Ю. Конституционализация прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти: автореферат дис.... кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2020. 30 с.

Проблемы участия защитника на стадии предварительного расследования

Кочиева Есения Алановна, студент;

Панова Ульяна Ивановна, студент;

Перминов Алексей Алексеевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Научная статья посвящена ряду проблемных вопросов, касающихся участия защитника на стадии предварительного расследования в силу существующих пробелов действующего законодательства, с последующим указанием на возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: адвокат, защитник, предварительное расследование, полномочия адвоката, правовые проблемы.

Стадия предварительного расследования, как один из этапов судопроизводства, выступает самой объемной стадией всего уголовного процесса в силу выполнения огромного количества действий и составления большого перечня процессуальных документов. На данной стадии происходит сбор доказательств, проведение отдельных следственных действий, расследование обстоятельств дела и подготовка материала для обвинения. Представленное суждение опосредует тот факт, что деятельность защитника на данном этапе имеет огромную роль, поскольку его участие направлено на

контроль за соблюдением основополагающих принципов всего уголовного процесса — в частности, законности, презумпции невиновности, обеспечения подозреваемому права на защиту, права на обжалование процессуальных действий и решений. В рамках данной статьи мы рассмотрим ряд действий адвоката-защитника, направленных на обеспечение реализации его полномочий как субъекта, наделенного особым статусом, с одновременным указанием на существующие правовые неопределенности в условиях исследуемого этапа, а также пути их устранения.

Прежде всего, одним из важнейших полномочий адвоката является право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи. Участие в процессе доказывания осуществляется адвокатом следующими способами [1]:

1) Получение предметов, документов и иных сведений. В рамках данного способа важно именно «получение», а не «истребование», поскольку у защитников полномочий по принудительному изъятию необходимой информации, размещённой на определенном носителе, не имеется.

2) Опрос лиц с их согласия. Указанный способ представляет именно «опрос» — сбор информации, не имеющей доказательственного значения до момента признания её таковой следователем. В случае со следователем уже используется термин «допрос» как следственное действие, осуществляемое соответствующим субъектом в обязательном порядке для лица, который обладает соответствующими сведениями.

3) Истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии. В данном случае адвокат-защитник вправе их «истребовать» только в том случае, когда на соответствующих органах и организациях лежит обязанность по предоставлению таких документов. Адвокат вправе ходатайствовать о приобщении полученных по запросам документов к материалам уголовного дела. При этом он должен раскрыть источник их получения, объяснить их происхождение, а следователь, в свою очередь, проверить эту информацию, в частности путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство [2].

Вместе с тем, несмотря на важность данного полномочия, в практической деятельности оно не реализуется в полной мере в связи с отсутствием законодательно закреплённого порядка получения и истребования информации адвокатом, с помощью которой будет формироваться данная база, а также порядка признания за ней статуса доказательства. Представляется разумным наряду с перечнем способов сбора доказательств, установленным в статье 86 УПК РФ, конкретизировать процесс их получения либо в содержании данной статьи, либо посредством установления отсылочной нормы.

Следующим полномочием адвоката в рамках деятельности на стадии предварительного расследования выступает его участие в осуществляемых следственных действиях. Участие адвоката в каждом отдельном проведенном следственном мероприятии в той или иной сфере служит гарантом защиты от неправомерных действий со стороны органов, проводящих расследование. Для наглядности представленного довода разберём некоторые из таких следственных действий и установим роль адвоката в каждом из них.

Так, в процессе осуществления такого следственного действия, как проведение допроса подозреваемого, участие адвоката-защитника обусловлено контролем за порядком его проведения. Защитник следит, чтобы на подозреваемого в процессе допроса не оказывалось психологическое давление, следователем не задавались наводящие вопросы. В свою очередь, сам защитник может задавать такие вопросы, которые были заранее подготовлены. Также защитник вправе просить перерыв, чтобы провести с подозреваемым конфиденциальный разговор [3]. Завершая проведение допроса, адвокат осуществляет проверку всех сведений, изложенных подзащитным и представленных на бумажном носителе с точки зрения их соответствия действительности, и в случае наличия неточностей защитником составляется соответствующее замечание.

При проведении обыска адвокат своевременно может указать на нарушение права на сохранность имущества, уважение частной жизни, ознакомление с документами, на основании которых проводится обыск. В случае выявления указанных нарушений защитник может подать жалобу на действия соответствующих должностных лиц, ввиду чего такой обыск может быть признан незаконным, и все доказательства, полученные в ходе его проведения, станут недопустимыми.

Отдельно стоит выделить, что для вступления адвоката в процесс расследования необходимо предъявить в обязательном порядке ордер и удостоверение надлежащего образца. Однако на практике нередки случаи, когда защитники, вступая в процесс, предъявляют ордера, выписанные не по форме, либо обещают предъявить их позднее. В свою очередь следователи и дознаватели умело пользуются фактами нарушения этой процедуры и отказывают в допуске защитника [4].

Заканчивается стадия предварительного расследования вынесением обвинительного заключения или акта с последующим предоставлением обвиняемому и его защитнику всех материалов уголовного дела для дальнейшего ознакомления.

Исходя из вышеприведённой информации можно сделать вывод, что во взаимосвязи всех представленных действий у защитника выстраивается достаточно чёткая тактика защиты, позволяющая наиболее полным образом обеспечить защиту прав и интересов подозреваемого. На рассматриваемой стадии деятельность профессионального защитника тоже не лишена недостатков, что в определенной мере ограничивает их деятельность. Представляется необходимым привести действующее законодательство в соответствие с происходящими изменениями в обществе, что позволило бы модернизировать институт защиты в сфере уголовного процесса. Таким образом, следует сказать, что правильное и полное использование адвокатом своих процессуальных прав является ключевым фактором, способствующим эффективности обеспечения реализации большинства принципов уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст.4921.
2. Копейкина И. А. Собираание доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Научный журнал. 2021. № 3 (58). С.66.
3. Кузин Я. А., Фантров П. П. Роль защитника при производстве отдельных следственных действий на стадии предварительного расследования // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». Санкт-Петербург. 2021. С.148.
4. Адвокатская практика: Учебник / Отв. ред. А. А. Клишин, А. А. Шугаев; МГИМО (У) МИД России. М.: Статут, 2016. 506 с.

Проблема идентификации перепланировки и переустройства жилых помещений

Краузова София Константиновна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается разграничение понятий «перепланировка», «переустройство», «реконструкция», «переоборудование», «капитальный и текущий ремонт» жилых помещений. Автор рассматривает проблемы идентификации вышеперечисленных понятий и возможные пути решения данных проблем.

Ключевые слова: перепланировка, переустройство, законодательство, жилые помещения.

Как ни странно, основной проблемой при проведении перепланировки или переустройства на практике является их идентификация и разграничение от реконструкции, переоборудования, капитального и текущего ремонта.

Перед началом работ собственники неправильно определяют тип монтажных работ, которые намереваются совершить, следовательно, предпринимают неверные действия для их узаконивания, что в результате приводит к самовольной перепланировке или переустройству жилых помещений. К сожалению, как показывает анализ судебной практики, некоторые суды также не проводят различие между понятиями реконструкции и перепланировки (переустройства) жилого помещения и разрешают иски граждан, например, о сохранении жилого помещения — квартиры с самовольной пристройкой в виде балкона или созданием отдельного входа в квартиру с улицы, в порядке ст. 29 ЖК РФ, что является в корне неверным.

Например, в деле № 33–0206/2018 Московский городской суд отнес работы по устройству входной группы с выполнением мероприятий, обеспечивающих беспрепятственное передвижение маломобильных групп населения и устройству балкона на первом этаже МКД к работам по переустройству и перепланировке жилого помещения, ведь такие работы не повлекли изменение параметров всего многоквартирного дома, его частей (высоты, количества этажей, площади, объема) [1]. Что поразительно аналогичную позицию в 2017 г. занимал и Минстрой РФ, который относил такие работы к перепланировке наряду с демонтажем стен между квартирами и частями стен между балконами и комнатами [2].

Конечно же, подобная точка зрения является неверной и данные работы следует относить именно к реконструкции помещения, а не к перепланировке. Правильную позицию в подобной ситуации высказал Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, который счел устройство входной группы в нежилое помещение, находящееся на первом этаже МКД, именно реконструкцией. Кассационный суд указал, что устройство дверных проемов в наружной стене многоквартирного жилого дома, то есть выполнение работ, сопряженных с разрушением части его внешней несущей стены, являющейся ограждающей несущей конструкцией, приводит к изменению конфигурации здания, что подпадает под понятие реконструкции объектов капитального строительства [3].

Давайте разбираться, чем же отличаются упомянутые выше понятия. Если понятия «перепланировка» и «переустройство» раскрываются в Жилищном кодексе Российской Федерации (далее — ЖК РФ), то понятия «реконструкции» и «переоборудования» напрямую в ЖК РФ не указаны.

Определение понятия реконструкции мы можем найти в п. 14 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ (далее — ГрК РФ), согласно данной статье реконструкция объектов капитального строительства — это изменение параметров объекта капитального строительства, его частей (высоты, количества этажей, площади, объема), в т. ч. надстройка, перестройка, расширение объекта капитального строительства, а также замена или восстановление несущих строительных конструкций объекта капитального строительства, за исключением замены отдельных элементов таких конструкций на аналогичные или иные улучшающие по-

казатели таких конструкций элементы или восстановления указанных элементов [4].

Отсюда следует, что в сравнении с перепланировкой реконструкция содержит более широкий спектр ремонтных работ, направленных на повышение удобства использования жилого помещения; реконструкция предусматривает кардинальное изменение основных характеристик объекта недвижимости, затрагивает несущие конструкции здания и его внешний вид. Перепланировка в сравнении с реконструкцией относительно безобидна, не должна влиять на прочность несущих конструкций и ограждающих конструкций здания, в котором она проводится, а также изменять его параметры.

Понятие капитального ремонта объектов капитального строительства дано в п. 14.2. ст. 1 ГрК РФ. Согласно статье капремонт — это замена или восстановление строительных конструкций или элементов таких конструкций, за исключением несущих строительных конструкций, замена или восстановление систем инженерно-технического обеспечения, а также замена отдельных элементов несущих строительных конструкций на аналогичные или иные улучшающие показатели таких конструкций элементы или восстановление указанных элементов. Текущий ремонт спутать с капремонтом, перепланировкой или переустройством достаточно сложно, так как по сути он представляет из себя поверхностную отделку помещения без затрагивания каких-либо конструкций и инженерных систем. К работам по текущему ремонту можно отнести частичное выравнивание поверхностей, заделку и расшивку швов, трещин в стенах, замену окон, дверей, напольных покрытий, проведение плиточных работ и т. д.

Таким образом, при капремонте восстанавливают основные элементы здания и помещений и их эксплуата-

ционные характеристики, не меняя при этом основных параметров. Фактически ничего нового в здание не привносится, лишь заменяются существовавшие до этого системы и конструкции с целью увеличения срока их службы; реконструкция же позволяет значительно изменить параметры объекта, внести что-то новое и поменять эксплуатационные характеристики объекта. По этой причине при проведении ремонта нет необходимости обращения в Росреестр и согласования работ в органах местного самоуправления, а вот реконструкцию и перепланировку (переустройство) согласовывать нужно, поскольку они предполагают изменение характеристик помещения.

Говоря о переоборудовании жилого помещения, важно отметить, что в Постановлении Госстроя РФ от 27 сентября 2003 г. № 170 законодатель отождествляет понятие «переустройство» и «переоборудование», а иногда относит к переоборудованию ещё и перепланировку жилых помещений, что также создаёт путаницу среди простых граждан и судов. Здесь собственникам следует учитывать, что с точки зрения законодателя «переоборудование» и «переустройство» фактически являются синонимами и рассматривать проведение переоборудования жилого помещения в многоквартирном доме следует в контексте норм главы 4 ЖК РФ.

По мнению автора, в целях устранения смыслового несоответствия между разобранными понятиями необходимо внести в ЖК РФ определение реконструкции, а также закрепить в ЖК РФ такое понятие, как переоборудование помещения, либо привести в порядок иные законодательные акты, чтобы термином «переоборудование» не заменялись понятия «переустройство» и «перепланировка» жилого помещения.

Литература:

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.01.2018 г. по делу № 33–0206/2018 // СПС «Консультант плюс».
2. Письмо Минстроя России от 27.01.2017 г. № 2146-АГ/08 «О квалификации работ по перепланировке помещения в многоквартирных домах» // СПС «Консультант плюс».
3. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2021 № 88а-4594/2021 // СПС «Консультант плюс».
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 17 (568) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 07.05.2025. Дата выхода в свет: 14.05.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.